

ГЛАВА III. ВТОРОЙ РОССИЙСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ: ПЕРИОД ВОСТАНОВЛЕНИЯ И РОСТА

3.1. Период восстановления

3.1.1 Россия после Смуты

Избрание на царство Михаила Федоровича было шагом на пути к политической стабильности, но Смута закончилась не сразу. Первые годы царствования были наполнены восстаниями и войнами; война с Польшей закончилась только в 1618 году. Россия была вынуждена признать утрату западных областей, Смоленска и северских городов; западная граница страны вернулась к рубежам времен Ивана III. Еще более тяжелым было положение на юге; все южные области были опустошены, татары ежегодно переправлялись через Оку и иногда доходили до окрестностей Москвы. За время Смуты в полон были выведены сотни тысяч русских людей, и, принимая московского посла, персидский шах Аббас выражал удивление, что в Русском государстве еще остались люди¹.

В контексте неомальтузианской теории наиболее важными представляются демографические последствия катастрофы. Великая Смута нанесла страшный удар России. Города лежали в развалинах, повсюду виднелись пепелища деревень. «Вотчины монастырские все до основания разорены, – писали монахи Иосифо-Волоколамского монастыря, – и крестьянишка с женами и детьми посечены, а достальные в полон повыведены... все пусто, стоит лес да небо»². Бывшие пашни заросли лесом, и в некоторых местах крестьяне вернулись к подсечному земледелию – как в начальные времена Киевской Руси. Судя по данным переписей, в Новгородской земле численность населения в 1620 году была вдвое меньше, чем в 1582 году и в 10 раз меньше, чем в 1500 году. В вотчинах Троице-Сергиева монастыря, разбросанных по всему центральному району, площадь пашни сократилась более чем в 10 раз. В Московском уезде по данным переписи 1626-1629 годов регулярно обрабатывалось только 1/8 прежней пашни, остальная часть заросла лесом или использовалась под перелог³.

Северная часть страны, Поморье, была меньше затронута бедствиями, чем центральные области. Часть жителей Замосковья бежала от Смуты на Двину и на Вятку, поэтому население отдельных районов Севера в это время не только не уменьшилось, но и возросло. В 1620-х годах новые деревни, починки, составляли почти половину вятских деревень; в Устьянских волостях на Двине в 1646 году запашка была втрое больше, чем до катастрофы 1569-1572 годов. В годы после Смуты площадь пашни на Севере была больше, чем в разоренном Замосковье; Север на некоторое время стал опорным краем Руси⁴.

В целом, по переписи 1646 года население страны составляло 551 тысячу крестьянских и 31 тысячу посадских дворов⁵. Если принять среднюю населенность двора в 6 человек, то получится 3,5 млн., а с поправкой на недоучет (который Я. Е. Водарский оценивает в 25%) – 4,5-5 млн. На 1620 год численность населения, была, конечно, меньше; если считать ежегодный прирост около 1%, то получится 3,5 млн. В 1550-х годах, по оценке А. И. Копанева, население составляло 9-10 млн.⁶, то есть две демографические катастрофы уменьшили население в 2,5-3 раза.

Каковы были социальные последствия катастроф? Неомальтузианская теория утверждает, что экосоциальный кризис нередко порождает автократию и этатистское государство. Вождь партии, добившейся победы на поле брани, часто становится военным диктатором и самодержавным монархом; подавив сопротивление врагов, он железной рукой проводит необходимые реформы. Соответствует ли этому образу российский кризис XVII века?

Очевидно, не соответствует. В российской гражданской войне не было победителя, она закончилась компромиссными выборами нового царя. В январе 1613 года в Москве собрался Земской Собор; помимо бояр, священников, дворян и посадских людей в Соборе впервые участвовали выборные от черносошных крестьян и казаков. Решающее слово в выборах царя оказалось за казаками, которые едва ли не силой заставили бояр принять кандидатуру 17-летнего Михаила Романова. «Казаки и чернь не отходили от Кремля, пока дума и земские чины в тот же день не присягнули царю», – свидетельствует современник⁷. По своей молодости царь не мог выступать в роли самодержца; некоторые историки полагают, что при вступлении на престол Михаил подписал обязательство, ограничивающее его власть. Как бы то ни было, первые десять лет своего царствования Михаил правил совместно с Земским собором, находя в нем совет и опору. Если прежде царские грамоты заканчивались традиционной формулой: «Царь приказал и бояре приговорили», то на грамотах Михаила Романова появляется новая формула: «Поцарскому указу изземскому приговору»⁸.

Характер новой монархии определялся тем обстоятельством, что она родилась вследствие компромисса между сословиями. Монархии стоило большого труда примирить дворян и казаков (многие из которых были восставшими крестьянами и холопами). После воцарения Михаила многие казаки вернулись к крестьянской жизни и устроились на пашню («по льготе»); другие поступили на царскую службу. Казаки превратились в многочисленное военное сословие, они пользовались внутренним самоуправлением, жили в пограничных крепостях, имели земельные наделы и получали дополнительное денежное жалованье. Часть казаков (полторы тысячи) получила маленькие поместья, от одного до трех дворов зависимых крестьян, некоторые стали дворянами⁹. Таким образом, наиболее активная часть крестьянства не только улучшила свое экономическое положение, но и добилась повышения своего социального статуса. То, что часть восставших была включена в военные структуры нового государства, несомненно, свидетельствовало о достижении компромисса между враждовавшими сословиями.

Возникшая на основе компромисса новая власть была слабой. Вместо того, чтобы требовать, царь и Собор просили взаймы деньги у купцов Строгановых¹⁰. Для содержания ратников освободившего Москву ополчения Земской собор решил собрать «пятую деньги» с посадских жителей. Однако во многих городах отказывались платить сполна и оказывали открытое сопротивление сборщикам. Крестьяне при попытке властей собрать с них чрезвычайные налоги бросали свои деревни и уходили туда, где им давали льготы: так случилось, к примеру, в Кирилло-Белозерском монастыре¹¹. «Государевой казны нет нисколько, – говорилось в указе, – кроме таможенных и кабацких денег государевым деньгам сбору нет»¹². В 1626 году отсутствие денег заставило правительство уменьшить вес серебряной копейки, новая монета весила 0,47 грамма, почти на треть меньше, чем прежде¹³.

Таким образом, вопреки предсказаниям неомальтузианской теории, российский кризис не привел к укреплению этактистской монархии, скорее наоборот, он привел к ослаблению государства и монархии. Следует ли отсюда, что теория должна быть отвергнута? Нет, не следует – нужно напомнить, что выводы этой теории носят вероятностный характер, она утверждает, что один из исходов более вероятен, чем другие – и только. Возможность других исходов не отвергается, и можно найти примеры, когда экосоциальный кризис не приводил к усилению монархии.

Более того, теория демографических циклов рассматривает цикл в целом, и утверждает, что переход от слабого государства с частной собственностью на землю к этактистской монархии вероятен в фазе кризиса, или до него, в фазе Сжатия. И такой переход в российском цикле XVI века действительно имел место: его завершающие моменты относятся к правлению Ивана Грозного. Что происходит с этактистской монархией позже, в период кризиса? Как показывает статистический анализ исследованных циклов, наиболее частый исход – это завоевание внешними врагами, но встречаются также случаи, когда восстанавливалась частная собственность на землю и случаи, когда существенных перемен не происходило – монархия сохранялась¹⁴.

Исход российского цикла (если учитывать укрепление самодержавия в правление Филарета), нужно отнести, очевидно, к последнему варианту развития событий. Несмотря на тяжелый кризис, этактистская монархия устояла, и главным свидетельством этого было сохранение поместной системы и государственной собственности на землю. Дворяне не стали собственниками своих земель; они по-прежнему несли государеву службу, то есть сохранились те отношения, о которых писал Р. Ченслор: «В этой стране нет собственников, но каждый обязан идти [служить] по требованию государя...»¹⁵

3.1.2. Динамика элиты: положение дворянства после Смуты

Демографически-структурная теория уделяет большое внимание положению элиты и, в частности, вопросу об обеспеченности элиты материальными средствами. От обеспеченности элиты зависит тот уровень материальных требований, которые она предъявляет государству и народу, и от-

ношения внутри структуры «государство-элита-народ». Каково было положение элиты после Смуты? Конфискации Ивана Грозного и «Смутное время» нанесли тяжелый удар по боярским родовым вотчинам и по вотчинному землевладению в целом. В Тверском уезде, например, в 1548 году было 318 вотчин средним размером 370 десятин пашни, в 1620-х годах осталось 197 вотчин, имевших в среднем 137 десятин, общая площадь вотчинного землевладения сократилась в 4,3 раза. Обширные когда-то владения так измельчали, что в центральных уездах в среднем на одного вотчинника приходилось 4,2 крестьянских двора¹⁶.

Поместное землевладение также испытывало кризис – но не из-за недостатка земли, а из-за недостатка обрабатывавших ее крестьян. Самое богатое, московское, дворянство, в 1632 году имело на одно поместье (или вотчину) в среднем 24 крестьянина, включая бобылей. В других районах положение было гораздо хуже, помещики Шелонской пятины в 1626-1627 годах имели в среднем по 3,8 двора и по 6,2 душ мужского пола на владение, 35% владений стояли пустыми¹⁷. Уход крестьян доводил некоторых помещиков до отчаяния. «Государь нас не жалует, крестьян из-за нас велит выводить, – говорил ливенский помещик Авдей Яковлев, – нас в заговоре человек пятьсот: кто из-за нас крестьян выводит, у тех мы вотчины выжжем, а крестьян побьем, и пойдем до другого государя»¹⁸. Яковлева можно было понять: учитывая, что оброки сократились в 2-3 раза (см. ниже), доходы помещиков уменьшились примерно в 10 раз. Петр Петрей отмечал, что первое время после Смуты многие дворяне ходили в лаптях – так же, как и крестьяне¹⁹. Как отмечалось выше, в 1580-х годах в списках имелось 80 тыс. воинов, из них 65 тыс. ежегодно выходили на южную границу. По сметному списку 1630 года числилось 27 тыс. служилых дворян, из них лишь 15 тысяч воинов могли нести полевую службу; остальные сидели в гарнизонах по своим городам²⁰. Чтобы как-то поддержать этих служивых, один раз в пять лет им выдавали денежное жалование. В 1648 году давали по 13 рублей²¹; эта сумма была эквивалентна 130 пудам хлеба, или примерно годовому доходу крестьянского хозяйства – и только.

Таким образом, хотя численность дворянства резко сократилась, социально-экономическое равновесие в структуре «государство-элита-народ» не было восстановлено в полной мере. Доходы дворянства оставались крайне низкими, и дворянство требовало улучшения своего положения путем более строгого прикрепления крестьян к земле – реального введения крепостного права.

Следует отметить, однако, что еще до введения крепостного права, по мере преодоления хозяйственной разрухи, (и, может быть, в связи с увеличением «урочных лет») положение дворянства постепенно улучшалось. В 1646 году в Шелонской пятине на одно владение приходилось уже 6,8 двора и 22,1 душ мужского пола, а количество пустых поместий сократилось до 14%. Общая численность служилых дворян в России увеличилась с 27 тыс. в 1630 году до 39 тыс. человек в 1651 году²².

Положение высшего слоя элиты, боярской аристократии, в период Смуты и после нее претерпело существенные изменения. Дьяк Котошихин,

писавший в середине XVII века, свидетельствует, что к тому времени «прежние большие роды многие без остатку миновались»²³. Переход на сторону королевича Владислава привел к окончательной утрате авторитета «старшими боярами», и после коронации Михаила на сцену вышло новое боярство из среды участников ополчения. Эта новая знать получила от царя поместья и вотчины, но она была немногочисленна, и ее земельные владения не могли сравниться с вотчинами бояр XVI века или с владениями екатерининских вельмож. По росписи 1638 года лишь 14 бояр имели свыше 500 крестьянских дворов, причем их владения были разбросаны по многим уездам²⁴. Новая знать была сильна, главным образом, своим положением на государственной службе. «Наследственной аристократии, высшего сословия не было, – писал С. М. Соловьев, – были чины: бояре, окольные, казначей, думные дьяки...»²⁵

3.1.3. Динамика государства: восстановление налоговой системы

Продолжая анализ взаимоотношений в структуре «государство-элитанарод», необходимо отметить, что, как отмечалось выше, Смута привела к ослаблению государственной власти и распаду налоговой системы. Восстановление управляемости стало первоочередной задачей государственного строительства. После заключения мира с поляками из плена вернулся патриарх Филарет, отец царя, который стал фактическим руководителем правительства. Филарет вырос в эпоху Ивана Грозного и придерживался старых понятий о значении царской власти. Патриарх получил титул «Великого Государя» и правил как самодержец. С 1622 года перестают собираться Земские Соборы, и понятие «совет всей земли» исчезает из правительственных документов. «Филарет был ... настолько властным, что даже сам царь боялся его, – писал архиепископ Пахомий. – Он держал в повиновении бояр и других царских людей, ссылая их или налагая на них другие наказания... Он управлял всеми государственными и военными делами царства»²⁶.

Филарет энергично взялся за восстановление налоговой системы. Чтобы наладить сбор налогов, необходимо было провести перепись земель, подобную тем, которые производились в XVI веке. Первые же попытки проведения переписи в отдельных районах показали, что площадь зарегистрированной «живущей» (т. е. регулярно засеваемой) пашни сократилась в 4, в 10 и более раз. Чтобы уклониться от налогов, крестьяне указывали в качестве тяглых наделов мизерные участки в одну-две четверти (четверть – половина десятины). В Шелонской пятине на обжу, которую когда-то распахивал один крестьянин, теперь приходилось больше 20 дворов; общая сумма налогов сократилась в 50 раз²⁷. Правительство боялось возобновления восстаний, и писцы не смели выявлять утайку пашен; им было приказано действовать со всяческой осмотрительностью, чтобы крестьян «не оскорбить»²⁸. При таких обстоятельствах в 20-х годах была-таки проведена перепись и назначены новые налоги: «ямские деньги» и собиравшийся натурой «стрелецкий хлеб». Как и раньше, окладной единицей служила соха, содержащая на поместных и вотчинных землях 800 четвертей

«живущей пашни», на монастырских землях в соху клали 600 четвертей, а на черных землях – 500 четвертей. Правительство попыталось получить необходимые деньги, взимая с мизерных тяглых наделов достаточно высокие налоги. В конце 20-х годов с сохи брали 400 рублей ямских денег и 100 «юфтей» стрелецкого хлеба (юфть – это четверть ржи плюс четверть овса). В пересчете на хлеб крестьянский двор, имевший надел в 1-2 четверти на поместных землях, должен был отдавать в уплату налогов 7-14 пудов ржи и овса, примерно 1,4-2,8 пуда на душу населения. Это была ставка, значительно более высокая, чем до Смуты, и естественно, что слабая власть не смогла заставить крестьян платить такие налоги. Характерно, что ходатаями за крестьян выступили дворяне – ведь высокие налоги уменьшали их ренту²⁹. Дворяне засыпали правительство коллективными челобитными; в канун Смоленской войны коллективная подача челобитных приобрела характер массового политического движения – и не терпевший пререканий Филарет был вынужден пойти на уступки. Была введена новая окладная единица, «живущая четверть», которая заменила прежнюю реальную четверть «живущей» пашни. В «живущую четверть» на поместных и вотчинных землях стали класть 8 крестьянских и 4 бобыльских двора или (в других уездах) 12 крестьянских и 8 бобыльских дворов. Если раньше четверть пашни (1/800 часть сохи) соответствовала примерно 1 крестьянскому двору, то теперь «живущая четверть» (тоже 1/800 часть сохи) соответствовала 10 или 16 дворам (два бобыльских двора считались за один крестьянский). Обложение сохи осталось прежним, а число дворов в сохе возросло в 10-16 раз – следовательно, налоги со двора уменьшились более чем в 10 раз! Эта впечатляющая победа дворян продемонстрировала полное бессилие правительства³⁰. Филарету не удалось восстановить самодержавие, и страна продолжала оставаться ареной борьбы сословий.

годы	стрелецкий хлеб(юфтей сохи)	пудовна двор	ямские деньги (руб.сохи)	денегна двор	цена юфли (денег)	пудовна двор	всего (пудовна двор)	населенность двора	пудовна душу
1561-62									2,8
1631-32	100	0,1	534	11	160	0,67	0,8	4,8	0,16
1639-40	100	0,1	726	15	260	0,56	0,7	4,8	0,14
1640-45	700	0,7	784	16	200	0,78	1,5	4,8	0,31
1646-53	700	0,7	784	16	200	0,78	1,5	4,8	0,31
1654-62	700	0,7	784	16	257	0,61	1,3	6,6	0,20
1663-72	1400	1,4	784	16	350	0,45	1,8	6,6	0,28
1672-79	2800	2,8	784	16	220	0,71	3,5	6,6	0,53
1680-88		3		20	120	2,23	5,2	7,5	0,70
1688-96		5		20	150	1,8	6,8	7,5	0,9
1723-25					390				2,5

Табл. 3.1. Основные налоги поместных и вотчинных крестьян³¹. В сохе условно принимается 10 тысяч дворов.

Уменьшив налоги с поместных земель, власти были вынуждены сократить и податное обложение монастырей. В «живущую четверть» на монастырских землях клали 6 крестьянских и 3 бобыльских двора. Поскольку в монастырской сохе было 600 четвертей, то налоги на монастырских землях были примерно в 2,3 выше, чем на поместных. Кроме того, во время войн монастырские и черные крестьяне были обязаны поставлять «даточных» (или «посошных») людей и платить «ратным людям на жалование»; в отдельные годы это резко увеличивало тяжесть повинностей. Хуже всего было положение крестьян на черных землях: «живущая четверть» оставалась здесь реальной четвертью пашни, и обложение черных крестьян, таким образом, сохранилось на прежнем высоком уровне. Земли центральных уездов были розданы в поместья, и основные массивы черных земель располагались на Севере и на Вятке. На черных землях стрелецкий хлеб выплачивался деньгами, и до начала Смоленской война вятские крестьяне платили примерно 260 денег³²; по официальным расценкам это составляло около 20 пудов хлеба со двора, или примерно 4 пуда с души. Это в 10-20 раз больше, чем налоги поместных крестьян, но при этом, нужно, конечно, учесть, что черные крестьяне не платили оброков помещикам.

В целом, уровень налогов определялся размерами податей поместных и вотчинных крестьян, которые составляли основную часть населения страны. В 1670-х годах этот уровень был низким: в пять-шесть раз ниже, чем во времена Ивана Грозного и Петра I. Голландский посол Кунрад Кленк писал, что «в мирное время в Московии платится мало», но в военное время налоги значительно увеличиваются³³.

Таким образом, в соответствии с неомальтузианской теорией, уровень государственной ренты после катастрофы оставался низким. Государство не сумело вернуть утраченные после 1570-х годов ресурсы; оно оставалось слабым, и это негативным образом отражалось на обороноспособности страны: Россия была вынуждена платить крымскому хану дань, дипломатично именовавшуюся «поминками».

3.1.4. Динамика перераспределения ресурсов: размеры ренты

Неомальтузианская теория утверждает, что для периодов восстановления после кризисов характерен низкий уровень земельной ренты. Попытаемся проверить этот теоретический прогноз на российских материалах XVII века. Вопрос о размерах барщины в XVII – начале XVIII века подробно исследован в работах Н. А. Горской, Л. В. Милова, А. Н. Сахарова, Ю. А. Тихонова и ряда других авторов³⁴. Используя приводимые в этих работах данные, можно оценить средние размеры барщины на протяжении этих столетий (табл. 3.2).

Период	1630-1644	1660-1669	1680-1700	1715-1723
Размеры барщины	0,32	0,66	0,36	0,37

Таблица. 3.2. Барщина в поместных и вотчинных хозяйствах в расчете на душу населения (в десятинах)³⁵.

Сопоставление данных для различных периодов показывает, что в целом для XVII века барщинные нормы были примерно в 3 раза ниже, чем во времена расцвета крепостничества в середине XIX века. Однако общий уровень барщины может быть оценен только в сравнении с наделами крестьян, со средними размерами крестьянской запашки. Для XVII века этот важный вопрос остается почти не изученным: проблема заключается в том, что, уклоняясь от налогов, крестьяне указывали в качестве тяглых наделов участки земли, намного меньшие, чем действительная запашка³⁶. В принципе, земли было более чем достаточно, после демографической катастрофы население резко уменьшилось, крестьянин мог выбирать лучшие участки и пахать столько, сколько желает. Нет особых оснований полагать, что производственные возможности крестьянского хозяйства в XVII веке были меньше, чем в XVI или в XVIII веках. Как в XVIII, так и в XVII веке землевладелец был готов предоставить крестьянину ссуду на обзаведение семенами и рабочим скотом: ведь он был кровно заинтересован в крестьянском труде. Часто упоминаемых в источниках XVII века «бобылей» нельзя с уверенностью классифицировать как разорившихся крестьян – во многих случаях это были скорее поселенцы на льготе; они распахивали перелог и осваивали «пашню, лесом поросшую», земли, заброшенные в период кризиса³⁷. В XVI веке в многоземельной Шелонской пятине новгородчины средний двор в 5-6 человек имел 11-13 десятин пашни³⁸, то есть примерно по 2,2 десятины на душу. В конце XVIII века барщинные крестьяне в центральных уездах обрабатывали в среднем на душу 1,8 десятины пашни, в том числе 0,5 десятин барской запашки³⁹. Эта величина соответствует расчетам С. А. Короленко (1890-е годы) который показал, что средняя семья в 6 человек могла обработать 10,5 десятин, то есть 1,75 десятины на душу⁴⁰. И. Д. Ковальченко полагал, что в первой половине XIX века крестьяне могли возделывать максимально 1,8-2 десятины на душу⁴¹. Относительно XVII века известны лишь немногие случаи, когда удастся выяснить полные размеры крестьянской запашки. На смоленщине (с. Андреевское) в конце столетия средний крестьянский двор имел 12 десятин пашни; в Старорусском уезде в 1660-х годах на двор приходилось более 15 десятин⁴². В 1660 году власти Кирилло-Белозерского монастыря попытались установить реальную величину крестьянской запашки. Обмер проводился монастырской администрацией с участием самих крестьян, которые, конечно, не допустили бы включения в перепись земель, лежащих «в пусте». Крестьяне так и не дали довести проверку до конца, но результаты по 503 дворам показали, что средний надел равнялся 11 десятинам⁴³. Средний размер двора на Белоозере составлял 6,8 человека⁴⁴, то есть на душу населения приходилось 1,6 десятин пашни. Этот надел меньше, чем средняя запашка в XVIII веке, поскольку в те времена оброки и барщина были существенно меньше, и помещики не заставляли крестьян работать «до седьмого пота». В Троицко-Гледенском монастыре в конце 1670-х годов землю обрабатывали половники, и им приходилось трудиться, не покладая

рук, – поэтому пашенный надел был значительно больше: на душу приходилось 1,9 десятин⁴⁵.

Опираясь на эти данные, мы можем считать, что в XVII веке крестьянин был в состоянии обрабатывать в среднем 1,6-1,8 десятин пашни. Приняв эти цифры, мы получим, что в первой половине XVII века барщина отнимала примерно 1/5 крестьянского труда, в 60-х годах – примерно 2/5, и в конце столетия – немногим более 1/5.

В литературе часто цитируется инструкция помещика А. И. Безобразова приказчику села Тельчей, в которой помещик предписывает «крестьянам дать на себя работать на неделе два дня»⁴⁶. Здесь нужно пояснить, что в селе Тельчей на двор приходилось семь душ мужского пола, поэтому обязанность одного из мужчин работать 4 дня в неделю не выглядит обременительной. В действительности в этом селе на душу приходилось 0,36 десятин барской запашки⁴⁷, что соответствует среднему уровню 1680-х годов.

В целом сравнительно небольшие нормы барщины согласуются с неомальтузианской теорией, утверждающей, что уровень ренты в XVII веке должен быть ниже, чем в другие столетия. Однако на протяжении XVII века барщина не оставалась одинаковой, как показывает табл. 3.2, в 1660-х годах имело место значительное, более чем двойное увеличение барщинных норм. Ю. А. Тихонов объяснял это увеличение барщины закрепощением крестьянства по Уложению 1649 года⁴⁸. Такое объяснение кажется вполне естественным, но почему же тогда впоследствии, в 1680-х годах, барщинные нормы уменьшились и практически вернулись к низкому уровню первой половины столетия? Что это? Последствие крестьянской войны, которая, в свою очередь, была ответом на рост барщины?

Для объяснения эволюции барщины естественно привлечь данные о динамике оброка в соответствующий период. Эволюцию оброка проследить труднее, чем эволюцию барщины, в силу его многообразного характера. Случаев, когда можно подсчитать стоимость оброка в деньгах или в зерне, в литературе приводится сравнительно немного. Кроме того, чтобы установить реальную тяжесть оброка, нужно учесть уровень цен на зерно – нужно выяснить, сколько хлеба должен продать крестьянин, чтобы заплатить оброк. Мы пересчитали денежные величины оброка в пуды «хлеба», исходя из того, что юфть «хлеба» (четверть ржи плюс четверть овса) до 1680 года весила 10 пудов, а после 1680 года – 13,4 пуда (см. табл. 3.3).

В число оброчных платежей в XVII веке входила и плата за аренду внеадельных земель. Специфика используемых источников такова, что не всегда можно установить, включена ли эта плата в указанную в источнике сумму платежей. Однако, в тех случаях, когда мы знаем плату за аренду, оказывается, что она, в общем, невелика и не оказывает существенного влияния на общую динамику оброков⁴⁹.

Данные таблицы 3.3 подтверждают предположение о том, что величина оброка в XVII веке была намного меньше, чем в предыдущее и последующее столетие. Однако если перейти к рассмотрению динамики оброка на протяжении XVII века, то можно заметить, что данные об оброках указывают на тенденцию, отличную от эволюции барщины. Если рассматривать денежный оброк, то оказывается, что на протяжении 1630-1716 годов он

практически не меняется, оставаясь примерно на уровне 25 копеек на душу – это хорошо видно по приводимым в таблице средним величинам оброка для различных периодов.

	Уезд, село	Поместные или мона- стырские	Цена юфты (134 пуда), коп.	Оброк на душу	
				копеек	пу- дов
1540	Новгородские пятины	пом.			8-12
1623	Бежецкий Верх. С. Молоково и др.	мон.	94	8	<i>1,1</i>
1620-30	Юрьев-Польский у. Тальшинская в.	мон.	94	11	<i>1,5</i>
1626	Владимирский у. 5 деревень.	пом.	94	21	<i>3,0</i>
1626	Галицкий у. 5 деревень.	пом.	94	29	<i>3,7</i>
1626	Галицкий у. 4 деревни.	пом.	94	21	<i>3,0</i>
1634	Галицкий у. 14 деревень.	пом.	174	42	<i>3,2</i>
1639	Псковский у. Завелицкая засада (оброк хлебом)	мон.			<i>3,7</i>
1630-40	Коломенский у. 3 деревни.	пом.	174	15	<i>1,2</i>
1644	Вологодский у. С. Оларевский Ключ.	мон.	107	21	<i>2,6</i>
	средние 1626-44		123	25	2,9
сер. 60-х гг.	Уличский у. С. Притыкино	пом.	235	27	<i>1,5</i>
1660-е	Зубцовский у. С. Фаустова Гора	мон.	235	21	<i>1,2</i>
1664	Бежецкий у. С. Алабузино	мон.	235	25	<i>1,4</i>
1667	Тверской у. д. Пешки и др.	пом.	235	34	<i>1,9</i>
1667	Рязанский у. С. Киструс и др.	пом.	235	32	<i>1,8</i>
1670	Рязанский у. С. Высоково	мон.	235	15	<i>0,9</i>
	средние 1660-1670		235	25	1,5
1679	Ржевский у. С. Обобурово	пом.	92	27	<i>3,2</i>
1683-99	Кашинский у.	мон.	60	17	<i>3,8</i>
1680-е	Псковский у. Завелицкая засада	мон.	60	16	<i>3,6</i>
1690-е	Центральные районы. Оценка НА Горской	мон.	75	22- 32	38 58

Табл. 3.3. Оброки в XVII веке (в пересчете на пуды хлеба)⁵⁰. В некоторых случаях населенность двора неизвестна, тогда в соответствии с усредненной оценкой Ю. А. Тихонова⁵¹, она принимается за 4,8 человека для 1620-1648 годов и 6,6 человека для 1649-1679 годов. Такие цифры выделены курсивом.

Здесь нужно отметить, что это обстоятельство, неизменность земельной ренты в период после Смуты, отмечалось многими авторами; Н. А. Горская назвала это «принципом фиксированности ренты»⁵². Однако, если перейти к рассмотрению реальной ренты, исчисленной в пудах хлеба, то окажется, что рента менялась, причем ее динамика, как это ни странно,

прямо противоположна динамике изменения барщины. В то время как барщина в 1660-х годах возрастает, оброк уменьшается, а позже, когда барщина уменьшается, оброк увеличивается. Само по себе уменьшение оброка в 1660-х годах легко объяснимо: резко возросла цена на хлеб, и поэтому, чтобы заплатить прежнюю сумму в деньгах, крестьянину нужно было продать меньше хлеба. К 1680 году цена упала – и оброк увеличился до уровня, превышавшего уровень первой половины столетия. Таким образом, можно утверждать, что денежный оброк в XVII веке оставался примерно постоянным, а причина изменения его реальной стоимости заключалась в изменении хлебных цен. Почему же менялись цены? И не могло ли их изменение повлиять не только на динамику оброка, но и на динамику барщины?

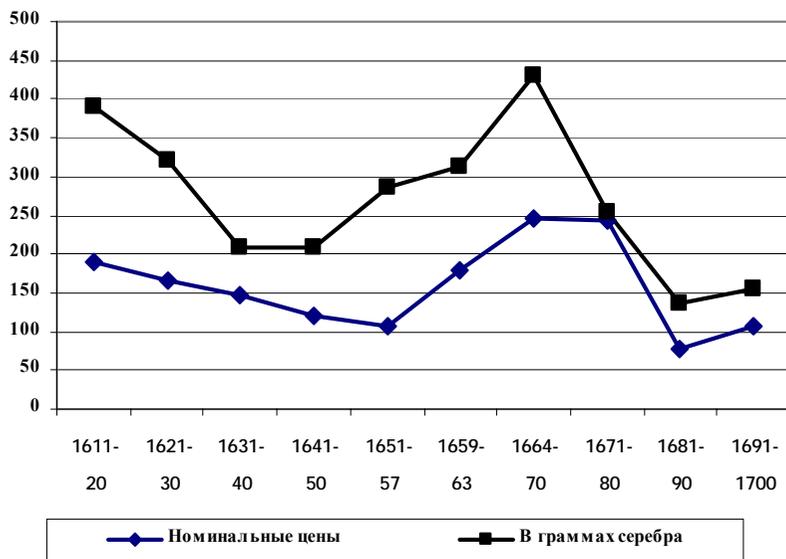

Рис. 3.1. Невзвешенный индекс хлебных цен за 8-пудовую четверть для четырех культур – ржи, овса, ячменя и пшеницы (1701-1710 гг. = 100)⁵³.

Как известно, в начале второй польской войны, в 1654 году, правительство в целях оплаты военных расходов прибегло к выпуску медной монеты с номинальным курсом. За пять лет (1656-1661 гг.) этой монеты было выпущено на колоссальную сумму в 20 млн. рублей – и естественно, началась инфляция. Обычная цена четверти ржи в Вологде составляла около 45 копеек; к осени 1661 года цена выросла до 2,5 рублей, в январе 1663 года четверть ржи стоила 24 рубля (!). Уже с 1660 года крестьяне во многих районах отказывались продавать хлеб на медь. Хлебная торговля была полностью парализована; в 1654-1656 годах в Великом Устюге продава-

лось в среднем 4 тыс. четвертей ржи – в 1661 году было продано 20 четвертей! Дворяне в войсках уже не могли купить хлеб, как прежде, на деньги, которые им платило правительство, они были вынуждены брать в поход запасы своего хлеба, а чтобы получать этот хлеб, нужно было увеличивать крестьянскую барщину. Сам царь Алексей Михайлович завел в подмосковных деревнях крупное барщинное хозяйство, чтобы обеспечивать хлебом своих стрелянных стрельцов. Росла барщина и в старинных дворцовых хозяйствах, например, в селе Черкизово Коломенского уезда она к 1662 году увеличилась более чем вдвое; имеются данные о таком же увеличении барщины в ряде помещичьих сел. Характерно, что в упомянутых случаях увеличение барщины не привело к уменьшению других повинностей⁵⁴.

Таким образом, резкое увеличение барщины было обусловлено экономической необходимостью, прекращением хлебной торговли. Однако это увеличение стало возможным лишь в условиях прикрепления крестьян, когда им трудно было ответить на рост эксплуатации уходом из поместья. В 1663 году правительство отменило медные деньги, и в обращение снова поступила устойчивая серебряная валюта. Торговля хлебом возобновилась, но цены не вернулись к прежнему, довоенному, уровню; в течение 1660-х годов они оставались на уровне, вдвое превосходящем довоенный. Причиной этого повышения цен была нехватка хлеба на рынке. Крестьяне вели натуральное хозяйство и вывозили зерно на продажу, в основном, для того, чтобы заплатить оброк или государственные налоги. До 1662 года главный налог, «стрелецкий хлеб», собирался с государственных («черных») крестьян деньгами, но с 1662 года его брали хлебом, что привело к резкому сокращению поставки зерна на рынок и к повышению цен. Как отмечалось выше, в начале войны в Устюге продавалось по 4 тысячи четвертей в год, а в 1663-1668 годах – только по одной тысяче четвертей. Естественно, что в условиях высоких хлебных цен помещики продолжали развивать барщинное хозяйство. В 1668-1672 годах власти собирали налоги иногда хлебом, иногда деньгами, а с 1673 года окончательно вернулись к сбору деньгами. С этого времени поставка хлеба на рынок увеличилась, в 1673-1677 годах в Устюге продавалось в среднем 3 тысячи четвертей; цены стали быстро падать и к 1680 году снизились до уровня 1640-х годов. После 1680 года падение цен продолжалось, по-видимому, вследствие поступления на рынки центральных районов большого количества зерна из осваиваемых южных областей⁵⁵. Когда цены упали в три раза, рентабельность барщинного хозяйства резко снизилась – поэтому многие помещики сократили запашку и стали покупать хлеб на рынке.

Таково, по нашему мнению, экономическое объяснение динамики барщины в XVII веке. Эти соображения могут оказаться полезными и при изучении причин восстания Степана Разина. Рост барщины, естественно, вызвал протест крестьян, ярко проявившийся в восстании 1670-1671 годов. Это восстание в сочетании с падением цен привело к уменьшению барщины в 1680-х годах.

Что же касается государственных налогов, то, как видно из табл. 3.1, в 1620-1680 годах их уровень существенно вырос и достиг полпуда с души. Однако это были далеко не те налоги, которые собирали при Иване Грозном и Петре I: в 1707-1716 годах налог составлял около 4 пудов с души.

Таким образом, в соответствии с положениями неомальтузианской теории, уровень податей и повинностей в период после Смуты был очень низким, в несколько раз более низким, чем в другие эпохи.

3.1.5. Динамика народа: уровень жизни в XVII веке

Теория демографических циклов утверждает, что период восстановления должен характеризоваться не только низким уровнем ренты, но и сравнительно высоким уровнем жизни населения. Справедлив ли этот прогноз в отношении России XVII века?

Оценка уровня жизни крестьян сталкивается с недостаточностью конкретных материалов в источниках, и этот недостаток можно в определенной степени компенсировать лишь условным расчетом. Зная уровень оброков и налогов, можно сопоставить их с возможностями крестьянского хозяйства. Попытаемся сначала оценить продуктивность десятины⁵⁶. На озимом поле обычно сеяли рожь, на яровом – овес (с небольшими добавлениями других культур) при этом нормы высева колебались в зависимости от качества земли, на хороших землях высевали меньше, на плохих больше; мы будем использовать стандартные нормы высева, применявшиеся до 1735 года в дворцовом хозяйстве, а именно, 9 пудов на десятину для ржи и 12 пудов для овса⁵⁷. По данным Е. И. Индовой⁵⁸ средняя урожайность ржи во второй половине XVII века была сам-3,3, а овса сам-3,1, таким образом, чистый сбор с десятины составлял 21 пуд ржи или 25 пудов овса, учитывая, что раз в три года десятина оставалась под паром, получим, что средняя продуктивность десятины составляла 15,3 пуда хлеба в год. Как отмечалось выше, крестьянин мог пахать 1,6-1,8 десятины на душу, поэтому чистый сбор на душу мог составить 24,5-27,5 пудов.

Таковы были теоретические возможности среднего крестьянского хозяйства, если же в действительности крестьянин пахал меньше, но это означало, что он не нуждался в таком количестве хлеба. После вычета 3,5-4,5 пудов оброка и налога у крестьянина, использующего свои возможности, оставалось на потребление 20-24 пуда. Считается, что минимальная норма потребления – это примерно 15 пудов, в случае нехватки сенокосов требуется еще примерно 3 пуда на корм скоту и норма повышается до 18 пудов⁵⁹. Однако в те времена сенокосов хватало, и можно считать, что в среднем крестьянском хозяйстве мог существовать ежегодный излишек хлеба в 5-9 пудов на душу. Барщинные крестьяне не платили оброк, но пахали на помещика около 0,4 десятины на душу; следовательно, они могли пахать на себя 1,2-1,4 десятины, и собирать с них 18,5-21,5 пудов хлеба. После вычета налогов у них оставалось на потребление 18-21 пуд хлеба на душу населения.

Конечно, этот расчет является сугубо ориентировочным и приближительным, мы не учитываем некоторых второстепенных расходов крестьянского хозяйства, например, покупки соли, платы приказчикам и мирских сборов. Но с другой стороны, не учитываются и доходы от скотоводства, леса, рыбных ловель, которые, вероятно, компенсируют эти расходы.

Таким образом, имеются основания полагать, что крестьяне XVII века жили довольно зажиточно. Это подтверждается имеющимися статистическими сведениями по отдельным районам. А. Х. Горфункель, изучавший хозяйственную жизнь Кирилло-Белозерского монастыря, назвал время после Смуты «золотым веком» монастырского крестьянства⁶⁰. По подсчетам П. А. Колесникова средний сбор на душу населения в 1620-е годы в Тотемском уезде составлял 28-32 пуда⁶¹. По некоторым данным, в 1680-90-х годах в монастырских селах центральных уездов обычное хозяйство имело от 2 до 5 лошадей, у помещичьих крестьян в среднем было 2,2-2,6 лошади, 1-2 коровы⁶². В Старорусском уезде в 1660-х годах на двор приходилось 2-3 лошади, 4-5 коров⁶³. В вотчинах Псково-Печерского монастыря в 1639 году средний двор при населенности 5-6 человек имел 3-4 лошади, 4 коровы⁶⁴. Даже крестьяне, бежавшие в 1660-х годах из центральных районов на Юг, оказывается, отнюдь не были бедняками: они имели на двор в среднем по 3 лошади и 2 коровы⁶⁵.

Эти данные согласуются с впечатлениями западных путешественников: Олеарий свидетельствует о «громадном изобилии хлеба и пастбищ», о больших пространствах свободных плодородных земель, о том, что в России редко приходится слышать о дороговизне⁶⁶. Как видно из рис. 3.1, индекс хлебных цен (в особенности цен в серебре) резко упал сразу же по окончании Смуты и продолжал падать до середины столетия. Подъем цен в 1657-1670-х годах был связан с войной и инфляционной политикой правительства, а затем цены снова упали, причем их реальный уровень в конце столетия был ниже, чем в 1630-х годах – это говорит о том, что *посевные площади росли быстрее, чем население*. Много повидавший Юрий Крижанич писал, что на Руси «крестьянам... живется намного лучше, нежели во многих местах Греческой, Испанской и других подобных земель, в которых кое-где мясо, а кое-где рыба слишком дороги, а дрова продаются на вес... Ни в одном королевстве простые черные люди не живут так хорошо и нигде не имеют таких прав, как здесь»⁶⁷.

В литературе, однако, высказывались и другие мнения по поводу уровня жизни крестьян. Так Л. Г. Дубинская утверждала, что средняя запашка крестьян Мещерского края составляла лишь 3,2 десятины, и, опираясь на эти данные, пришла к выводу, что «в среднем крестьянское хозяйство могло прокормить только половину семьи»⁶⁸. Тем не менее, крестьяне как-то выживали – очевидно, за счет не учтенного в подсчетах Л. Г. Дубинской внеаделного землепользования. Пример с обмером земель на Белоозере показывает, что даже очень крупный и сильный землевладелец подчас не мог выявить скрытую пашню и заставить крестьян платить за нее. Обмер земель производила обычно сама община, и о том, как крестьяне меряли землю, можно судить по эпизоду с обмером наделов в Солодчинском монастыре. При проверке в 1690 году оказалась, что мерная веревка была намного длиннее положенной, а площадь, которую крестьяне выда-

вали за десятину, составляла почти три десятины⁶⁹. Кроме того, пашню на пере­логе учеть было практически невозможно, сегодня она была в одном месте, на следующий год – в другом, и ее размеры постоянно менялись.

Наши суждения об уровне жизни населения становятся на более твер­дую почву при привлечении данных о заработной плате работников, в том числе о заработках деревенских батраков. Запросы поденщиков в 1630-х годах были столь велики, что монахи Иосифо-Волоколамского монастыря не могли подрядить крестьян для обработки своей пашни. «Люди стали огурливы, в слободу посылаем для жнецов нанять, и никто из нойму не идет, не страшатся никою», – жаловались монахи⁷⁰. Не шли работные лю­ди и на Тульские заводы – так что правительству пришлось обязать кре­стьян соседних деревень поставлять подсобных рабочих в порядке обрабо­точной повинности⁷¹.

Р. Хелли собрал большое число данные о заработной плате неквалифи­цированных рабочих в 1635-1725 годах. Большинство этих данных, одна­ко, относятся к олонцким медеплавильным заводам и к короткому про­межутку 1669-1674 гг. Если исключить весьма специфические олонцкие данные, то окажется, что средняя поденная плата на протяжении столетия составляла 5 копеек (10 денег)⁷². Р. Хелли определяет среднюю цену ржи в этот период в 58 коп. за четверть⁷³, не учитывая изменения размеров чет­верти, которая в 1678 году была увеличена с 6 до 8 пудов. Поскольку ме­дианная цена Р. Хелли учитывает экстремально высокие цены периода медной инфляции (и высокие цены Поморья), то она представляется суще­ственно завышенной, тем не менее, приняв эту цену, мы получим, что хлебный эквивалент поденной платы составлял от 8,5 кг (при 6-пудовой четверти) до 11,3 кг (при 8-пудовой четверти) ржи.

Р. Хелли попытался оценить уровень потребления в XVII веке путем сравне­ния с потреблением в другие периоды, в частности с потреблением московских рабочих-текстильщиков в 1880-х годах, с потреблением иностранных специали­стов в 1931-1932 годах, с потреблением в лагерях НКВД и в армии в 1941 году и средним потреблением в 1993 году⁷⁴. При сравнении с 1880-ми годами амери­канский исследователь берет таблицу потреблявшихся в то время рабочими про­дуктов⁷⁵ и вычисляет их стоимость в ценах XVII века.

Общая стоимость рациона текстильщиков в ценах XVII века по Р. Хелли со­ставляет 4,8 коп., что примерно равно величине средней поденной платы (в то время как в 1880-х годах у текстильщиков уходило на питание 37,6% от поден­ной платы⁷⁶). «Или по крайней мере некоторые из этих таблиц и данных, на ко­торых основаны расчеты, являются неправильными, либо жизнь, должно быть, была необычно трудна в Московии», – делает вывод Р. Хелли⁷⁷. Действительно, можно отметить некоторые неточности в этой таблице (табл. 3.4). Во-первых, Р. Хелли исходит из веса булки хлеба в 800 г при средней цене 3 коп., в то время как стандартного веса тогда не существовало; к примеру, в одном документе 1624 года упоминается «хлеб», стоивший 3 коп. и весивший 9,5 гривенок⁷⁸, то есть около 4 кг. Во-вторых, как отмечает сам Р. Хелли, большинство работников, о заработной плате которых он приводит сведения, были крестьянами; если же они жили в городе, то имели свои дома и приусадебные хозяйства⁷⁹. Работники XVII века, в отличие от фабричных рабочих, не покупали печеный хлеб, муку и крупу в лавке, они сами мололи зерно и пекли хлеб в своих домашних печах. При цене 6-пудовой четверти в 58 коп. и при известных нормах помола и припе­ка⁸⁰ 913 г хлеба домашней выпечки обходились не в 3,4 коп., а в 0,46 коп.; если

же четверть считать 8-пудовой, то в 0,34 коп. Учитывая домашнюю выпечку и помол, мы получим общие затраты на питание работника в пределах 1,17-1,35 коп., то есть 23-27% от средней подневной платы в 5 коп (см. табл. 3.4).

Потребляемые продукты	Количество (грамм)	Стоимость по Р. Хелли (коп.)	Скорректированная стоимость при размерах четверти		С учетом приусадебного хозяйства	
			8 пуд.	6 пуд.	8 пуд.	6 пудов
Хлеб	913,5	3,4200	0,3452	0,4602	0,3452	0,4602
Мука	21,3	0,0240	0,0121	0,0161	0,0121	0,0161
Крупа	264,1	0,3000	0,1497	0,1996	0,1497	0,1996
Горох	7,18	0,0058	0,0058	0,0058	0,0058	0,0058
Макароны	11	0,0001	0,0001	0,0001	0,0001	0,0001
Картофель с закваской на хлеб 5:1	58,18	0,2200	0,0051	0,0069	0,0051	0,0069
Капуста	243,1	0,0590	0,0590	0,0590		
Огурцы	9,32	0,0056	0,0056	0,0056		
Грибы	1,13	0,0150	0,0150	0,0150		
Масло постное	32,75	0,2100	0,2100	0,2100		
Сахар или мед	0,62	0,0023	0,0023	0,0023	0,0023	0,0023
Чай	1,3	0,1000				
Солод для кваса	39,5	0,0290	0,0290	0,0290	0,0290	0,0290
Ржаная мука для кваса	39,5	0,0270	0,0224	0,0298	0,0224	0,0298
Говядина	88,77	0,1100	0,1100	0,1100		
Другое мясо	9,15	0,0150	0,0150	0,0150		
Рыба	12,22	0,0180	0,0180	0,0180	0,0180	0,0180
Масло коровье	2,8	0,0170	0,0170	0,0170		
Сало	24,96	0,1200	0,1200	0,1200		
Молоко	0,51	0,0003	0,0003	0,0003		
Творог	17,1	0,0160	0,0160	0,0160		
Соль	24,5	0,0150	0,0150	0,0150	0,0150	0,0150
Всего		4,7291	1,1725	1,3507	0,6047	0,7828

Табл. 3.4. Рацион московских текстильчиков-мужчин 1880-1885 гг. в переводе на цены XVII века⁸¹.

Однако можно внести и дальнейшие коррективы в эти расчеты. Как отмечалось выше, работники XVII века имели свое хозяйство, и, как правило, они не покупали на рынке овощи, молочные и мясные продукты. Если вычеркнуть эти продукты из таблицы Р. Хелли, то стоимость рациона сократиться до 0,6-0,78 коп. – 12-15% от подневной платы. С другой стороны, фабричные рабочие 1880-х годов были вынуждены оплачивать жилье, покупать одежду, обувь и платить налоги, намного большие, чем в XVII веке. У петербургских рабочих в 1907-1908 годах на жилище уходило 15% дохода, на одежду и обувь – 14%, на баню и стирку – 4%⁸². Если вычсть эти расходы из зарплаты, то стоимость рациона по отношению к оставшейся сумме составит не 37%, а 55%. Но надо еще учесть,

что рабочие 1880-х годов были преимущественно крестьянами-отходниками, и им приходилось платить выкупные платежи за землю, помогать родным в деревне и время от времени совершать поездки на родину, требовавшие существенных затрат. Эти обстоятельства до крайности затрудняют расчеты, и, как нам представляется, сравнение уровня жизни работников XVII века и фабричных рабочих 1880-х годов невозможно в принципе ввиду несопоставимости условий жизни. В этом смысле более перспективно сравнение с более близкими временами и использование классической методологии перевода денежной заработной платы в зерно.

Практически повсюду в Европе поденная плата в начале второго европейского демографического цикла (в начале XVI века) в пересчете на хлеб составляла 9-12 кг, а в конце столетия (и в конце цикла) – 3,5-4,5 кг⁸³. Таким образом, российский уровень поденной платы соответствовал обычному уровню начала демографического цикла и был относительно высоким.

Годы	Район	Выполняемые работы	Плата в деньгах	Цена юфти (денег)	Плата в кг хлеба
1640	Подмосковье	расчистка леса	12	200	9,6
1641	Подмосковье	Жатва	8	200	6,4
1642	Подмосковье	Молоотьба	11	200	8,8
1640е	Подмосковье	Косцы	20	200	16
1640е	Москва	чернорабочие	11	200	8,8
1646	Архангельск	каменщик	10	200	8
1647	Тульские заводы	чернорабочий	10	200	8
ср.XVIIв.	Москва	каменщик	12	200	8,0-9,6
ср.XVIIв.	Москва	портной	10	200	8
ср.XVIIв.	Москва	плотник	10	200	8
Средние ср.XVIIв.					9,1
1666-70	Подмосковье	Косцы	12	350	5,5
1666-70	Подмосковье	расчистка леса	14	350	6,4
1669	Измайлово	чернорабочие на строительстве	15	350	6,9
1677	Подмосковье	расчистка прудов	10	220	7,3
1670е	Подмосковье	носильщик в каменоломнях	6	220	4,4
Средние 1660-70е гг.					6,1
1690	Тульские заводы	чернорабочие	10	150	14,2
1690е	Москва	чернорабочие	10	150	14,2
1698-99	Подмосковье	Косцы	13	150	18,6
кон.XVIIв.	Москва	портной	10	150	14,2
кон.XVIIв.	Москва	каменщик	8	150	11,4
кон.XVIIв.	Москва	плотник	10	150	14,2
Средние кон.XVIIв.					14,5

Табл. 3.5. Поденная плата рабочих в XVII веке⁸⁴.

Данные Р. Хелли не дают представления о динамике реальной заработной платы. Данных, когда заработную плату можно сопоставить с ценами на зерно, не так много; в таблице 3.5 приведены некоторые из них.

Как видно из этой таблицы, в середине XVII века поденная плата составляла около 10 кг хлеба, затем в период инфляции и во время последующего периода высоких цен (1654-1679 гг.) она уменьшилась примерно до 6 кг, но с последующим падением цен в конце XVII века заработная плата увеличилась до 14 кг. В 1674 году пуд говядины стоил 56 денег⁸⁵ и чернорабочий на дневную плату в 15 денег мог купить примерно 4 кг мяса – притом, что 1674 год – это было далеко не лучшее для страны время.

Таким образом, подтверждается теоретический прогноз неомальтузианской теории, о том, что в период восстановления после кризиса уровень жизни населения был относительно высоким.

3.1.6. Начало колонизации Черноземья

Итак, состояние России после Великой смуты было подобно состоянию Европы после кризиса XIV века: обширные пространства запустевших земель, разоренные полувымершие города, государство, которое требуется вновь восстанавливать – но вместе с тем изобилие земли, лесов, природных богатств, которые достались в наследство уцелевшим. Подобно американским фермерам крестьяне могли вновь осваивать свою страну, могли пахать, сколько захочется, и ни помещики, ни слабое государство пока не осмеливались притеснять их, опасаясь нового восстания. В соответствии с неомальтузианской теорией, за периодом экосоциального кризиса должен был последовать период восстановления. Постепенно крестьяне стали возвращаться в свои родные места, основывать новые деревни и расчищать лес под пашню. Московское государство постепенно «пополнялось» и «приходило в достоинство», и люди за «многое время тишины и покоя», по выражению источника, «в животах своих пополнились гораздо»⁸⁶. В Замосковном крае восстановление было очень быстрым: бежавшее на Север или в Поволжье население возвращалось в окрестности столицы, и уже в 1640-х годах здесь восстановился существовавший до Смуты уровень населения. *Однако если сравнивать с первой половиной XVI века, то население далеко не достигало прежнего уровня.* На новгородчине численность населения в 1646 году была в четыре раза меньше, чем в 1500 году. Медленно восстанавливались города: в середине XVII века население городских посадов оставалась в 2,5 раза меньше, чем столетие назад. В целом, как отмечалось выше, численность населения в 1646 году оценивается в 4,5-5 млн. В 1550-х годах, по оценке А. И. Копанева население составляло 9-10 млн⁸⁷.

В 1646-1678 годах численность населения (без учета территориальных приращений) возросла с 4,5-5 до 8,6 млн. На новгородчине в этот период население увеличилось более чем в два раза (но все еще оставалось на треть меньше, чем в 1500 году)⁸⁸. Огромную роль в процессе восстановления экономики сыграло строительство 800-километровой «Белгородской

черты», которая должна была защитить южные области от татарских набегов и обеспечить возможность земледельческого освоения обширных территорий. Строительство укрепленной линии продолжалось 12 лет (1635-1646 гг.), на «черте» было построено 23 города-крепости, несколько десятков острогов, пять больших земляных валов, протяженностью по 25-30 км каждый. В 1648-1654 годах была создана Симбирская черта, продолжившая укрепленную линию до берега Волги.

В 1642-1648 годах в уездах, расположенных вдоль Белгородской черты, большинство крестьян было отписано на государя и зачислено во вновь созданные драгунские полки. Крестьяне были освобождены от податей, они жили в своих деревнях, пахали землю, и раз в неделю проходили военное обучение. Казна обеспечивала драгун оружием, и они должны были нести на «черте» сторожевую службу⁸⁹. Нехватка солдат заставляла зачислять в полки всех желающих, даже беглецов из центральных районов⁹⁰ – поэтому сюда держали путь многие беглые. Белгородчина была изобильным краем: урожайность ржи на юге была в 2-3 раза выше, чем в центральных районах, и запасы хлеба в хозяйствах служилых людей в среднем (по 45 известным описям) составляли около 500 пудов (на год человеку хватало 15 пудов)⁹¹. В 1639-42 годах власти предлагали платить за работу на жатве 7-10 денег в день, что в пересчете на зерно составляет 14-20 кг. Это была щедрая плата, в два раза больше, чем платили в Подмоскowie – однако зажиточные крестьяне юга не желали работать и за эту плату⁹². Если бы не постоянные войны и татарские набеги, то многие могли бы позавидовать жизни поселенцев Юга.

Белгородская черта стала надежным препятствием на пути татарских набегов. Хотя татары многократно опустошали Белгородчину, им ни разу не удалось прорваться за черту. С середины XVII века началась прочная колонизация южных областей; сюда устремился поток переселенцев из центральных районов. Со времени строительства черты до конца XVII века запашка в южных уездах возросла в 7 раз⁹³; примерно так же возросло и население. С 1670-х годов началась помещичья колонизация Юга: помещики стали в массовом масштабе переводить своих крестьян на отмежеванные им земли «дикого поля»; уже в 1678 году три четверти бояр имели владения на Юге. «В Тульских и в Орловских и в иных к тому краю прилегающих местах, – говорилось в докладе Разрядного приказа в 1681 году, – многие государевы ближние люди... помещики и вотчинники в диких полях построили многие села и деревни... а тем в Московском государстве хлеба и съестных запасов учинилось множество и покупке всего цена дешевая...»⁹⁴

Это были процессы огромного значения, ведь оттесненное татарами в северные леса русское крестьянство веками пыталось выйти в черноземные степи. После побед Ивана Грозного Русь продвинулась за Оку в верховья Дона – но во время Смуты татары отбросили поселенцев назад в северные леса. Теперь России наконец-то удалось закрепиться в южных степях; это означало, что мощь русского государства будет расти за счет

освоения новых плодородных земель. Скученное на Севере население теперь получило возможность переселяться на юг, и угроза нового перенаселения отодвигалась на столетия. С точки зрения демографически-структурной теории процесс колонизации означал расширение экологической ниши – увеличение средств существования (means of subsistence), последствием которого должны были стать уменьшение цен и увеличение реальной заработной платы – те явления, которые действительно отмечались в конце XVII века.

В 1678 году в Черноземном центре проживало уже 1,8 млн. человек, в то время как в старом Нечерноземном центре – 3,5 млн. На Белгородчине насчитывалось 260 тысяч не имевших крепостных детей боярских-«однородцев» (с семьями), поставлявших в войско 40 тысяч солдат, драгун, рейтар⁹⁵. У служилых людей были крепкие хозяйства: на двор в среднем приходилось 3 лошади и 4 коровы. Небедно жили и дворцовые крестьяне: в Тамбовском уезде большинство дворов имело 2-3 лошади, 2-3 коровы и с избытком обеспечивало себя хлебом⁹⁶.

Вся территория страны разделялась на две части, старые, «заселенные», и новые, «заселявшиеся» области (Юг и Поволжье). По оценке Я. Е. Водарского за вторую половину XVII века площадь пашни в «заселенных» областях возросла с 8 до 13 млн. десятин, а в «заселявшихся» областях – с 4 до 16 млн.⁹⁷ Таким образом, уступая в численности населения, новые «заселявшиеся» области уже превосходили старые «заселенные» по размерам запашки. *Юг стал поставщиком хлеба для центральных районов*; в конце 70-х годов эти поставки достигали 1 млн. пудов, и правительство не раз с удовлетворением отмечало рост «хлебного пополнения»⁹⁸.

Неомальтузианская теория утверждает, что период восстановления характеризуется относительно медленным ростом городов. Действительно, наличие свободных земель не создавало у крестьян стимула к занятию ремеслом и переселению в города, поэтому в XVII веке города росли сравнительно медленно. Русские города этого периода были в большей степени крепостями и административными центрами, нежели торговоремесленными поселениями. Жившие в городах «служилые люди» – дворяне, стрельцы, казаки и т. д. – по своей численности превосходили «посадских людей», торговцев и ремесленников. По оценке Я. Е. Водарского в 1652 году городское население составляло 247 тыс. человек мужского пола, в том числе 139 тыс. служилых и 108 тыс. посадских людей, в 1678 году – 329 тыс. человек, в том числе 149 тыс. служилых и 134 тыс. посадских людей. Население Москвы в 1640-х годах насчитывало около 38 тыс. жителей мужского пола, в том числе около 20 тыс. служилых, 10 тыс. посадских и 8 тыс. «прочих»; к 1680 году число жителей возросло до 51 тыс. в том числе 20 тыс. служилых, 20 тыс. посадских и 11 тыс. «прочих». Другие города намного уступали размерами Москве; в Ярославле в конце XVII века насчитывалось 8 тыс. жителей мужского пола, в Пскове, Казани и Астрахани – 5 тыс. Новгород, когда-то превосходивший по размерам Мо-

скую, находился в глубоком упадке, мужское население этого города не превышало 3 тыс.⁹⁹

Среди городского населения выделялась богатая торгово-промышленная верхушка – гости, торговые люди гостиной и суконной сотен. Это привилегированное купечество вело торговлю в масштабе всей страны и имело капиталы в тысячи рублей, однако оно было очень немногочисленно: в конце XVII века оно насчитывало лишь 250-300 семей. Собственно же посадские люди были в основной массе мелкими ремесленниками и торговцами, торговавшими со скамей и лотков, и стоимость товаров у них не достигала подчас одного рубля¹⁰⁰.

После разорения времен Смуты уровень развития ремесел и промышленности оставался низким. Крупное ремесло было представлено несколькими десятками кожевенных мастерских и винокурен. На соляных промыслах близ Соли Камской в конце XVII века имелось около 200 варниц, на которых было занято около 4 тыс. работников. Мануфактуры были редким явлением; они обычно принадлежали либо дворцовому хозяйству (Хамовный, Печатный, Монетный дворы), либо иностранцам. Голландские предприниматели построили близ Тулы и Каширы несколько доменных заводов, в основном отливавших пушки. В начале 1660-х годов на этих предприятиях насчитывалось всего лишь 119 постоянных рабочих, в том числе 56 иностранцев¹⁰¹.

3.2. Трансформация структуры во второй половине XVII века

3.2.1. Закрепощение крестьян

Возвращаясь к анализу отношений внутри структуры «государство-народ-элита», напомним, что, с точки зрения демографически-структурной теории Смута в значительной степени объяснялась «перенаселением» в элите, тем, что народ не мог обеспечить средствами слишком многочисленное дворянство. Как отмечалось выше, численность дворянства после Смуты уменьшилась. Однако социальное равновесие не было достигнуто, положение дворянства оставалось тяжелым, и дворяне по-прежнему выказывали недовольство политикой властей. Период после окончания Смоленской войны стал временем дворянского наступления на правительство. Как отмечалось выше, дворяне начали предъявлять свои требования еще перед войной, и им удалось добиться многократного снижения налогов со своих крестьян. «Начавшееся еще перед войной движение дворян не прекращалось и приобретало все более широкие и опасные формы, – отмечал П. П. Смирнов. – К этому полуприкрытому мятежу подчас присоединялись черные слободы и сотни...»¹⁰². Дело в том, что, облегчив обложение поместных и вотчинных крестьян, правительство было вынуждено увеличить обложение черных посадских людей. Между тем, в посадах складывалась та же ситуация, что и на селе; здесь существовали освобожденные от посадского тягла («беломестные») боярские и монастырские слободы, куда,

стремясь жить на «льготе», уходили посадские люди. Чем больше купцов и ремесленников уходило в слободы, тем больше налогов приходилось платить оставшимся – и естественно, посадские люди требовали включения слобод в «тягло». Посадские общины жаловались на бояр и монастыри, уводивших у них тяглецов, однако жалобы попадали в воеводские или в московские суды, где сидели бояре, владельцы «беломестных» слобод. Точно так же и дворяне жаловались на бояр и на монастыри, уводившие у них крестьян – но жалобы попадали к тем же боярам.

После смерти Филарета не стало той сильной руки, которая сдерживала проявления недовольства. Началось время коллективных челобитий, своеобразное «петиционное движение»¹⁰³, в котором дворяне и поместные люди все энергичнее высказывали свои требования. Ослабевшее правительство было вынуждено возобновить созыв Земских соборов – но на эти соборы уже не приглашали представителей от крестьян. На соборе 1637 года дворяне обратились к царю с петицией, жалуясь на то, что в то время как они пребывают на службе, крестьяне из их поместий и вотчин бегут за монастыри, за московских сильных людей, а если дело дойдет до суда, то в приказах волочат по 5, по 10 лет и больше. В конце концов, беглые крестьяне из урочных лет выходят, и поместья остаются пустыми¹⁰⁴. Дворяне требовали облегчить службу, открыть в городах выборные суды и установить бессрочный сыск беглых. По этой челобитной дворянам было разрешено являться в ополчение по очереди, через год, а срок сыска беглых крестьян («урочные лета») был увеличен с 5 до 9 лет¹⁰⁵. «Помещикам понадобилось около десяти лет натиска на правительство, чтобы уничтожить урочные лета, причем выступления армии были весьма бурными», – пишет Д. А. Высоцкий¹⁰⁶. В 1641 году собравшееся в Москве (по случаю ожидавшейся войны с Турцией) поместное ополчение подняло настоящий мятеж. Современник сообщал, что служилые люди «завели на Москве рокош»¹⁰⁷; 11 июля они с «большим шумом» ломились в царский дворец, чтобы подать петицию от имени дворян 44 городов¹⁰⁸. Здесь впервые упоминается характерное слово «рокош» – так называли вооруженные мятежи польских и венгерских дворян, мятежи, результатом которых было закрепощение крестьян и установление шляхетских «свобод». Таким образом, события развивались по хорошо известному восточноевропейскому сценарию¹⁰⁹.

Летом 1645 года умер царь Михаил Федорович, и в сентябре состоялась коронация его 16-летнего сына Алексея. На эту коронацию прибыли тысячи дворян – почти все поместное ополчение; дворяне снова потребовали установления бессрочного сыска и отмены «урочных лет»¹¹⁰. Юный царь неуверенно чувствовал себя на престоле и не мог отказать. Дворянам было дано обещание, что «как крестьян и бобылей и дворы их переписут, и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли и их дети и братья и племянники будут крепки без урочных лет»¹¹¹.

Главой нового правительства царя Алексея был его воспитатель боярин Борис Иванович Морозов. Морозов пытался решить финансовую проблему путем проведения налоговой реформы, замены прямых налогов кос-

венными. В 1646 году была введена пошлина на соль, вследствие чего цена соли увеличилась в два-три раза. Однако реформаторы просчитались: соли стало продаваться гораздо меньше, чем прежде. Через два года после введения, в декабре 1647 года, соляная пошлина была отменена, и правительство стало собирать прямые налоги за эти два года – как будто оно ничего не обещало. Пытаясь пополнить пустую казну, власти принимали меры строгой экономии, было урезано жалование стрельцов и сокращены придворные штаты; усиленно взыскивались недоимки за прошлые годы¹¹².

Весной 1648 года по случаю нового осложнения в турецких делах был объявлен сбор поместного ополчения. 2 июня 1648 года, во время крестного хода в Москве, дворяне и посадские люди пытались подать царю петицию с обвинениями в адрес правительства. Царь отказался принять петицию – тогда началось восстание: были разгромлены дворы всех высших чиновников. Посовещавшись, дворяне и посадские потребовали у царя реформы суда и, кроме того, созыва Земского Собора, на котором они «учнут бить челом государю о всяких своих делах» – то есть предъявят свои требования. Часть дворян поместного ополчения осталась в Москве, дожидаясь Собора. На собравшемся в сентябре Соборе преобладали дворянские депутаты, и правительство откровенно заискивало перед ними: им раздавали поместья и вотчины, для них устраивали угощения, им выдали большое дополнительное жалование. Царь был вынужден удовлетворить все требования дворянства и посадских людей – требования, которые высказывались уже давно, но не находили ответа. Был положен конец произволу воевод и боярских судов; уголовные дела были переданы выборным из дворян губным старостам, которые судили по новому Судебнику – Уложению 1649 года. «Беломестные» слободы были ликвидированы, и их жители стали нести тягло наравне с посадскими. Но самое главное – Собор принял решение об отмене «урочных лет» и окончательном прикреплении крестьян¹¹³.

Таким образом, введение крепостного права было результатом восстания, в котором бунт против реформ соединился с дворянским «рокошем», подобным выступлению 1641 года. Правительство капитулировало перед дворянами и внесло в Уложение все их пожелания по крестьянскому вопросу – глава XI Уложения иногда даже текстуально совпадает с дворянскими челобитными¹¹⁴. По новым законам вечная крепость распространялась на всю крестьянскую семью, определение объема крестьянских повинностей отдавалось на усмотрение землевладельца, который становился также и судьей крестьянина во всех делах, кроме «татьбы и разбоя, и личного и смертного убийства». За прием беглого крестьянина полагался штраф – 10 рублей за год укрывательства. Формально помещику запрещалось грабить своих крестьян, но закон не определял наказания – оно отдавалось на усмотрение царя. «Бесчестье» крестьянина каралось штрафом в 1 рубль, для сравнения можно отметить, что бесчестье посадского человека каралось штрафом в 5-7 рублей, а бесчестье дворянина – штрафом в 5-15 рублей¹¹⁵.

Необходимо отметить, что хотя прикрепление к земле означало потерю крестьянами свободы передвижения, они оставались свободными людьми. Крестьяне владели своим имуществом, которое не мог отнять помещик, могли вступать в финансовые сделки, брать на себя денежные обязательства. Крестьяне могли жаловаться в суд, в том числе и на господские поборы «через силу и грабежом»; они могли по суду возратить себе насильственный перебор. Крестьянин не мог быть лишен земли и превращен в дворового; помещик был обязан наделить своего крестьянина землей и, в случае необходимости, инвентарем. В то же время помещики издавна обладали судебной властью над крестьянами в гражданских делах, и, вместе с прикреплением крестьян, это создавало благоприятную почву для дальнейшего наступления на крестьянство¹¹⁶.

Московское восстание в июне 1648 года было ключевым моментом в установлении крепостного права, поэтому его освещение в трудах историков в определенной степени зависело от политических и партийных интересов. Мысль о том, что «верные государевы слуги», дворяне, подняли мятеж и заставили царя закрепить крестьян, была недопустима для дворянской историографии; по этой причине июньские события 1648 года долгое время считались бунтом «черных людей» и никак не связывались с крепостническими статьями Уложения¹¹⁷. Первым исследователем, доказавшим эту связь, был П. П. Смирнов, автор фундаментальной монографии¹¹⁸, которая до сих пор остается непревзойденной по широте и охвату материала. П. П. Смирнов доказывал, что дворянство играло главную роль с первых дней мятежа, и даже называл мятеж «дворянской революцией»¹¹⁹. Точку зрения П. П. Смирнова разделял и А. Н. Сперанский¹²⁰. С. В. Бахрушин, М. Н. Тихомиров и Е. В. Чистякова полагали, что события начались с восстания посадских людей, а дворянство присоединилось к движению позже¹²¹. Л. В. Черепнин считал, что дворяне с самого начала принимали участие в волнениях вместе с посадскими людьми, но преследовали свои собственные интересы¹²². Однако, несмотря на некоторые расхождения, все исследователи согласны в том, что участие дворянства в мятеже (или «восстании») имело решающее значение: именно дворянские требования заставили правительство созвать Земский собор.

Оценивая общее направление развития русского общества, Б. Д. Греков писал, что «в России происходило то же самое, что и в Литве, и в Польше, и в Прибалтике, и в Восточной Пруссии»¹²³. Эта общность развития была продиктована одинаковыми экономическими условиями, а именно, наличием обширных свободных земель и недостатком рабочей силы. Именно эти общие экономические условия, указывал С. М. Соловьев, привели к господству крепостничества и рабства не только в Восточной Европе, но и в американских колониях¹²⁴. Это объяснение, как отмечалось выше, вполне согласуется с неомальтузианской теорией. «Как и в ранней европейской Америке, – писал Фернан Бродель, – главной проблемой здесь было удерживать человека, который был редок, а не землю, которой было сверх всякой меры. И именно это было причиной, которая, в конечном счете, навязала крепостничество»¹²⁵.

В целом, в рамках демографически-структурной теории закрепощение крестьян может быть представлено как логическое завершение того процесса, который начался после катастрофы 1568-1571 годов. Как отмеча-

лось выше, катастрофа нарушила естественные демографические пропорции – возник тот недостаток рабочей силы, о котором говорили многие историки. Нехватка рабочей силы в силу экономических законов, описанных Мальтусом и Риккардо, создала дисбаланс в распределении ресурсов между крестьянством и дворянством. Этот дисбаланс мог быть скорректирован либо увеличением ренты посредством закрепощения крестьян, либо уменьшением численности дворянства. В 1590-х годах была предпринята первая попытка закрепощения, которая вызвала голод, крестьянские и казацкие восстания, которые слились с междоусобицами в дворянской среде и породили Смуту. Долгая гражданская война значительно сократила численность дворянства, но уменьшилась также и численность крестьян – в результате дисбаланс не был преодолен, и дворянство по-прежнему требовало установления крепостного права.

Однако демографический фактор не был единственным фактором, обусловившим победу крепостничества. Другим фактором, действующим в том же направлении, был диффузионный фактор: после того, как Польша доказала свое военное превосходство над Россией, тенденция к перениманию польских порядков была весьма естественной. Эта тенденция нашла свое яркое выражение в составлении Уложения 1649 года: в его основу был положен Литовский статут. Общая структура и целые главы Уложения были заимствованы из законов Литвы, характерной чертой которых было крепостное право. Польско-литовское влияние чувствовалось также и в «рокошах», с помощью которых дворянство добивалось своих целей. В этой связи нужно отметить, что законы Литвы содержали не только крепостное право – они содержали и ограничение королевской власти шляхетским сеймом. Можно представить, насколько опасным для монархии было распространение подобных взглядов в тот момент, когда она была вынуждена идти на уступки дворянству. Но все закончилось благополучно для царской власти: опасные главы были исключены и не оставили следа в русских законах¹²⁶.

С теоретической точки зрения наиболее важным было то обстоятельство, что в контексте демографической-структурной теории введение крепостного права означало *трансформацию структуры* – создание новых отношений внутри структуры «государство-элита-народ». Эта трансформация выражалась в том, что народ становился зависимым от элиты, которая получала право устанавливать уровень ренты по своему произволу, независимо от экономических факторов.

3.2.2. Динамика элиты: последствия закрепощения

Трансформация структуры и усиление дворянства должны были сказаться на распределении ресурсов в рамках структуры «государство-народ-элита». Государство уже не могло требовать от дворянства службы в тех размерах, что прежде. Действительно, на смотр 1650 года из 3529 стольников, стряпчих и дворян московских (высшей прослойки дворянства) не явилась почти половина – 1615 человек. Появляется и постепенно распро-

страняется практика уклонения под различными предлогами от личной службы и замены этой службы выставлением с поместья «даточных». Дворяне стали все чаще пренебрегать служебными обязанностями и обращаться с поместьем как со своей собственностью¹²⁷.

Наиболее важным последствием победы дворянства стало утверждение крепостного права. Как отразилось это на положении помещичьих крестьян? Последствия отмены «урочных лет» сказались не сразу: ведь реальный механизм сыска беглых еще не существовал и крестьяне продолжали уходить от помещиков. Бояре и церковь продолжали сманивать крестьян на «льготу»; в 50-х годах приказчики патриарха Никона разъезжали по казанским уездам и увели от помещиков тысячи крестьян. Когда в 1657 году поместное ополчение перед походом собралось в Москве, дворяне подали царю новую челобитную: они требовали организации сыска беглых. В 1658 году были впервые посланы сыщики по уездам выявлять бежавших крестьян; затем они посылались ежегодно. В 1661 году было установлено, что землевладелец, принявший крестьянина, должен в качестве штрафа отдать четырех своих крестьян. Сыск беглых в 60-х годах стал грандиозным предприятием, охватившим всю страну; были пойманы и возвращены прежним владельцам десятки тысяч крестьян¹²⁸.

В 1660-х годах, как отмечалось выше, экономическая обстановка побудила помещиков к увеличению барщины. Средний размер барщины в 60-х годах составлял 0,69 десятины на душу; эта величина вдвое превосходила средние нормы 30-40-х годов¹²⁹. Увеличение барщины, по-видимому, стало одной из главных причин восстания Степана Разина. Здесь мы можем отметить определенный параллелизм между событиями, последовавшими за введением крепостного права в 1590-х и 1650-х годах: увеличение ренты приводит к крестьянскому восстанию. Однако условия крестьянских выступлений в 1603-1608 и 1670-1671 годах были различны: в 1670-х годах не было той фрагментации элиты, которая расколола дворянство в начале XVII века, и отсутствовал династический кризис. В итоге крестьянско-казацкое восстание не переросло в Смуту и было быстро подавлено. Однако, так же как и Смута, это восстание на время остановило наступление дворянства. После восстания Разина в благоприятных экономических условиях барщинные нормы стали уменьшаться, и в 1670-1690 годах средняя барщина составила 0,36 десятины на душу (0,12 десятины в одном поле)¹³⁰. Таким образом, норма барщины уменьшилась вдвое и практически вернулась к тем небольшим размерам, которые были характерны для периода до закрепощения. Это уменьшение отчасти объясняется «испугом» помещиков, но, как отмечалось выше, оно имеет и экономические причины – а именно, падение цен на хлеб.

Таким образом, закрепощение крестьян, в конечном счете, не привело к увеличению барщины. Денежный оброк также формально оставался примерно на одном уровне – однако реально падение цен на хлеб привело к тому, что тяжесть оброка возросла до 3,5-4 пудов с души (см. табл. 3.3). Более существенный выигрыш дворянство получило не от увеличения

ренты, а от увеличения числа крестьян в поместьях вследствие прекращения бегства. Этот процесс начался еще до 1649 года. В 1626-1627 годах в Шелонской пятине новгородчины на одно владение приходилось в среднем 3,8 двора и 6,2 крестьянина мужского пола, в 1646 году – уже 6,8 двора и 22,1 крестьянина, в 1678 году – 7,5 двора и 29,1 крестьянина. Более общие данные по всей Новгородской земле приведены в табл. 3.6.

Год	Число владений	Число крестьян на одно владение		
		в среднем	богатая треть	остальные 2/3
1646	1540	14,9	36,2	4,2
1678	1901	26,4	60,1	9,0

Табл. 3.6. Среднее число крестьян мужского пола (включая бобылей и дворовых) в поместьях и вотчинах Новгородской земли¹³¹.

Как следует из таблицы 3.6, две трети новгородских помещиков были мелкопоместными, у них было менее 10 крестьян мужского пола. Тем не менее, в целом положение дворянства значительно улучшилось, на новгородчине уже не было пустых поместий и диспропорция между численностью дворянства и крестьянства была в значительной степени преодолена. Помимо прекращения бегства крестьян существенное значение имело сравнительно медленное увеличение численности дворянского сословия при очень быстром росте населения (1,02% в год)¹³².

Как отмечалось выше, по данным сметных списков о численности дворянского ополчения, число служилых дворян в 1630 году составляло 27 тыс., к 1651 году оно возросло до 39 тыс. Но к 1663 году численность дворянской конницы уменьшилась до 15 тыс., а в 1680 году она составляла 16 тыс. человек. Эти неожиданные перемены были следствием вмешательства технического фактора, следствием новой «военной революции», которая принесла с собой новую перестройку в структуре дворянского сословия¹³³.

3.2.3. Создание полков «иноземного строя»

Как отмечалось выше, первая «военная революция» в России относится к середине XVI века – она была связана с созданием вооруженной огнестрельным оружием стрелецкой пехоты. В соответствии с теорией, создание новой армии потребовало перераспределения ресурсов в пользу государства, введения новых налогов, создания эффективной налоговой системы и сильного бюрократического аппарата. Перераспределение ресурсов вызвало сопротивление аристократии и конфликт между аристократией и монархией. Положение осложнялось тем, что «военная революция» XVI века происходила в период, когда экономика России находилась в фазе Сжатия. Это обстоятельство до крайности обостряло борьбу за ресурсы, и, в частности, стимулировало конфликт между аристократией и народом, что также способствовало усилению самодержавия. Таким образом, совместное действие военно-технического и демографического (а

также и диффузионного) факторов привело к *трансформации структуры*, подчинению элиты государством и созданию политического режима, который традиционно называют самодержавием, и который имел много общего с абсолютизмом. С другой стороны, увеличение налогов означало сокращение средств существования народа, что в условиях Сжатия привело к кризису и к демографической катастрофе.

Таким образом, изучая ход и последствия второй военной революции, мы можем сравнить их с результатами первой военной революции. При этом, однако, надо учитывать, что в середине XVII века демографическая ситуация была иной, экономика находилась не в фазе Сжатия, а в фазе роста, в стране было много свободных земель, а уровень жизни был относительно высоким – вопрос о борьбе за ресурсы не стоял так остро, как раньше.

Вторая военная революция была вызвана военно-техническими достижениями XVII века – появлением облегченных мушкетов и полковых пушек. Полковая пушка «*gegementsstycke*» была созданием оружейников шведского короля Густава Адольфа (1611-1632); она отличалась от прежних пушек большей скорострельностью и намного меньшим весом, благодаря чему ее можно было легко перевозить по полю боя. Это открытие вызвало волну шведских завоеваний, которая заставила окружающие государства проводить военные реформы и спешно перенимать оружие шведов. История русских военных реформ середины XVII века более подробно проанализирована в одной из работ автора¹³⁴, и мы ограничимся здесь лишь кратким обзором этих событий. Первая попытка новой военной реформы была предпринята в 1630 году, когда в преддверие Смоленской войны были сформированы первые «полки иноземного строя». Но этот опыт оказался неудачным, и вторая, более энергичная попытка реформы была осуществлена во время войн с Польшей и Швецией в 1658-1661 годах. Осенью 1658 года был проведен первый массовый набор «даточных»; затем последовали еще два набора, которые дали в общей сложности 51 тысячу солдат. К началу 60-х годов было сформировано 55 полков «иноземного строя» с русскими солдатами и иностранными офицерами, общая численность полков составляла 60 тыс. человек. Новые солдаты находились полностью на содержании государства; они получали жалование и обеспечивались обмундированием и оружием. Это были неслыханные для России порядки – ведь крестьянина на долгие годы отрывали от земли и от дома. Правда, солдаты получали неплохое жалование – по 6 копеек в день, это была оплата квалифицированного ремесленника¹³⁵.

Создание новой армии требовало больших денег, и, как и в XVI веке, в повестку дня стал вопрос об увеличении налогов. Правительство резко увеличило подати государственных крестьян и, как мы увидим впоследствии (см. п. 3.2.5), это привело к результатам, подобным катастрофе 1568-1571 годов, к разорению Севера и Вятки – регионов, где проживали государственные крестьяне. Однако после «дворянской революции» 1648 года правительство не рискнуло вступить в новый конфликт с дворянством и не осмелилось увеличить налоги на составлявших основную часть населения

поместных крестьян. Поэтому средств на содержание новой армии не хватало, и в поисках решения финансовой проблемы власти были вынуждены пойти по новому и чреватому опасностями пути: по примеру Густава Адольфа была выпущена в обращение медная монета с номинальным курсом. В первые два года войны на содержание войск было истрачено 1300 тысяч рублей, но курс медных денег был еще достаточно устойчив. Затем расходы резко возросли, и правительство увеличило чекан медной монеты; за пять лет ее было выпущено на 20 млн. рублей. Естественно, началась инфляция. «Многие помещики и вотчинники и крестьяне на медные деньги и не продают, – жаловались московские купцы, – и в таком дорогом хлебе... скудные людишки погибают»¹³⁶. 25 июля 1662 года в Москве вспыхнул «медный бунт»; к восставшим присоединились и солдаты стоявших под Москвой полков, недовольные тем, что им платят медью¹³⁷.

Бунт был подавлен, однако положение продолжало ухудшаться. Дезертирство приняло массовый характер; в Москве сам царь два раза упрашивал войско не покидать службы. Правительству, в конце концов, пришлось отказаться от чеканки медяков и возвратиться к серебряной монете. С февраля 1663 года солдатам стали платить серебром – но меньше, чем раньше: одним по 2, а другим по 3 копейки в день. Тем не менее, доходы не могли обеспечить содержание армии, и в 1664 году правительство начало переговоры о мире с Польшей. Польша была тоже обессилена войной, и, в конечном счете, России удалось удержать за собой Смоленск и левобережную Украину. После окончания войны новая армия была сокращена примерно наполовину, а солдаты на время мира были отправлены по домам¹³⁸.

Оставшиеся без солдат офицеры были сосредоточены в двух «выборных» полках, стоявших под Москвой; перед началом войны полки разворачивались и доукомплектовывались. Армия была отобилизована вновь во время войны с Турцией в 1678 году, когда был произведен новый большой набор, после него в 41 пехотном полку имелась 61 тысяча солдат, а в 26 рейтарских и драгунских полках – 30 тысяч всадников¹³⁹. По мнению исследователей, русская армия начала 1680-х годов, в общем, стояла на уровне того времени – за исключением, может быть, строевой выучки¹⁴⁰.

Таким образом, вторая военная революция привела к *трансформации структуры* «государство-элита-народ» – к качественным изменениям, выразившимся, прежде всего, в создании новой армии. Однако, в отличие от времен Ивана Грозного, реформы проводились медленно и постепенно – они растянулись более чем на полвека и были завершены только Петром I. Как и в XVI веке, создание армии привело к финансовым реформам и перераспределению ресурсов в пользу государства¹⁴¹. В 1676 году была начата новая всеобщая перепись земель, подобная тем переписям, которые проводились при Грозном. Как отмечалось выше, попытка проведения такой переписи после Смуты закончилась неудачей, и вот теперь правительство вновь пыталось восстановить систему точного учета земель. Перепись встречала сопротивление помещиков, которые желали скрыть свои земли от обложения, поэтому она затянулась и продолжалась двадцать лет,

пока, в конце концов, Петр I не осуществил переход к подушному налогообложению¹⁴².

Поскольку работы по проведению переписи затягивались, а финансовая проблема требовала немедленного решения, то в 1679 году временно, до окончания переписи, было введено подворное обложение (количество дворов к этому времени было уже подсчитано). Поместные крестьяне с этого времени платили со двора 3 пуда «стрелецкого хлеба» и 10 копеек «ямских и полоняничьих денег», в хлебном исчислении примерно 0,5 пуда на душу, вдвое больше, чем прежде (см. табл. 3.1) В 1680 году обычные доходы казны составляли 950 тысяч рублей и 1,6 млн. пудов хлеба, что в сумме было эквивалентно 23 млн. пудов – даже меньше, чем в конце XVI века. Правительство не решалось увеличивать налоги на основную часть населения, поместных крестьян, и прямые налоги давали лишь около трети денежных доходов, остальное составляли кабацкие и таможенные деньги. Расходы на армию составляли около 700 тысяч рублей¹⁴³, однако этого было недостаточно, чтобы содержать «полки иноземного строя» на постоянной основе; после войны солдат распускали по деревням, и на время мира они становились крестьянами. В 1688 году «стрелецкий хлеб» был увеличен до 5 пудов со двора, и налоги стали составлять 0,7 пудов с души. Таким образом, процесс перераспределения ресурсов начался еще в 1670-х годах – но решающий шаг в этом направлении был сделан Петром I.

3.2.4. Трансформация структуры

Так же как во времена Ивана Грозного, трансформация структуры, вызванная второй военной революцией, привела к наступлению самодержавия и отягчению дворянской военной службы.

Как отмечалось выше, Смута нанесла тяжелый удар авторитету власти, и до середины XVII века цари были вынуждены созывать Земские соборы и считаться с мнением «всей земли». Е. И. Филина считает, что в последние годы Михаила Федоровича существовала влиятельная боярская партия, стремившаяся к установлению выборной монархии и видевшая будущим выборным царем датского принца Вольдемара¹⁴⁴. Новая тенденция к централизации проявилась в 1650-х годах одновременно с формированием «полков иноземного строя». Коронование Алексея Михайловича означало поражение боярской партии, и создание правительства Морозова сопровождалось массовым нарушением местнических традиций, в результате чего у власти оказались «худородные» дворяне и купцы. Боярская оппозиция проявилась в скрытном подстрекательстве к восстанию 1648 года; это восстание показало реальную слабость монархии, и Алексей Михайлович стал искать поддержки у церкви¹⁴⁵. С ноября 1651 года царь стал ставить на указах рядом со своим именем имя патриарха Иосифа, а после смерти Иосифа новый патриарх Никон стал фактическим соправителем Алексея и получил титул «великий государь». Современники отмечали, что в некоторых случаях патриарх даже отменял царские указы¹⁴⁶.

После восстания царь почувствовал необходимость создания верных гвардейских частей, подобных опричному корпусу Ивана Грозного. В соответствии с теорией «военной революции» опорой монархии должны были стать полки «иноземного строя». Сначала предполагалось создать из голландцев лейб-гвардию и поставить во главе ее полковника Букгофена, но затем (поскольку голландцев было мало) стали формировать двухтысячный гвардейский корпус с русскими солдатами и голландскими офицерами. Однако набранные в этот корпус московские дворяне отказались подчиниться голландским офицерам, и корпус был распущен. Первое время роль избранной гвардии выполняли несколько стрелецких «приказов» (полков), которым назначили повышенное жалование и командиров которых царь постоянно потчевал за своим столом. В 1657 году в дополнение к стрельцам были созданы два гвардейских («выборных») солдатских полка, которые разместили в слободах под Москвой¹⁴⁷.

Таким образом, самодержавие получило военную опору. Первые победы в войне с Польшей резко подняли авторитет царя Алексея. После 1653 года Алексей уже не созывал Земских соборов, а в царском титуле снова появилось слово «самодержец»¹⁴⁸. Возвышение самодержавия вызвало конфликт с патриархом Никоном – отчасти на почве борьбы за власть (в частности, по вопросу о подчинении царю церковного суда), отчасти на почве распределения ресурсов: царь требовал у церкви деньги на ведение войны, и позднее Никон выставлял причиной конфликта то, что царь «обнищал и ограбил святую церковь»¹⁴⁹. Падение Никона показало, что отныне никто не может противопоставлять себя царю.

И. Андреев отмечает, что после падения Никона Алексей уже не давал своим помощникам прежней власти, а правил самовластно¹⁵⁰. Известно, что идеалом Алексея Михайловича был Иван Грозный¹⁵¹. Дьяк Котошихин писал о царе Алексее, что он «государство свое правит по своей воле... в его воле, что хочет, то учинить может...», в отличие от своего отца, который «хотя самодержцем писался, однако без боярского совету не мог делати ничего»¹⁵². В 1650-х годах Алексей Михайлович создал приказ Тайных дел, свою личную канцелярию, в которой царь самовластно решал важнейшие дела и рассматривал подаваемые челобитные. Быстро разрастается бюрократический аппарат, количество приказных людей, прежде бывшее почти постоянным, в 1656-1677 годах возросло вдвое, а к 1698 году – еще почти в два раза¹⁵³.

«Алексей I являлся очень крупным представителем государственной централизации и самодержавного строя, который он окончательно укрепил», – писал Д. И. Иловайский¹⁵⁴, такого же мнения придерживались А. Н. Сахаров и другие участники дискуссии 1960-1970-х о становлении абсолютизма в России¹⁵⁵. В 1670-х годах авторитет самодержавия был непрекращаем. «Моски постоянно и открыто заявляют, что Богу и царю все возможно, что только богу и царю они готовы отдать все, что только имеют наилучшего, и даже саму жизнь», – свидетельствует Я. Рейтефельс¹⁵⁶. Ари-

стократия не оказывала, как прежде, сопротивления самодержавию, потому что она была уже сломлена Смутой и казнями Ивана Грозного.

Наиболее сильный удар по боярской аристократии был нанесен отменой местничества при царе Федоре Алексеевиче в 1682 году – это было осуществление давнего намерения Ивана Грозного. Характерно, что реформа была подана ближним царским советником князем В. В. Голицыным как военная необходимость в связи с переформированием поместного ополчения в регулярную конницу «иноземного строя». Отмена местничества натолкнулась на противодействие знати, которая в качестве компенсации стала добиваться установления пожизненных наместничеств – однако этот боярский проект был отвергнут¹⁵⁷.

Трансформация структуры требовала преобразования дворянской конницы в соответствии с потребностями военной реформы. Как отмечалось выше, «военная революция» XVI века сопровождалась поместной реформой и введением более тяжелых норм службы «детей боярских». Подобные процессы происходили и во время второй «военной революции». В преддверии польской войны при создании полков иноземного строя было указано сыновей и братьев дворян, еще не верстанных в службу, отправлять в солдаты – причем в случае отказа «быть им в земледельцах»¹⁵⁸. В этом указе можно увидеть предвозвестие требования Петра I, чтобы все дворяне начинали службу солдатами. Во время войны мелкопоместных дворян также стали направлять на службу в полки «иноземного строя» – но не в солдаты, а преимущественно в рейтары; по указу 1678 года служба в дворянском ополчении была разрешена только тем дворянам, которые имели больше 24 крестьянских дворов. Рейтары обучались регулярному строю, получали жалование и оружие из казны, но лошадей покупали сами. Во время войны с Польшей в рейтары «прибирали» и недворян, но после войны недворяне по большей части были уволены, и рейтары превратились в дворянскую конницу «нового строя»; в 1663 году имелось 18 тыс. рейтар (и 15 тыс. в дворянском ополчении), в 1680 году – 30 тысяч рейтар (и 16 тыс. в ополчении)¹⁵⁹. Естественно, что дворяне были недовольны этими военными реформами, и шведский резидент Форстен сообщал, что в восстании 1662 года наряду с горожанами и солдатами участвовали также «некоторые обедневшие дворяне»¹⁶⁰. О недовольстве дворянства в связи с военной реформой писал также Ю. Крижанич¹⁶¹.

Как отмечалось выше, в середине XVII века значительная часть дворян не имела крепостных. В особенности много было таких дворян в южных областях, где с конца XVI века существовала практика верстания казаков и крестьян в «дети боярские». В 1670-1680-х годах на юге были проведены переписи служилых людей, в ходе которых всех детей боярских, не имевших крестьян, («однородцев») исключили из числа рейтар и определили в солдаты. Позже, при Петре I было указано считать однородцев государственными крестьянами – таким образом, они лишились дворянского статуса¹⁶².

Таким образом, переформирование дворянского сословия привело к значительному уменьшению численности дворянства: если в 1651 году

численность служилых дворян составляла 39 тыс., то в 1700 году количество дворян-помещиков равнялось 22-23 тыс. В среднем на одного помещика приходилось 19 крестьянских дворов и 70 крепостных мужского пола (если считать по 3,68 крестьянина на двор). Однако средние цифры, скрывают за собой наличие большой группы мелкопоместных дворян и концентрацию огромных владений у земельной аристократии. Дворяне, имевшие от одного до пяти дворов, составляли около половины (47%) всех помещиков и в среднем у них было всего лишь по 2,4 крестьянских двора и по 8,8 крестьянина мужского пола. С другой стороны, 464 богатейших помещика (и вотчинника) владели 42% всех крепостных, на каждого из них приходилось в среднем 355 дворов, то есть примерно по 1300 душ мужского пола¹⁶³.

В целом, реформа привела к усилению самодержавия и подчинению дворянства центральной власти. Последствия «дворянской революции», выразившиеся в падении военной дисциплины среди дворянства, были постепенно нейтрализованы. Будучи включена в новые рейтарские полки, дворянская конница была вынуждена подчиняться более строгим и обременительным условиям военной службы.

3.2.5. Катастрофа на Севере

Трансформация структуры, вызванная второй военной революцией, подразумевала, в том числе, и перераспределение ресурсов в пользу государства. Новое отягчение налогов обернулось в некоторых регионах тяжелыми демографическими последствиями – катастрофой, во многом подобной катастрофе 1568-1571 годов.

Как отмечалось выше, необходимость содержания «полков иноземного строя» заставляла государство прибегать к мерам по перераспределению ресурсов. Одной из таких мер была чеканка медных денег, другой – увеличение налогов на черносошных крестьян. Основной массив черносошного крестьянства располагался на Севере – в Поморье и на Вятке. Опираясь на обстоятельную монографию М. А. Мацука¹⁶⁴, мы можем восстановить картину катастрофы, произошедшей на Вятке. До 1660-х годов Вятка была вполне благополучной областью; здесь были тучные земли, и крестьяне не испытывали земельной тесноты. Население Вятки за 1620-1663 увеличилось более чем вдвое, но крестьяне вполне обеспечивали себя хлебом и в больших количествах вывозили зерно на Север¹⁶⁵. В 1663-1668 годах вятские крестьяне платили около 10 пудов хлеба со двора¹⁶⁶ или примерно 2 пуда с души, и, за исключением последнего года, платили без недоимок. Однако дальнейшие события показали, что происходит, если размеры налогов превосходят допустимый предел. В 1668/69 году правительство предписало вятчанам платить вместо хлеба деньгами, и в результате этой коммутации на двор пришлось 2 рубля налога, а на душу – примерно 40 копеек; по вятским ценам это эквивалентно 4 пудам хлеба¹⁶⁷. Многие крестьяне не могли заплатить такой налог и начались «большие непомерные пражежи». Крестьянский ответ на «пражежи» был всегда одинаков – вятча-

не толпами побежали на Урал и в Сибирь. Перепись 1672 года показала, что население уменьшилось на одну пятую; тем не менее, власти упорствовали и после кратковременного снижения налогов вновь стали требовать их в полном объеме. Так как крестьяне для уплаты налогов выбросили на рынок большое количество зерна, то цены стали снижаться; в 1674/75 году они упали вдвое. Платежи со двора в этот год составляли 2 рубля 70 копеек, это было эквивалентно 54 пудам хлеба, более 10 пудов с души! С помощью «больших непомерных правей» власти смогли собрать лишь половину этого налога. Недоимки копились из года в год, правей становились все более жестокими, у крестьян отбирали последнее – в конечном счете, в на рубеже 70-80-х годов разразился страшный трехлетний голод. Население разбегалось, «последние вятчяня, покиня свои дворы и деревни, бредут врозь», – говорилось в крестьянской челобитной¹⁶⁸.

В 60-70-х годах непомерные налоги разорили не только Вятку, та же картина наблюдалась во всех «черных» уездах Севера. Однако, в отличие от Вятки, на Двине ощущалось действие еще одного негативного фактора – перенаселения. Как отмечалась выше, бедствия Смутного времени вытеснили часть населения из центральных районов на Север и в 20-е годы здесь наблюдался относительно высокий уровень распашки (принимая во внимание неблагоприятные условия этого региона). Имеющиеся данные по отдельным «черным» уездам показывают, что в период с 20-х до 60-х годов запашка не возросла – в то время как население увеличилось, по крайней мере, в полтора раза. Соответственно, отмечается уменьшение пашни на душу населения¹⁶⁹. Многие хозяйства имели мизерные наделы, недостаточные для прокормления крестьянской семьи, поэтому – в отличие от центральных областей – на Севере довольно часто упоминаются голодные годы. В 1643-44 годах голод опустошил Кевроло-Мезенский уезд; в результате голодной смертности и бегства население уезда сократилось наполовину. Страдающие от голода бедняки закладывали свою землю зажиточным крестьянам или монастырям; чаще всего они не могли ее выкупить и становились арендаторами-половниками на бывшей своей земле. Троицко-Гледенский монастырь близ Устюга имел в 1620-х годах 30 дворов половников, а около 1680 года – 113 дворов. Уровень жизни половников был крайне низким, опираясь на данные Г. Н. Лохтевой¹⁷⁰, можно подсчитать, что на душу семьи половника в упомянутом монастыре приходилось лишь 11 пудов хлеба в год. Растет социальное расслоение деревни; в источниках упоминаются крестьяне, имевшие по 50, 60 десятин земли и обрабатывавшие эту землю с помощью десятка половников. Половничество получило массовое распространение: судя по описи земель Устюжского уезда, приобретенных по разного рода купчим, практически во всех хозяйствах были половники. Обезземеливание бедноты приняло такие размеры, что массы крестьян стали требовать введения уравнительных ~~Андрей Колчанов~~¹⁷¹ полагает, что именно социальное расслоение было главной причиной запустения многих поморских деревень¹⁷² – однако непосредственный толчок к развитию кризиса был дан увеличением налогов во

время войны с Польшей. Рост налогов привел к тому, что многие крестьяне не могли заплатить налоги, и, спасаясь от «правежей» бежали в Сибирь; эти недоимки раскладывались на оставшихся. Северяне жаловались в Москву, что «тех денег сполна не выплачивают за пустою, потому что у них многие тягла запустели и взять тех денег не на ком, и достальные посадские и уездные люди от непомерного правежа бегут в Сибирские разные города»¹⁷³. «Тяжелыми податями они доведены до такой бедности, что ничего не имеют, кроме изорванной одежды с подойником... – писал Яков Рейтенфельс, – а иногда бывают вынуждены за неимением каких-либо средств таскаться толпами по городам и просить милостыню»¹⁷⁴. В конце концов, бегство тяглого населения вызвало цепную реакцию неплатежей; к 1671 году поступления по Устюжской «четверти» упали в более чем в три раза. На Вологодчине разразился страшный голод – цена четверти ржи достигала 2 рублей 70 копеек. Крестьяне толпами уходили из северных областей; в 1646 году в Устюжском уезде насчитывалось 9,5 тысяч дворов, а в 1670 – 7 тысяч, но эти цифры не отражают реальной убыли: ведь до начала 60-х годов население возрастало и достигло, возможно, 11-12 тысяч дворов. Население продолжало уменьшаться и дальше; в 1679-1686 годах произошла катастрофа в Тотемском уезде: число жителей здесь сократилось на 40%; пятую часть оставшихся составляли нищие¹⁷⁵. Эти данные показывают, что в Приморье кризис был более разрушительным, чем в Вятке.

Вслед за кризисом 1568-1571 годов разорение северных уездов было вторым кризисом, порожденным «военной революцией» и перераспределением ресурсов в структуре «государство-элита-народ» в пользу государства. Механизм кризиса до некоторой степени напоминал историю разорения России при Иване Грозном: война вызывает рост налогов, но эти налоги еще терпимы, когда они взимаются натурой. Коммутация налогов приводит к выбросу хлеба на рынок и падению хлебных цен, которое еще более увеличивает налоги. Кризис достигает особой остроты в перенаселенных областях, где положение было тяжелым и раньше – теперь же оно становится невыносимым. С помощью «больших непомерных правежей» у крестьян отнимают последний хлеб, начинается голод, который вместе с правящими приводит к гибели одних крестьян и к бегству других. Разница состояла в том, что на этот раз кризис имел локальный характер: он распространился только на северные «черные» земли; правительство не осмелилось повысить налоги на основной территории страны, и глобальной демографической катастрофы не произошло.

3.2.6. Динамика государства: кризис самодержавия

В 1682 году смерть царя Федора, тяжелая болезнь его брата Ивана и малолетство другого наследника, Петра, вызвали кризис самодержавия. На арену снова вышли боярские группировки, начавшие борьбу за власть под видом поддержки царя Петра или царя Ивана. В эту борьбу вмешались стрельцы, недовольные злоупотреблениями своих начальных людей, ухудшением своего материального положения и, кроме того, опасавшиеся

ропуска стрелецкого войска и замены его солдатскими полками. Как убедительно показывает Л. Хьюз, стрельцы (и примкнувшие к ним солдаты) выступили под лозунгом защиты «добротого царя» Ивана от якобы покушавшихся на его жизнь бояр – то есть это было антибоярское выступление в защиту самодержавия и собственных сословных интересов. Мятеж сопровождался многочисленными убийствами представителей аристократии; всего было убито 16 человек, среди них несколько князей¹⁷⁶. Единственным представителем царской семьи, способным поддержать авторитет власти в обстановке начавшейся анархии, оказалась царевна Софья. Софья укрылась вместе с царями в Троице-Сергиевой лавре, призвала на помощь поместное ополчение и привела стрельцов к покорности. Таким образом, в критический момент монархия нашла опору в дворянстве; другой опорой Софьи стала боярская аристократия. В силу своего положения Софья не могла проявлять самовластие, и она искала поддержки знати, в огромном количестве раздавая думские чины. Современники свидетельствуют, что Софья правила вместе с боярами¹⁷⁷.

Дворянство воспользовалось слабостью центральной власти и уже во время сбора в Троице предъявило ей новые требования по пресечению бегства крепостных. В 1683 году правительство увеличило штраф за укрытие беглых вдвое и указало южным воеводам (на которых жаловались дворяне) немедленно вернуть крепостных, пришедших на Черту после 1675 года, и впредь никого не принимать. После этого сыск беглых на Юге усилился и стал постоянным. Другой уступкой дворянству был указ 1684 года, установивший, что поместья (даже большие) после смерти их владельца остаются в роду и делятся между наследниками сверх их поместных окладов – несмотря на то, что наследники не выслужили этой прибавки. Указ 1688 года разрешал продажу вотчинных крестьян без земли; указы 1688 и 1690 годов санкционировали право владельцев обменивать как вотчины, так и поместья. К концу XVII века различие между помещьем и вотчиной почти стерлось; поместья передавались по наследству по мужской линии, отдавались вдовам и незамужним девушкам «для прокорму» и иногда даже продавались¹⁷⁸.

К 1686 году положение Софьи несколько укрепилось, но в 1689 году она была отстранена от власти, и боярское управление при эпизодическом вмешательстве Петра продолжалось до 1698 года, когда царь вернулся из путешествия за границу и энергично приступил к реформам¹⁷⁹.

В конечном счете, боярское правление тяжело отразилось на дисциплине дворянства и состоянии «полков иноземного строя». В 1695 году, при первом походе на Азов, в боевой готовности оказалось лишь 14 тысяч солдат «иноземного строя»; остальное 120-тысячное войско состояло из ратников «русского строя», то есть из стрельцов и поместного ополчения. Впоследствии, в 1717 году, князь Я. Ф. Долгорукий говорил Петру, что его отец устройением регулярных войск путь ему показал, «да по нем несмысленные все его учреждения разорили», так что Петру пришлось почитай все вновь делать и в лучшее состояние приводить¹⁸⁰.

Ослабление самодержавия было обусловлено, в основном, случайными факторами, но оно привело к тому, что результаты «военной революции» были отчасти утрачены. Дворянство вновь заявило свои претензии на увеличение ренты и смягчение условий службы; дворянские права на распоряжение поместьями приблизились к правам вотчинников.

3.3. Реформы Петра Великого

3.3.1. Реформы как результат взаимодействия факторов

Общепризнано, что основным содержанием российского исторического процесса начала XVIII века были реформы Петра I. Вокруг реформ Петра Великого уже три столетия ведутся оживленные споры; в то время как одни историки (например, С. М. Соловьев) признают их кардинальным переворотом, «революцией», другие (как П. Н. Милуков) отказываются называть их реформами, ибо «хозяйничанье изо дня в день не представляет собой ничего похожего на реформу»¹⁸¹. Петровские реформы были сложным явлением, которое невозможно изучать без учета многообразия действующих факторов, в том числе, демографического фактора, технического фактора «военной революции» и диффузионного фактора внешних влияний. Социальные, экономические и политические процессы XVII-XVIII веков, описывающие воздействие технического и диффузионного фактора и включающие европеизацию, военную революцию и развитие мануфактурной промышленности, анализируются обычно в рамках носящей синтезирующий характер теории модернизации (см. п. 1.2.2).

Реформы Петра I являлись продолжением реформ Алексея Михайловича, и в контексте демографически-структурной теории их главным результатом была *трансформация структуры* «государство-элита-народ» – то есть трансформация того объекта, который изучает эта теория. Эта трансформация подразумевала изменения в связях между элементами структуры и в принципах их функционирования. Государство теперь включало в свой состав регулярную армию, новые финансовые, бюрократические институты, а также государственную промышленность. Элита превратилась в поставщика образованных кадров для армии и бюрократии, причем в силу ужесточения принципа обязательной службы, ее связь с государством и зависимость от него стала более сильной. Народ был обременен новыми повинностями, к прежним повинностям добавилась новая и необычная повинность, рекрутчина, введение которой существенно изменило отношения между народом и государством. В дополнение к этим качественным изменениям произошло масштабное перераспределение ресурсов в структуре «государство-элита-народ» – перераспределение в пользу государства и в ущерб народу и дворянству; при этом новые налоги существенно уменьшили средства существования народа, и как мы увидим далее, вызвали новое Сжатие. Таким образом, трансформация структуры и ее демографические последствия делают рассмотрение реформ Петра I весьма важным с точки зрения демографически-структурной теории.

Сложность восприятия петровского времени заключается в чрезвычайно сильной роли фактора внешних влияний, причем характер действия этого фактора обусловлен в значительной мере случайными обстоятельствами. Эта случайность проявилась уже в том, что формирование личности Петра протекало в необычных условиях; волею случая он был отторгнут из дворцовой кремлевской среды, о его образовании никто не заботился, и сцепление странных обстоятельств привело к тому, что его воспитателями стали не московские попы и дьяки, а голландские плотники и офицеры из Немецкой слободы¹⁸². Это необычное воспитание, в свою очередь, повлекло за собой другой необычный шаг – путешествие молодого царя в Европу, где он познакомился с западной культурой и утвердился в решимости во что бы то ни стало преобразовать Россию по европейскому образцу.

По возвращении Петра на родину были изданы указы о бритье бород и о запрещении носить русскую одежду. В 1699 году городским жителям было предложено избрать бурмистров и учредить самоуправление по голландскому образцу – эта реформа поначалу не нашла отклика у населения, и ее пришлось проводить силой¹⁸³. В январе 1701 года антицерковные (может быть, даже протестантские) настроения Петра нашли выход в секуляризационной реформе: монастырские и церковные вотчины были взяты под управление государства, которое забирало все доходы, оставляя монахам лишь содержание по 10 (а потом по 5) рублей в год. Хотя эта реформа официально мотивировалась финансовыми соображениями, в действительности, она дала государству лишь около 100 тысяч рублей в год – меньше 4% от всех доходов¹⁸⁴. Как считал Б. И. Сыромятников, царь фактически провел реформацию по протестантскому образцу¹⁸⁵.

Решение Петра начать войну со Швецией было также навеяно впечатлениями от поездки на Запад: царю не терпелось «прорубить» окно в Европу, «кногою твердой стать у моря», построить свой «Новый Амстердам» и завести флот. В действительности, Россия давно имела «окно в Европу»; этим окном был Архангельск, который даже после постройки Петербурга долгое время оставался основным русским портом¹⁸⁶.

Однако сколь ни велико было влияние случайных обстоятельств, основное содержание исторического процесса определялось действием долговременных базисных факторов, в данном случае технического фактора и фактора диффузии. В том, что касается причин реформ, роль демографического фактора была невелика, но в дальнейшем трансформация структуры повлекла за собой неизбежные демографические последствия – сокращение экологической ниши народа и демографический кризис. Для анализа причин реформ более уместно использование теории «военной революции», в контексте которой реформы Петра Великого рассматриваются как продолжение процесса, начавшегося еще в правление Алексея Михайловича, когда были созданы «полки иноземного строя». Необходимость вернуться к реформам была вызвана тем, что в период боярского управления численный состав армии значительно сократился. Кроме того, именно в это время, в конце XVII века в Европе произошла новая революция в воен-

ном деле. Изобретение штыка-багинета позволило европейским армиям отказаться от использования пик и формировать батальоны из одних мушкетеров, что обусловило переход к линейной тактике¹⁸⁷. Ввиду приближавшейся войны со Швецией необходимо было восстановление «полков иноземного строя» и обучение их новой тактике.

Подготовка к войне со Швецией началась в ноябре 1699 года, когда было объявлено о наборе даточных по 1 человеку с 50 дворов и одновременном наборе добровольцев – причем разрешалось записываться холопам и крепостным. К осени 1700 года из новобранцев было сформировано 27 полков, эти полки четыре месяца обучали линейной тактике по новому уставу, составленному майором А. Вейде¹⁸⁸. Однако офицерами были преимущественно иностранцы, которые не успели завоевать доверия у своих новых солдат, новобранцы были «необстрелянными», и это губительным образом повлияло на исход сражения под Нарвой 20 ноября 1700 года¹⁸⁹.

После нарвского разгрома выяснилось, что Россия была совершенно не подготовлена к войне – не было ни пушек, ни ружей, ни шпаг, ни сукна для солдатской формы¹⁹⁰. Однако Карл XII отказался от немедленного похода в Россию; Петр получил столь желанную передышку и принялся восстанавливать армию. Под Нарвой была потеряна большая часть артиллерии – 177 пушек и мортир¹⁹¹, и Петр решился на поступок, который многие сочли святотатством – он приказал снимать с церкви колокола и переливать их в пушки. Однако это не спасало положения, нужно было создавать новую военную промышленность и ускорять начатое перед войной строительство заводов на Урале. Осенью 1701 года была пущена первая домна Каменского завода; в 1702 году на этом заводе было отлито 180 пушек, а в 1703 году было отлито 572 орудия, и проблема с артиллерией была решена¹⁹². Одновременно с воссозданием артиллерии решалась проблема производства ружей. В начале войны тульские мастера могли изготавливать лишь несколько тысяч ружей в год, и первое время положение спасали закупки оружия в Голландии. Закупки продолжались до 1712 года, когда в Туле был пущен большой оружейный завод; в 1714 году на этом заводе было произведено из уральского железа 14 тысяч ружей¹⁹³. В течение за время правления Петра было построено около полусотни металлургических заводов и оружейных заводов; производство железа возросло с 50 до 370 тыс. пудов. Для обеспечения армии и флота Петр строил также полотняные, кожевенные, амуничные мануфактуры – в общей сложности было создано около 200 мануфактур, заложивших начало русской промышленности. Стоимость русского экспорта увеличилась с 1,4 млн. руб. в 1710 году до 2,2 млн. руб. в 1725 году, причем благодаря развитию мануфактур 72% этого экспорта составляли готовые продукты¹⁹⁴. Создание преимущественно государственной, ориентированной на военные заказы промышленности было важной чертой трансформации структуры, начатой при Алексее Михайловиче и завершенной Петром.

Одновременно с созданием военной промышленности проводились мероприятия по созданию огромной новой армии. В первые годы после Нар-

вы Петр ограничился восстановлением и доукомплектованием разбитых дивизий; он не решался проводить массовые наборы «даточных», подобные наборам времен польской войны 1654-1667 годов. Но когда проблема с вооружением была отчасти решена, Петр решил создать огромную армию и раздавить противника численностью. В феврале 1705 года был произведен первый большой набор даточных (теперь их называли рекрутами) – по 1 человеку с 20 дворов, затем большие наборы повторялись ежегодно до 1709 года. По этим наборам было призвано 118 тыс. рекрутов. К 1708 году полевая армия увеличилась в два с половиной раза, она насчитывала теперь 57 пехотных и 28 кавалерийских полков, 113 тыс. солдат (но, кроме того, были еще многочисленные гарнизонные части)¹⁹⁵.

3.3.2. Динамика элиты

Трансформация структуры привела к радикальному изменению положения элиты. Как отмечалось выше, при царе Алексее Михайловиче началось переформирование дворянской элиты в рамках второй «военной революции». Этот процесс был остановлен кризисом самодержавия после смерти царя Федора и возобновился с началом Северной войны. Воздействие фактора военно-технических инноваций было настолько велико, что «военная революция» меняла не только распределение ресурсов между государством и элитой, но трансформировала функции и положение элиты. Как и прежде, одним из основных моментов этого процесса было преобразование поместного ополчения в регулярную кавалерию. После Нарвы началось формирование новых регулярных кавалерийских полков. В 1700-1701 годах комиссия под председательством князя Б. Голицына произвела перепись всех дворян и их сыновей; всего было учтено 27 тысяч человек, и годные к службе были распределены по полкам. При этом существенно, что дворян теперь посылали на службу не в рейтары, а в драгуны; это было вызвано падением значения тяжелой кавалерии в результате усиления артиллерии и широкого применения картечи. Однако, вместе с тем, служба в драгунах означала умаление престижа дворян и должна была вызвать их недовольство¹⁹⁶.

Другим направлением преобразования элиты было создание нового офицерского корпуса. Петр полагал, что офицерами новой армии должны быть, в основном, дворяне – но для того, чтобы стать офицером, дворянин должен был сначала получить необходимое образование, а затем в качестве солдата пройти военное обучение в гвардейских частях. В 1714 году было указано всех дворянских недорослей десяти лет определить для учебы в новосозданные «цыфирные» школы; это мероприятие было сопряжено с отрывом детей от семьи – ведь школы имелись лишь в немногих губернских городах. Учеба в школах продолжалась до 16 лет, после чего юношей распределяли рядовыми в полки. Отпрыски знатных фамилий обычно служили в гвардии; тех, кто не служил в гвардии и «с фундамента солдатского дела не знает», было запрещено производить в офицеры¹⁹⁷.

Если раньше дворяне жили в поместьях и собирались лишь перед началом похода, то теперь служба стала постоянной. После окончания Северной войны постепенно установился порядок, по которому в мирное время офицер раз в два года мог получить полугодовой отпуск. Отставку давали только за старостью или увечьем. Правда, можно было записаться на гражданскую службу, но число принимаемых в чиновники было ограничено третью от каждой фамилии и требовалось соответствующее образование¹⁹⁸.

Другой указ 1714 года вводил единонаследие поместий и вотчин, нарушенное в правление Софьи; по существу, это было частичное восстановление традиционной системы верстания «в припуск», когда один из сыновей заменял на службе отца. Кроме того, была запрещена продажа не только поместий, но и вотчин. В целом, политику Петра I в отношении дворянства можно рассматривать, как меры, направленные на реставрацию и усиление поместной системы, со времен Ивана III составлявшей основу российской элитарной монархии.

Отягчение службы, естественно, вызывало недовольство дворян, многие не являлись на смотр и скрывались в «нетях». В 1703 году многие дворяне не явились к сроку в стоявший в Пскове корпус Б. П. Шереметева. У «нетчиков» были отобраны поместья и вотчины – причем эти конфискации приобрели массовый характер; за время войны было конфисковано в общей сложности около 3 тысяч поместий¹⁹⁹. Таким образом, Петр эффективно использовал старый принцип поместной системы, возможность конфискации поместий; благодаря этому, царю удалось навести дисциплину среди дворян²⁰⁰.

Тем не менее, недовольство дворянства оставалось постоянно действующим фактором. Французский эмиссар де ла Ви в 1716 году писал о том, что деятельность Петра крайне непопулярна, что дворянство недовольно. Ганноверский посол Ф. Х. Вебер придерживался того же мнения. Императорский посол Плейер сообщал о недовольстве и заговоре в гвардейских полках²⁰¹. Дело царевича Алексея показало, что к недовольным примыкали широкие круги старомосковского боярства, включавшие и часть генералитета – князя Долгорукие, Нарышкины, Апраксины, Голицыны. Следствие не подтвердило наличие заговора, но раскрыло картину широкой оппозиции. Голландский и австрийский послы сообщали, что сторонники Алексея ставили перед собой четыре основные задачи: мир со Швецией, уход из Петербурга, отказ от регулярной армии европейского образца в пользу дворянской конницы и снижение налогов²⁰².

Вместе с тем, сила петровского государства была столь велика, что оппозиция не смогла объединиться для сколько-нибудь организованного сопротивления. Более того, в конце своего правления Петр смог приступить к решительной перестройке элиты в духе военно-бюрократического абсолютизма. Царь в большом количестве раздавал офицерские чины недворянам, и к концу Северной войны лишь 62% офицеров русской армии происходили из русских дворян (в пехоте 52%), остальные были из служилых

людей, из городских сословий, 13% были иноземцами²⁰³. В 1722 году была введена «Табель о рангах», установившая лестницу чинов и правила производства. Одно из этих правил имело фундаментальное значение: любой выходец из простонародья, получая чин 14-го ранга (прапорщик или секретарь) становился вместе с тем дворянином. Правда, чиновникам этот ранг давал только «личное» дворянство (без права передачи по наследству), но, дослужившись до 8-го ранга, чиновник становился стопроцентным дворянином. Таким образом, дворянское сословие было открыто для выходцев из низов – это было одно из важнейших проявлений трансформации структуры при Петре I. С. П. Постников называет эту реформу «бюрократической революцией»²⁰⁴; после реформы российская элита состояла из двух классов, собственно «дворян», то есть помещиков и офицеров, и «чиновников» – тоже дворян, но выслужившихся из народа. При этом дворянина, занимавшего высокий чиновный пост, никогда не называли чиновником. Дворяне неприязненно относились к чиновникам, рассматривая в их возвышении покушение на свои привилегии. Во время событий 1730 года «шляхта» требовала исключить из дворянства петровских выдвиженцев; в 1758 году чиновникам было запрещено владеть крепостными. В середине XVIII века чиновники занимали около половины гражданских должностей, но в армии офицеров, происходивших из недворян, было гораздо меньше – около 1/6 от общего числа²⁰⁵.

3.3.3. Перераспределение ресурсов в пользу государства

Другим важнейшим проявлением трансформации структуры было перераспределения ресурсов в пользу государства. Создание новой армии требовало огромных затрат, поэтому, так же как и раньше, во время войн Алексея Михайловича, на первый план вышла финансовая проблема. В этой области правительство Петра в основном копировало реформы руководителей правительства царя Алексея, Морозова и Милославского, но, учитывая опыт своих предшественников, оно действовало более осторожно. В 1705 году была введена государственная монополия на продажу соли; соль стала продаваться вдвое дороже, что давало казне около 200 тыс. руб. в год. В 1705-1710 годах расходы населения на покупку соли составляли 400 тыс. рублей²⁰⁶, то есть примерно 4 коп. на человека – сумма, эквивалентная 0,8 пуда хлеба; это была существенная добавка к прямым налогам. Наибольшую выгоду давала монетная регалия: с 1698 года правительство чеканило серебряные копейки в полтора раза более легкие, чем прежде; население заставляли менять старую монету на более легкую, и от этой девальвации казна получала в 1701-1709 годах в среднем 500 тысяч рублей в год. Когда основная часть серебряной монеты была перечеканена, стали во все возрастающих масштабах выпускать медные деньги, которые должны были иметь хождение наравне с серебряными; чеканка медных денег давала в 1710-1718 годах 130 тыс. руб. прибыли в год²⁰⁷. Зная о «медном бунте» 1662 года, Петр ограничивал размеры чеканки, и до 1714 года она почти не сказывалась на ценах, но, в конце

года она почти не сказывалась на ценах, но, в конце концов, началась инфляция: в 1715-1721 годах хлебные цены возросли вдвое.

Морозов и Милославский боялись повышать прямые налоги с составлявших большинство населения помещичьих крестьян – Петр преодолел этот давний страх перед Смутой. Уже в начале Северной войны, в 1701 году, правительство повысило денежные налоги с поместных крестьян с 5 до 40 копеек со двора, в хлебном исчислении – с 0,7 до 1,9 пуда на душу; расходы бюджета возросли до 2,3 млн. руб. Но это было только начало, в 1705 году расходы составили 3,2 млн. рублей²⁰⁸, были введены чрезвычайные налоги, и в итоге прямые налоги на поместных крестьян в 1707-1710 годах достигли 2,3 пуда на душу²⁰⁹. Таким образом, Петр сломал старую государственную традицию, предусматривавшую щадящее обложение крестьян налогами. Именно этот «фискальный скачок» позволил царю резко увеличить армию и создать военную промышленность. К началу Северной войны армия не была распущена по домам, как делалось прежде; 210 тысяч солдат были переведены на постоянное содержание. Предполагалось, что полки будут расквартированы по деревням и будут принимать участие в сборе подушной подати, шедшей на их содержание. Крупнейшая в Европе постоянная армия стала основой мощи новой Российской империи; ее содержание было определено Петром I в 4 млн. рублей, но эти цифры были сразу же превышены; в бюджете 1725 года на армию предполагалось истратить 5,1 млн. руб., а на флот – 1,4 млн. В пересчете на хлеб военные расходы были примерно в 2,5 раза больше, чем до Петра. Кроме того, если прежнее войско финансировалось по большей части за счет кабацких и таможенных пошлин, то содержание новой армии обеспечивалось прямыми налогами, введенной Петром подушной податью. Для организации сбора этой подати в 1719-1723 годах была проведена перепись мужских «душ». По сравнению с проводившимися в XVI веке кадастрами новая налоговая система была шагом назад – но сопротивление помещиков было настолько значительным, что и подушную перепись удалось провести лишь с большим трудом, угрожая за утайку «душ» смертной казнью. В бюджете 1724 года подушная подать составила 4,6 млн. рублей, таможенные и кабацкие сборы – по 1 млн., а все доходы – 8,6 млн. рублей; в пересчете на хлеб по высоким ценам тех лет получается 58 млн. пудов - в 2,5 раза больше, чем при царе Федоре²¹⁰.

Подушная подать должна была заменить все существовавшие прежде прямые налоги; с момента своего введения в 1724 году вплоть до 1794 года – за исключением льготных лет – она собиралась по одной и той же ставке в 70 копеек с ревизской (т. е. с мужской) души. Кроме того, при покупке соли крестьяне платили пошлину, которая составляла в 1731-1749 годах в среднем 12 копеек с ревизской души. После стабилизации цен в 30-х годах, подушная подать и соляная пошлина отнимали у крестьян в среднем 3,9 пуда хлеба с души – это был тот новый уровень налогов, который был результатом петровских реформ, уровень, обеспечивавший содержание по-

стоянной армии и великодержавие России. По сравнению с допетровским временем налоги возросли в пять-шесть раз.

Таким образом, количественное выражение петровских реформ дается следующими цифрами: увеличение налогов на поместных крестьян в 5-6 раз и увеличение расходов на армию в 2,5 раза.

Это было масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства, более крупное чем то, которое произошло в ходе «военной революции» Ивана Грозного. Причем перераспределялись не только денежные средства, в рамках перестройки структуры перераспределялись и обязанности сословий. Дворянство было обременено более тяжелой, чем когда-либо службой, а народ был вынужден платить «налог кровью» — поставлять рекрутов.

При Петре Россия стала самой милитаризованной из крупных держав того времени. По отношению к численности населения русская армия составляла 1,56%, австрийская армия во время войны за испанское наследство составляла 1,25% от населения, для французской и английской армий этот показатель был существенно меньше. При этом нужно заметить, что армии других великих держав сильно сокращались в мирное время, в то время как русская армия была постоянной. Преимущество в численности и в относительной дешевизне содержания вооруженных сил было достигнуто за счет того, что Россия первой из великих держав (за исключением Швеции) ввела рекрутскую повинность — однако рекрутская повинность была дополнительным тяжелым бременем для населения²¹¹.

Неслыханная до тех пор мобилизация сил привела к успеху, была одержана победа под Полтавой и завоевана Лифляндия. Была создана мощная регулярная армия — и главная, рациональная задача петровских реформ была решена. Казалось бы, можно было снизить налоги и дать облегчение народу — но царь рассуждал иначе. Началось время иррациональных решений, определяемых фактором внешних влияний. Петр считал, что, хотя война еще не закончилась, пришла пора заняться строительством Петербурга.

Е. В. Анисимов полагает, что в строительстве Петербурга проявилось максималистское желание Петра начать свою жизнь заново, на западный лад, что Петербург создавался Петром как антипод «варварской» Москвы²¹². Это было политическое решение, с экономической точки зрения это строительство было нелепостью: в руках царя уже находились Рига, Ревель, Нарва — у России было вполне достаточно портов с готовой инфраструктурой. От Риги шел удобный водный путь на Смоленщину, и, несмотря на противодействие властей, именно Рига, а не Петербург, впоследствии стала главным портом России²¹³. Петербург был изначально обречен на нехватку продовольствия: хлеб нужно было везти из центральных районов, а провоз обходился очень дорого: в 1726-1730 годах пуд ржи стоил в Ярославле 11 копеек, а провоз до Петербурга стоил 18 копеек. До Архангельска благодаря водному пути доставка обходилась втрое дешевле²¹⁴. В дальнейшем, когда население Петербурга увеличилось, доставка хлеба в столицу потребовала сотен тысяч бурлаков и стала основным заня-

тием для значительной части населения Центрального региона. Таким образом, Петр взвалил на экономику России тяжелое бремя, которое и при нем, и после него препятствовало решению актуальных задач модернизации.

Решение о возведении новой столицы, по-видимому, необходимо рассматривать в контексте случайного характера действия фактора внешних влияний, тех случайных обстоятельств, которые повлияли на воспитание юного Петра и способствовали созданию психологического комплекса максималистского подражания Европе. Как показывает мировой опыт, перенесение столицы не является необходимым моментом модернизации.

Ситуация усугублялась тем, что строительство Петербурга осуществлялось во время войны, которая отнимала у народа все силы и средства. В 1710-1717 годах на строительство Петербурга ежегодно требовали по одному работнику с 10-15 дворов, в среднем по 35 тысяч человек в год. Подневольные рабочие шли в Петербург из всех областей – поначалу даже из Сибири – тратя на дорогу по несколько месяцев²¹⁵. Французский консул де ла Ви свидетельствует, что две трети этих людей погибали на петербургских болотах²¹⁶. Фельдмаршал Миних писал, что в Северную войну «от неприятеля столько людей не побито... сколько погибло при строении Петербургской крепости и Ладожского канала»²¹⁷.

Как отмечалось выше, в 1707-1710 годах помещицы крестьяне платили постоянных и чрезвычайных налогов в среднем около 60 копеек со двора. В связи с началом широкомасштабного строительства в 1711 году был введен налог «на дачу петербургским работникам», затем к этому налогу были добавлены сборы «на известное жжение», «на кирпичное дело» и «на городовое строение» – в общей сложности 35 коп. со двора. Но это было далеко не все: были введены новые чрезвычайные налоги. Главным из них был «санкт-петербургский провиант», составлявший в 1712-1717 годах в среднем 60 коп. в год, а с 1718 года – 1 рубль. В 1714-1715 годах собирали «на каменное строение на острове Котлин» по 25 коп., в 1716-1717 годах «на гаванное строение в Петербурге» по 1 руб. 21 коп, в 1718-1719 годах на постройку Ладожского канала по 70 коп. – и так далее, здесь трудно перечислить все тогдашние сборы²¹⁸.

Всего в 1711-1716 годах прямые и чрезвычайные налоги составили в среднем 2 руб. 50 коп. со двора, в четыре раза больше, чем до начала широкомасштабного строительства! Правда, нужно учесть, что в это время возросли хлебные цены; в пересчете на хлеб с учетом натуральных поставок и соляной пошлыны в 1707-1710 годах крестьяне отдавали государству 3,1 пуда с души, а в 1710-1716 годах – 5,6 пуда²¹⁹. По сравнению с допетровскими временами тяжесть налогов возросла в 8 раз!

3.3.4. Динамика народа: положение крестьян

С точки зрения демографически-структурной теории перераспределение ресурсов в пользу государства означало сокращение экологической ниши народа, что должно было повлечь за собой падение потребления. Как отмечалось выше, подобное перераспределение ресурсов во времена Ивана

Грозного стало одной из причин демографической катастрофы – и схожая ситуация наблюдалась на севере страны в правление Алексея Михайловича.

Мог ли крестьянин платить петровские налоги? Попытаемся приблизительно подсчитать, каковы были в то время возможности крестьянского хозяйства. Трудность состоит в том, что для конца XVII-начала XVIII века не сохранились данные о реальных размерах крестьянской запашки. Как мы отмечали выше, барщинные крестьяне в XVII веке были в состоянии обрабатывать 1,6-1,8 десятины пашни на душу. Многие исследователи полагают, что в этот период крестьяне пахали меньше²²⁰, но, как отмечал В. О. Ключевский, именно повышение налогов Петром заставило крестьян увеличить запашку²²¹. Исходя из максимальных возможностей крестьянского хозяйства, мы будем считать, что в этот период крестьяне могли обрабатывать 1,8 десятин пашни на душу. Большинство крестьян в это время находились на барщине, которая составляла в среднем около 0,4 десятины на душу²²², таким образом, на себя они могли пахать 1,4 десятины.

Период	Урожайность в самах		Высев в пудах на дес.		Сбор с десятины (пуд.)		Средняя продуктивность десятины (пуд.)
	ржи	овса	ржи	овса	ржи	овса	
1650-1700	3,3	3,1	9,0	12,0	20,7	25,2	15,3
1710-1730	3,0	2,6	9,0	12,0	18,0	19,2	12,4
1731-1760	3,5	3,1	9,0	12,0	22,5	25,6	16,0
1761-1780	3,5	3,5	9,0	12,0	22,5	30,0	17,5
1781-1800	3,0	2,6	11,0	17,0	22,0	25,6	15,94

Табл. 3.7. Средняя продуктивность десятины в Центральном районе²²³.

Учитывая, что урожайность в этот период снизилась и средняя продуктивность десятины составляла 12,4 пуда хлеба (табл. 3.7), крестьянин мог получить с этого надела 18 пудов хлеба. Считается, что норма потребления составляла минимально 15 пудов на душу²²⁴, стало быть, на уплату налогов оставалось максимум 3 пуда. Таким образом, при всех оптимистических допущениях получается, что крестьяне, возможно, еще могли кое-как платить допотопские военные налоги. Но «петербургские» налоги в 5,6 пудов хлеба вынуждали крестьянина брать хлеб из запасов, предназначенных на случай голода. Такие запасы были у многих крестьян. В российских условиях, при гораздо больших, чем в Европе, колебаниях урожаев, крестьяне старались обеспечить себя на случай недорода. Какое-то время крестьяне могли платить непомерные налоги и жить за счет запасов. Но в случае неурожая истощение запасов должно было привести к катастрофе – а большой неурожай имел место в среднем один раз в семь лет. Так что дело было только во времени.

Посмотрим, каково было положение оброчных крестьян. С участка в 1,8 десятины оброчный крестьянин мог получить 23 пуда хлеба. Номи-

нальные нормы денежного оброка по сравнению с последними десятилетиями XVII века не изменились и составляли в расчете на душу 25-30 копеек. Однако в результате падения цен реальные оброки в это время увеличились примерно до 4,5 пудов, и в целом правительство и помещики требовали с оброчных крестьян более 10 пудов хлеба с души! Таким образом, после вычета налогов и оброков у оброчного крестьянина оставалось 13 пудов хлеба – меньше прожиточной нормы 15 пудов в год.

Год	Уезд, селение	Душ. муж. пола.	Оброк на душу об. поля(коп)	Цена юфти (коп)	Пудов на душу
1701	Суздальский, с. Мыт		25	75	4,5
1708	Ярославский, Юхотская вол.	7524	33	79	5,7
1708	Ржевский, с. Молодой Туд.	4005	24	79	4,0
1708	Костромской у. С. Харитоновка.	134	29	79	4,9
1708	Мещовский у. Дер. Дербинка.	41	30	79	5,2
1715	Алексинский, с. Ясенево	126	32	87	4,9
1715	Владимирский, д. Сулово	38	20	87	3,0
1716	Каширский, с. Жерновки.	816	33	95	4,7
	средние 1701-1716		28		4,6
1727	Вотчины А. Д. Меньшикова в 8 уездах	20876	25	165	2,0
1742	Каширский у. С. Тешилово		36	149	3,1
1742	Звенигородский у. с. Троицкое		67	149	5,9
1742	Суздальский у. с. Богоявленское		37	149	3,2
1742	Каширский у. с. Шульгино		60	149	5,3
1742	Переяславский у. с. Рюмино		44	149	3,8
1742	Серпейский у. с. Успенское		20	149	1,8
1742	Вяземский у. с. Дугино		25	149	2,2
	средние 1742 -1744г.		41		3,6
1758-59	Суздальский у. с. Богородское		73	157	6,2
1758-59	Суздальский у. с. Богословское		74	157	6,3
1758-59	Суздальский у. С. Васильевское		62	157	5,3
1758-60	Ярославский у., вотчины М. М. Щербатова		60	142	5,7
	Средние 1758-1760		67		5,9

Табл. 3.8. Оброк помещичьих крестьян центрального района в первой половине XVIII века²²⁵.

Тяжелым было и положение монастырских крестьян. В 1707-1716 годах монастырские крестьяне отдавали в среднем по 8 пудов хлеба с души, а в отдельные годы – до 10 пудов²²⁶. Таким образом, оброки и налоги при-

близилась к уровню времен Ивана Грозного, когда у крестьян отнимали по 11-12 пудов хлеба с души. Как известно, «фискальный скачок» Ивана Грозного привел к катастрофе – страшному голоду и чуме 1568-1571 годов. П. Н. Милоков считал, что непомерные налоги Петра I также привели к демографической катастрофе – к уменьшению населения на одну пятую. Действительно, в 1704 году был «голод великий по деревням», когда цена ржи возросла вчетверо. В 1707 году сборщик налогов докладывал из Борисоглебского монастыря, что «великие правежи» с крестьян уже ничего не дают; в 1708 году из Олонецкого края сообщали, что крестьяне из-за непосильных налогов «обнищали и сошли безвестно и двory их пусты...»²²⁷

О прогрессирующем ухудшении материального положения крестьян говорит и такой показатель, как уменьшение роста рекрутов. Рекруты, родившиеся в 1700-1704 годах, имели средний рост 1647 мм, родившиеся в 1710-1714 годах – 1635 мм, родившиеся в 1720-1724 годах – 1626 мм²²⁸.

Перепись 1710 года зафиксировала уменьшение численности дворов на одну пятую – однако правительство не поверило переписчикам²²⁹. Сокращение числа дворов было истолковано как результат распространившейся практики сведения нескольких дворов в один с целью уменьшения обложения. Более строгая и точная подушная перепись, так называемая «первая ревизия» 1719-1721 годов, действительно, показала, что по сравнению с 1678 годом численность населения возросла с 8,6 до 11,6 млн. человек (в границах 1650 года)²³⁰. Однако, хотя в целом население в годы Северной войны, по-видимому, не уменьшилось, отдельные категории населения понесли существенные потери – в особенности это касается монастырских крестьян, на которых падала наибольшая тяжесть налогов. Население домовых патриарших вотчин в 1679-1702 годах увеличилось с 32 до 49 тысяч, а к 1719 году уменьшилось до 46 тысяч. Суздальский Спасо-Евфимьев монастырь к концу войны потерял от голода и побегов около трети из 20 тысяч крестьян²³¹. Особенно тяжелым было положение крестьян северных областей, которым приходилось нести тяжелые повинности, связанные со строительством Петербурга. Население восточной части Вологодского уезда в 1678-1719 годах сократилось наполовину, а в целом численность населения северных уездов уменьшилась на 13%²³². На значительной территории Центрального района (Владимирский и ряд других уездов к востоку от Москвы) население в 1678-1719 годах не увеличилось, и поскольку, в 1678-1700 годах, оно, очевидно, росло, то это означает, что в 1701-1719 годах население этих территорий сокращалось²³³.

Резкий рост налогов и повинностей привел к массовому бегству крестьян в южные области, на Дон, на Украину, в Сибирь. Бежали большими партиями, «многолюдством, человек по сту и более»²³⁴. Правительство приняло жесткие меры, чтобы остановить это бегство, была введена паспортная система и создана цепь кордонов вдоль границ²³⁵. Однако начальник уральских горных заводов В. Геннин докладывал, что, если вернуть беглых, то все заводы будут пусты, что бегство не остановить, даже если поставить караулы на каждой версте²³⁶. В 1707 году была предпринята

операция по возвращению беглых с Дона – в результате там вспыхнуло большое крестьянское восстание, и летом 1708 года войскам Петра I пришлось сражаться на два фронта: против вторгшихся в страну шведов и против собственных крестьян²³⁷. «Известно, что среди низших классов населения... распространено было крайне враждебное отношение к личности Петра и его деятельности... – писал Н. П. Павлов-Сильванский. – Жаловались больше всего на то, что... “крестьян разорил с их домами, мужей побрал в рекруты, а жен и детей осиротил”»²³⁸.

3.3.5. Динамика государства: абсолютизм и элитизм Петра Великого

Одной из важнейших сторон произведенной Петром Великим трансформации структуры было укрепление самодержавия. Согласно теории «военной революции» создание регулярной армии приводит к установлению военно-бюрократического абсолютизма. Высшей формой бюрократического абсолютизма, включающей в себя не только самодержавие, но и государственное регулирование социально-экономических процессов, является элитистская монархия. Как отмечалось выше, реформы Ивана Грозного в свое время привели к установлению государственной собственности на землю, что является главным признаком элитистского государства. К периоду правления Петра I относится новый пик элитизма, отмеченный широким распространением практики государственного регулирования. Идеологической основой петровского элитизма было учение о «всеобщем благе» и «регулярном полицейском государстве». Наиболее известным представителем этого учения был немецкий философ Христиан Вольф, которого Петр собирался назначить президентом Петербургской академии²³⁹. Х. Вольф утверждал, что в целях достижения «всеобщего блага» государство должно регламентировать все стороны жизни граждан: принуждать их к работе, регулировать заработную плату, условия труда, цену товаров, поддерживать правопорядок и нравственность, поощрять образование, науки, искусства и т. д.²⁴⁰ В конце XVII века теория регулярного государства получила широкое распространение, и ее принципами (иногда не вполне осознанно) руководствовались в своей деятельности шведский король Карл XI, «великий курфюрст» Фридрих-Вильгельм, Людовик XIV и его министр Кольбер. Эту теорию часто отождествляют с европейским «просвещенным абсолютизмом», который отличается от восточного самодержавия тем, что имеет светский характер и руководствуется в своих действиях не религиозным идеалом, а «законами разума» и «общим благом»²⁴¹.

Правление Петра I было периодом расцвета элитистской монархии, когда государственное регулирование достигло чрезвычайной интенсивности и указы регламентировали все и вся. В соответствии с теорией «регулярного государства» Петр издавал множество указов, посвященных регламентации того или иного вида деятельности. Как отмечает А. И. Медушевский, в отношении глубины вмешательства государства в жизнь общества империя Петра Великого может сравниться только с «полицейским госу-

дарством» Иосифа II²⁴². Однако в одном, и самом важном, отношении в государственном регулировании Петра имелся очевидный пробел. В начале XVIII века (в отличие от времен Иосифа II) теория регулярного государства уделяла мало внимания регламентации сельскохозяйственной деятельности и отношений между крестьянами и землевладельцами. Между тем, прикрепление крестьян к земле давало возможность помещикам отягощать крестьянские повинности; в 1720-х годах появились купчие на крестьян – хотя по закону продажа поместных крестьян не разрешалась²⁴³. В 1719 году воеводам был разослан наказ, требующий наказания помещиков, которые «своим деревням сами беспутные разорители суть... налагая на крестьян всякие несносные тяготы, и в том их бьют и мучат, и от того крестьяне, покинув тягла свои бегают...». «Разорителей своих имений» предписывалось отдавать под опеку их родственникам²⁴⁴. Однако в целом, как отмечают специалисты, царь уделял положению крестьян гораздо меньше внимания, чем многим другим вопросам²⁴⁵.

Основным инструментом всеобщей регламентации и контроля было правильно организованное и четко функционирующее чиновничество (включающее в себя и полицию). Наука об управлении государственным хозяйством, и в частности, о коллегиальной и четкой организации чиновничества составляла часть теории «регулярного государства» и называлась камерализмом. Для старинной русской приказной системы было характерно сосредоточение разных функций в ведении одного приказа или одного воеводы, отсутствие контролирующих инстанций и правильной системы оплаты чиновников. Многие дьяки жили «от дел» – то есть существовали на взятки и подношения просителей, и, соответственно, решение вопроса зависело от размера подношений. Петр решил наладить правильную администрацию, взяв за образец административную систему Швеции. В соответствии с докладом, представленным ездившим в Швецию советником царя Г. Фиком, в 1717 году был издан указ о создании коллегий, а в 1719 году – указ о введении провинциальной администрации шведского образца²⁴⁶. М. Богословский отмечал, что почти всем нововведениям Петра можно найти прообразы в допетровской России и «только заимствование иностранной администрации ... было действительно новым, оригинальным явлением допетровской эпохи»²⁴⁷. Административная реформа привела к резкому разрастанию штатов центральных и местных учреждений, всем чиновникам которых отныне платили оклады. В проекте бюджета 1725 года расходы на чиновничество (вместе с дворцовыми расходами) составляли 2,5 млн. рублей, в то время как в 1680 году они составляли 250 тысяч; в пересчете на хлеб расходы возросли более чем в три раза²⁴⁸.

Этапизм Петра Великого породил в среде историков представление о независимости российского государства от сословий и классов²⁴⁹. «Как и на Западе, с победой абсолютной монархии, государство – как институт и идея – приобрело автономное существование и получило свои самоувечивающиеся интересы, цели и дела», – отмечал М. Раев²⁵⁰. «Многие и многие авторы полагали, что самой существенной из движущих сил про-

цесса зарождения и дальнейшей эволюции абсолютной монархии является... **внутренняя динамика государственного организма***, его автономность, имманентность, то, что по-немецки называется *Eigengesetzlichkeit*», – писал О. Кристенсен²⁵¹. Х. Баггер, суммируя в обзоре историографии мнения различных историков, указывает, что абсолютизм в России был гораздо более последовательным, чем на Западе, и что здесь, в отличие от Запада, «государство и проводимая им политика формировали социальную структуру»²⁵². Развитием этих взглядов была теория о «закрепощении» самодержавным государством всех сословий: крестьянства, городских жителей и дворянства. Эта концепция восходит к работам Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина и в настоящее время разделяется многими историками²⁵³. Этой концепции, однако противостоит цитированная ранее весьма аргументированная точка зрения Ю. Г. Алексеева, который настаивает на том, что не «закрепощение сословий», а регламентация их прав и обязанностей во имя общего интереса составляла суть сословной политики Русского государства²⁵⁴. Отметим также, что «закрепощение» имело различный характер и различную тяжесть для разных сословий, и что государство все же не смогло полностью подчинить элиту, свидетельством чего стала последовавшая после смерти Петра «эпоха дворцовых переворотов». С другой стороны, регламентация деятельности сословий является достаточно обычным явлением в статистических монархиях – в частности, в государствах Востока²⁵⁵. В этом контексте «закрепощение» не представляло собой чего-то уникального, отличающего Россию от других стран Востока – хотя конечно, отличало ее от стран Запада.

Вопрос об относительной независимости государства от элиты и народа существенно связан с проблемой апробации демографически-структурной теории. Как отмечалось выше, эта независимость является одним из постулатов Дж. Голдстоуна, на котором строятся все отношения в рамках структуры «государство-элита-народ». Этот вопрос представляется важным, поскольку, например, марксистская историография считала государство «слугой» правящего класса, то есть элиты. Как можно заключить из приведенного выше краткого обзора, большинство немарксистских историков признает относительную независимость российского самодержавия. В тоже время необходимо отметить, что отношения между государством (олицетворяемым монархом) и элитой были неодинаковыми в различные периоды. В правление Петра I государство почти полностью подчинило элиту, но во второй половине XVIII века монархия фактически оказалась в зависимости от дворянства. Таким образом, можно прийти к выводу, что в принципе, государство и элита являются самостоятельными элементами структуры, но отношения между ними в разные периоды могут быть различными, как относительно сбалансированными, так и с выделением (подчас резким) ведущей роли одного из элементов.

* Выделено цитируемым автором

3.4. Демографически-структурные процессы в 1725-1760-х годах

3.4.1. Кризис 1723-1726 годов и контрреформы

Непомерное увеличение налогов в процессе трансформации структуры при Петре Великом означало *сокращение экологической ниши народа*. Как отмечалось выше, перераспределение ресурсов в пользу государства в ходе военных реформ не раз приводило к катастрофам – так было при Иване Грозном, и (в северном регионе) при Алексее Михайловиче. Петровские реформы, в конечном счете, также привели к кризису. Многолетнее тяжкое налоговое бремя вызвало истощение запасов хлеба в крестьянских хозяйствах, и с чередой неурожайных лет (1722-1724 гг.) пришел большой голод. Летом 1723 года из провинций сообщали, что вследствие неурожая, бывшего два года сряду, крестьяне едят льняное семя и дубовые желуди, бывают по несколько дней без пищи, многие от того пухнут и умирают, иные села и деревни стоят пусты...²⁵⁶ Полковник Трайден, отправленный в Пошехонье с ревизией, докладывал, что в 1723 году от голода погибла десятая часть местного населения²⁵⁷. В таких условиях Петр I решил на крайнюю этатистскую меру: было указано повсеместно конфисковать излишки хлеба у дворян, купцов и у богатых крестьян, чтобы раздать голодающим²⁵⁸.

Вероятно, эта «продразверстка» отчасти исправила положение – но не до конца: голод продолжался до самой смерти императора и еще год после нее. Сразу после кончины Петра Екатерина I уменьшила подушную подать на 4 копейки и сняла с крестьян повинность по строительству квартир для солдат. Через два месяца Сенат приказал собиравшим налоги комиссарам умерить жестокость правейшей. Генерал-прокурор П. И. Ягужинский подал императрице доклад, в котором требовал более действенных мер по облегчению положения крестьян. Крестьяне уже не могли платить, за восемь месяцев 1725 года недоимка достигла половины окладных сумм. В 12 провинциях имели место антиналоговые выступления голодающих крестьян²⁵⁹. В июне 1726 года в Верховном Тайном Совете был поставлен на обсуждение вопрос, какие меры нужно принять «ввиду крайнего разорения крестьян». В представленных по этому поводу «мнениях» ближайшие сподвижники Петра говорили о «великой скудости крестьян», об их «крайнем всеконечном разорении». Было решено в 1727 году снять третью часть подушной подати и учредить комиссию для учета умерших и исключения их из оклада²⁶⁰.

Комиссия, возглавленная Д. М. Голицыным, стала собирать по губерниям ведомости об убыли населения. В не полностью сохранившихся материалах комиссии не имеется окончательных данных по всей стране, но они приводятся в более позднем докладе Сената. В этом докладе утверждается, что из учтенных в 1719-1724 годах 5,5 млн. душ мужского пола к 1727 году было 199 тысяч бежавших и 733 тысячи умерших²⁶¹. Беглецы в то время обычно умирали от голода на дорогах, поэтому их можно причислить к умершим; в этом случае расчеты по таблице смертности Буня-

ковского показывают превышение над естественной смертностью в 300 тыс. душ обоего пола; 300 тысяч человек – это было число погибших от голода.

Таким образом, царствование Петра I завершилось голодом, унесшим сотни тысяч жизней. Это был уже третий кризис (после кризисов времен Ивана Грозного и Алексея Михайловича), вызванный различными этапами «военной революции» – в данном случае созданием петровской регулярной армии и сопутствующим увеличением налогов. Этот кризис имел свою специфику, которая выражалась в меньшей роли демографического фактора. Во времена Ивана Грозного демографический цикл находился в фазе Сжатия, поэтому в условиях крестьянского малоземелья и продовольственных трудностей повышение налогов до 3-4 пудов хлеба с души сразу же привело к катастрофе. Во времена Петра I демографический цикл находился еще в фазе роста, на Юге продолжался процесс колонизации, у крестьян были свободные земли, и продовольственная ситуация была более благоприятной. Поэтому, хотя Петр I в своих налоговых требованиях превзошел Ивана Грозного, кризис не имел столь драматического характера и не привел к демографической катастрофе.

Необходимо, однако, добавить, что кризис времен Петра I был обусловлен не только налоговыми требованиями военного характера. Кризис в значительной степени был ценой строительства Петербурга – то есть был обусловлен отчасти случайным действием фактора внешних влияний. Некоторую роль, возможно, играли также изменения климата: отмеченное выше падение урожайности может быть связано с уменьшением среднегодовой летней температуры с $17,4^{\circ}$ в 1650-80-х годах до 17° в 1680-1740-хх. Однако зимы были, наоборот, мягкими, а количество экстремальных летних сезонов в 1710-1740-х годах соответствовало уровню благополучных лет²⁶². Таким образом, кризис 1723-1726 годов был порожден в основном налоговым давлением государства.

В обстановке кризиса власти были вынуждены принять меры для облегчения тяжести налогов. Подушная подать в 1727-1732 годах трижды сокращалась на год на одну треть, но в действительности сокращение было больше, так как подать собиралась с большими недоимками. В 1728 году была ликвидирована соляная монополия и понижена цена соли. После смерти Петра, при императрице Екатерине I, у власти находилась группа ближайших соратников преобразователя, возглавляемая князем А. Д. Меншиковым. Но в условиях кризиса, уменьшения налогов и отсутствия средств им не оставалось ничего иного, как начать демонтаж петровских учреждений. Армия чиновников, призванная обеспечить «всеобщее благо», была частично распущена – просто потому, что не было денег для ее содержания. Ряд изданных в 1727 году указов возвращал областную администрацию к допетровским временам, суд и сбор налогов были снова поручены воеводам, а дьяки, как и прежде, должны были иметь пропитание «от дел». Коллегии сохранились, но их штаты были сокращены втрое; осуществлявший контрольные функции институт прокуроров был уничто-

жен. В целом расходы на чиновничество к 1734 году сократились в два раза²⁶³.

Сократились и расходы на армию. В результате нехватки средств военные не получали установленного содержания. В январе 1727 года польский посол писал, что флот девять месяцев не получает ни гроша, а гвардия – около двух лет²⁶⁴. В 1727 году было разрешено две трети солдат и офицеров из дворян уволить в продолжительные (год и более) отпуска без сохранения оплаты; на службе рекомендовалось оставить лишь тех, у кого не было поместий и кто жил жалованьем. Была создана Военная комиссия для рассмотрения вопроса о сокращении штатной численности армии с целью уменьшения подушной подати²⁶⁵.

Недостаток средств совмещался с недостатком энергии: новые правители были не в силах (и не хотели) поддерживать темп государственной деятельности Петра Великого, вникать во все дела и руководить всем и вся путем бесчисленных указов. Если десятки указов первой четверти XVIII века предписывали подданным, какого покроя носить одежду, как строить дома и сооружать барки, как убирать хлеб и лечить больных, то в дальнейшем такого рода указы почти исчезли²⁶⁶. Смерть императора означала вместе с тем прекращение попыток построения «регулярного полицейского государства» и резкий спад в политике государственного регулирования.

После смерти Екатерины I, при юном императоре Петре II, к власти пришла партия старомосковского боярства во главе с князьями Долгорукими и Голицыными. Это была оппозиция, которая в свое время поддерживала царевича Алексея, но была вынуждена смириться из-за страха перед застенками Преображенского приказа. Первым делом новая власть уничтожила символ петровского террора – Преображенский приказ. Другим символом петровской политики был Петербург. «Петербург, – говорил князь Д. М. Голицын, – это часть тела, зараженная антоновым огнем; если ее впору не отнять, то пропадет все тело»²⁶⁷. В феврале 1728 года двор и государственные учреждения переехали из Петербурга в Москву. Жизнь Петербурга замерла, началось бегство из города дворян, купцов и мастеровых. Все строительные работы были остановлены, сотни недостроенных домов постепенно превращались в руины²⁶⁸. Но народ радовался решению Петра II. «Русские старого времени находили в нем государя по душе оттого, что он, выехав из Петербурга, перевел их в Москву, – свидетельствует К. Манштейн. – Вся Россия до сих пор считает его царствование самым счастливым временем из последних ста лет. Государство находилось в мире со своими соседями; служить в войсках никого не принуждали... вся нация была довольна; радость отражалась на всех лицах... Только армия и флот приходили в упадок...»²⁶⁹. «Теперь больше не подрываются финансы этого государства ненужными постройками гаваней и домов, – писал прусский посол А. Мардерфельд, – плохо усвоенными мануфактурами и заводами, слишком обширными и неудобноисполнимыми затеями или пиршествами и пышностью...»²⁷⁰

Итак, через три года после смерти Петра Великого налоги были уменьшены, Преображенский приказ уничтожен, Петербург был оставлен, флот сгнил, петровская администрация была, в основном, распущена, а армейские офицеры большей частью вернулись в свои деревни. В целом, смысл перемен заключался в сокращении непомерных государственных расходов, в частичном перераспределении ресурсов в обратном направлении, от государства к крестьянству и дворянству, в уменьшении того давления, которое государство оказывало на другие сословия. Однако, это было лишь частичное перераспределение, оставившее в неприкосновенности основные результаты петровских реформ, постоянную регулярную армию и подушный налог.

3.4.2. Борьба за распределение ресурсов в 1730-х годах

Кризис поставил под вопрос все результаты произошедшей трансформации структуры, в том числе и судьбу петровской абсолютной монархии. После внезапной смерти Петра II власть оказалась в руках Верховного Тайного совета, состоявшего по большей части из старой знати. Князь Д.М. Голицын предложил избрать на престол племянницу Петра герцогиню курляндскую Анну Иоанновну, ограничив ее власть конституционными «кондициями»²⁷¹. В целом этот проект можно рассматривать как продолжение контрреформ, и В. Кивельсон генетически связывает его с традициями Московского царства, с Боярской думой, Земскими соборами и теми «кондициями», которые были представлены в 1610 году королевице Владиславу²⁷².

Когда олигархический замысел «верховников» открылся, то выяснилось, что он противоречит интересам мелкого дворянства, опасавшегося восстановления привилегий родовой аристократии. В ситуации 1730 года снова проявился раскол элиты, столь характерный для эпохи Ивана Грозного и времен Смуты²⁷³. В рамках демографически-структурной теории этот раскол объяснялся борьбой различных фракций элиты за ресурсы; раскол элиты позволил самодержавию удержать власть. Вдохновителем опиравшейся на мелкое дворянство монархической партии стал вице-канцлер А. И. Остерман. Монархисты тоже желали конституции, но они хотели получить привилегии и «свободы» не от Верховного Тайного Совета, а из рук императрицы. 25 февраля монархисты подали Анне Иоанновне петицию, в которой требовали уничтожения уже подписанных императрицей «кондиций», и Анна, воспользовавшись растерянностью «верховников», объявила о намерении править самодержавно, как ее предки²⁷⁴.

Спротивление старой знати было подавлено – хотя и не сразу; князя Долгорукие были сосланы, Д. М. Голицын умер в заключении в Шлиссельбургской крепости. В 1732 году двор покинул боярскую Москву и вернулся в Петербург. Для охраны новой власти от недовольных под именем Тайной канцелярии был восстановлен петровский Преображенский приказ – однако Анна старалась избегать казней, предпочитая отправлять противников в ссылку. За десять лет было сослано свыше 20 тысяч чело-

век, причем зачастую ссылали так, что от человека не оставалось никаких следов, меняли сосланным имена и уничтожали записи о месте ссылки²⁷⁵.

Придя к власти, Анна была вынуждена удовлетворить часть требований поддержавшего ее дворянства. Были отменены указ о единонаследии и содержащиеся в этом указе ограничения на продажу поместий; поместья стали именоваться вотчинами – в юридическом отношении эти два типа владений уже не различались. В 1731 году был учрежден Шляхетский кадетский корпус, выпускники которого шли в армию офицерами. В 1738 году срок службы дворян был ограничен 25 годами, и отцы нескольких сыновей получили право удерживать одного из них дома для ведения хозяйства. Были несколько облегчены условия обучения, отныне богатые родители могли обучать своих детей дома – но по окончании обучения дети должны были сдавать экзамены на общих основаниях. Однако Анна предпочла забыть о главном требовании петиции 25 февраля – о выборах членов Сената дворянством²⁷⁶.

Управлявшая страной при Анне придворная «немецкая партия» имела чиновный, бюрократический характер, поэтому она была заинтересована в сохранении этатистского абсолютизма. Для поддержания сильного государства требовалось поддерживать петровскую систему сбора налогов. Однако тот уровень налогов, который был установлен Петром I, отнимал у крестьян все излишки и не позволял дворянам увеличивать ренту. Борьба за ресурсы стала причиной конфликта между дворянством и монархией²⁷⁷.

Важным фактором, который в соответствии с демографической теорией, должен был обострить борьбу за распределение ресурсов, был рост численности дворянства. По оценке Я. Е. Водарского в 1700 году насчитывалось 22-23 тыс. дворян, владеющих поместьями; к 1737 году их число увеличилось примерно до 46 тыс.; число владений возросло с 29 тыс. до 63 тыс. (некоторые помещики имели несколько владений). Между тем, вследствие резкого увеличения налогов и падения уровня жизни, рост населения в указанный период был медленным и существенно уступал численному росту элиты. Эта диспропорция привела к значительному уменьшению среднего размера владений (см. табл. 3.9)

Год	Все владения			Крупные владения (более 25 дворов)			Остальные владения		
	Число владений	Душ в них (тыс.)	Душ на 1 владение	Число владений	Душ в них (тыс.)	Душ на 1 владение	Число владений	Душ в них (тыс.)	Душ на 1 владение
1700	28534	1708	60	2873	915	318	25661	793	31
1737	63097	2599	41	5240	1412	269	57857	1187	21

Табл. 3.9. Размеры владений помещиков в 1700 и 1737 годах²⁷⁸.

Как показывают данные табл. 3.9 владения не более 25 дворов составляли около 90 % всех владений. Средний размер этих владений уменьшил-

ся в 1700-1737 годах в полтора раза, с 31 до 21 души мужского пола (без учета дворовых людей). Таким образом, имело место падение доходов основной массы дворянства. Материалы Герольдмейстерской конторы этого времени содержат многочисленные упоминания о нищих дворянах, которые «скитались меж двор», переходили от монастыря к монастырю в поисках пропитания²⁷⁹.

Естественно, что дворяне пытались компенсировать падение доходов увеличением ренты. Однако уровень совокупной ренты, установившийся после петровских реформ был максимальным для нечерноземных областей – с крестьян нельзя было брать больше, не доводя их до голода. При этом если сравнить с концом XVII века, то нормы барщины и денежного оброка оставалась примерно на том же уровне, что и прежде, однако все излишки прибавочного продукта, остающиеся после выплаты оброка, теперь забирало государство. В таких условиях помещики могли увеличить свою ренту только за счет государственных налогов – и действительно, вплоть до правления Екатерины II снижение налогов было постоянным требованием дворянства; это особенно проявилось в наказах дворянских депутатов в Комиссию 1767 года²⁸⁰.

Правительство Бирона-Остермана не собиралось идти на уступки дворянству и снижать подушную подать. В 1733 году были приняты решительные меры для строгого сбора налогов и недоимок, которые к тому времени достигли 7 млн. рублей. Еще в 1727 году правительство поручило помещикам собирать подушную подать со своих крестьян, одновременно возложив на них ответственность за недоимки. Однако, по свидетельству Б. Х. Миниха, некоторые помещики, собрав налоги, не отдавали их в казну, а тратили на свои нужды²⁸¹. В случае непоступления налога землевладельцев садили под караул, а в деревни посылали «экзекуторские команды», при приближении которых крестьяне в ужасе разбежались и прятались по лесам. Но тем не менее, помещики отказывались платить – и пример подавала высшая знать: 111 «знатных персон» должны были в казну 445 тыс. рублей²⁸². От помещиков поступали в Сенат «страшные жалобы» на разорение крестьян от беспощадного взыскания недоимок – в ответ сенатский указ обвинил владельцев «душ» в том, что они так отягчают крестьян работой, что у них «не только на подати государственные, но и на свое годовое пропитание хлеба добыть... времени не достает»²⁸³. Обер-прокурор Сената А. С. Маслов выступил с проектом ограничения помещичьих оброчков и барщин, но императрица Анна наложила резолюцию: «Обождать»²⁸⁴.

Другой сферой борьбы за ресурсы были косвенные налоги. В 1731 году была восстановлена соляная пошлина, которая стала давать 600-800 тыс. рублей ежегодного дохода. Однако появились проблемы с винными откупам. В 1730-х годах значительно расширилось дворянское винокурение; хотя дворяне могли курить вино лишь для собственного употребления, они нелегально продавали его и тем самым отнимали у государства часть доходов от пошлины. В 1741 фактический глава кабинета барон Остерман предложил резко расширить казенное производство вина за счет сокраще-

ния подпольного винокурения. Остерман утверждал, что дворяне выкуривают больше половины из производимых в стране 4 млн. ведер вина²⁸⁵. Проект Остермана не был принят, но его появление, как и появление проекта Маслова, свидетельствовали о нарастающем конфликте между дворянством и монархией.

Таким образом, анализ событий периода правления императрицы Анны с точки зрения демографически-структурной теории показывает, что это было время ожесточенной борьбы за ресурсы между абсолютной монархией и элитой. Причинами этой борьбы был рост численности элиты и то обстоятельство, что перераспределение ресурсов в пользу государства в ходе петровской трансформации структуры лишило возможности элиту увеличивать ренту крестьян. Обстоятельства этой борьбы свидетельствуют о том, что у крестьян отнимали максимум возможного. Столь интенсивный нажим на крестьянство должен был вызвать неминуемые демографические последствия.

3.4.3. Сжатие в Центральном районе

Перераспределение ресурсов в пользу государства в ходе петровской трансформации структуры довело государственные налоги с крестьян до максимального уровня, резко сократив экологическую нишу народа. Подушная подать не учитывала размеры крестьянских наделов, и в наиболее густонаселенных и малоземельных районах доходы крестьян не могли обеспечить уплату подати. Особенно тяжелое положение сложилось в Московской губернии. «В Московской губернии... от худой и выпаханной земли никогда хлеб не родится, – писал управляющий дворцовыми волостями барон Розен, – а в иных местах, хотя и родится, токмо за тесным разселением той земли надлежащим их участков довольно не достает, и оттого приходят в нищету...»²⁸⁶ Тяжелое положение отмечалось и в других районах Центра, в частности, на Белоозере, где, по расчетам Л. С. Прокофьевой, уровень потребления был ниже минимального²⁸⁷. По расчетам М. Ф. Прохорова и А. А. Федулina средняя величина надела в Центральном районе не обеспечивала пропитания семьи, и «в середине XVIII века вопрос о малоземелье крепостных... приобретает острый характер»²⁸⁸. «Вопрос о земле у крестьян Центрально-промышленного района в то время стоял очень остро, – отмечает П. К. Алефиренко, – и часть из них в поисках земли бежала в малоосвоенные уезды Поволжья или Земледельческого района»²⁸⁹. Неурожай 1733 года вызвал большой голод и массовое бегство крестьян; в 1732-1735 годах из дворцовых сел Московской губернии бежала почти десятая часть населения. Правительство снова прибегло к описям хлебных запасов, конфискациям излишков и раздачам зерна нуждающимся. В 1734 году был издан указ, по которому помещики и приказчики в годы голода должны были кормить своих крестьян и снабжать их посевным зерном. В 1742-1743 годах снова пришел большой голод. Дворцовое ведомство пыталось решить проблему, переселяя крестьян в Воронежскую губернию, в 1745 году было переселено 14 тыс. человек. Тем не менее, земли не хватало;

менее, земли не хватало; седьмая часть дворянских крестьян Подмосковья не имела ни лошадей, ни коров²⁹⁰. В крестьянских хозяйствах не было запасов зерна, поэтому в неурожайные годы цены резко возрастали, описываемые колебания с периодом около 10 лет – так называемые циклы Жуглара²⁹¹.

Перенаселение Центрального региона в этот период было в основном относительным, оно было вызвано увеличением налогов – при прежних налогах крестьяне еще могли как-то жить, хотя их наделы постепенно уменьшались. Однако в пределах Центрального района имелись и такие местности, где надел не мог кормить крестьянина ни при каких налоговых условиях. В. Н. Татищев полагал, что минимальный надел, обеспечивавший существование крестьянской семьи, был равен 1 десятина на душу; И. Д. Ковальченко оценивал размеры такого надела в 1-1,2 десятины на душу²⁹². Действительно, при средней продуктивности в 15 пудов с десятины пашни надел в 1-1,2 десятины давал чистый сбор в 15-18 пудов – ту самую норму потребления, о которой говорилось выше. Между тем, материалы дворянского хозяйства свидетельствуют, что в Хатунской, Селинской и Гжельской волостях Московской губернии в 1730-40-х годах на душу приходилось лишь 0,5-0,9 десятин²⁹³. Таким образом, в отдельных уездах Центра уже проявлялось абсолютное перенаселение.

Регулярно повторяющиеся голодовки, а также массовое бегство привели к тому, что население Владимирской, Ярославской и Нижегородской губерний в 1719-1744 годах уменьшилось, а население Центрального района в целом осталось на прежнем уровне (4,5 млн.). Нехватка земли, голод, остановка роста населения – это были свидетельства наступившего *Сжатия*, и очевидно, что Сжатие было ускорено повышением налогов при Петре I. Если в прежние времена крестьянин-бедняк еще мог как-то прокормиться на душевом наделе в 1 десятину, то петровские налоги обрекали его на голод. Центральный регион оказался перед угрозой демографической катастрофы – и, в соответствии с теорией, ответом общества стала стихийная перестройка хозяйственной системы, постепенная переориентация региона на развитие промыслов. «Петр Великий наложением подати принудил крестьян стараться другими ремеслами приобретать себе на пропитание и на уплату податей...» – писал князь М. Щербатов²⁹⁴.

Нехватка земли привела к массовому переводу крестьян на оброк. «В тех местах, где довольно земли, сходнее держать их на пашне, – писал известный экономист и агроном П. И. Рычков, – но в таких местах, где недостаток есть в землях... оброчное содержание крестьян необходимо»²⁹⁵. Известно, что в первой половине XIX века имения, где крестьянский надел на душу был меньше 0,8 десятины, как правило, были оброчными, так как эксплуатация столь скудных крестьян на барщине была практически невозможна²⁹⁶. Действительно, с конца 40-х годов XVIII века Главная дворцовая канцелярия постепенно ликвидирует барщинное хозяйство и переводит крестьян на денежный оброк; барщинные земли при этом передаются крестьянам, что несколько улучшает их положение²⁹⁷. Помещики Цен-

трального района также переводят крестьян на оброк; если в петровские времена основная часть крестьян была на барщине, то к 1780-м годам 62% крестьян шести губерний района находились на оброке²⁹⁸.

Переход на денежный оброк дал возможность крестьянам заниматься ремеслами. По некоторым подсчетам, к 1760-м годам около двух третей крестьянского населения Московского уезда наряду с сельским хозяйством, занималось домашними промыслами. Крестьяне стали конкурентами посадских ремесленников и купцов-мануфактуристов, которым традиционно принадлежало исключительное право заниматься торговлей и ремеслами; помещичьим крестьянам разрешалось торговать лишь съестными припасами с возов. В конечном счете, ряд указов, изданных в начале правления Екатерины II, дозволил крестьянам свободно заниматься ремесленной и промышленной деятельностью²⁹⁹.

Таким образом, в соответствии с демографически-структурной теорией, перераспределение ресурсов в пользу государства в ходе петровской трансформации структуры вызвало *сокращение экологической ниши населения и преждевременное Сжатие в Центральном районе*. Как и предсказывает теория, Сжатие вызвало массовое развитие ремесел и торговли.

3.4.4. Колонизация Черноземья. «Две России»

Крестьяне промысловых сел Центра питались покупным хлебом, привозимым из черноземных областей; таким образом, начала оформляться промышленная специализация Центрального региона и все ярче проявлялась роль Черноземья как житницы России. Как отмечал П. Б. Струве, с этого времени появились «две России», различавшиеся в хозяйственном отношении³⁰⁰ – старый волго-окский центр Московского царства и новая колонизируемая Россия – Черноземье.

Мы употребляем традиционное понятие «Центральный район» для обозначения семи центральных губерний, Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Тверской и Калужской. Этот район позже, с развитием промышленности, стали называть также «Центрально-промышленным», чтобы отличать его от «Центрально-черноземного района», включающего Тульскую, Рязанскую, Курскую, Орловскую, Воронежскую, Тамбовскую и Пензенскую губернии. В XVIII веке, однако, перечисленные черноземные губернии еще не составляли центра Российского государства, а располагались вблизи южной границы – поэтому мы будем называть эти семь губерний просто «Черноземным районом» или, кратко, «Черноземьем». Поскольку статистические данные часто относятся не ко всему Черноземному региону, а к шести его губерниям (без Пензенской) или к четырем губерниям (без Пензенской, Воронежской и Курской) то мы будем иногда говорить также о шести или о четырех губерниях Черноземья.

Процесс колонизации черноземных областей был важнейшим процессом, определявшим экономическую жизнь России XVIII века. В период с 1678 по 1719 год население четырех черноземных губерний увеличилось с

0,8 до 2,1 млн. человек – в основном за счет переселенцев и беглецов из Центрального региона³⁰¹. Население изобильного Черноземья росло гораздо быстрее, чем население обделенного почвами и климатом, и к тому же перенаселенного Центра, и к концу столетия Черноземный регион обогнал Центральный по численности населения (рис. 3.2).

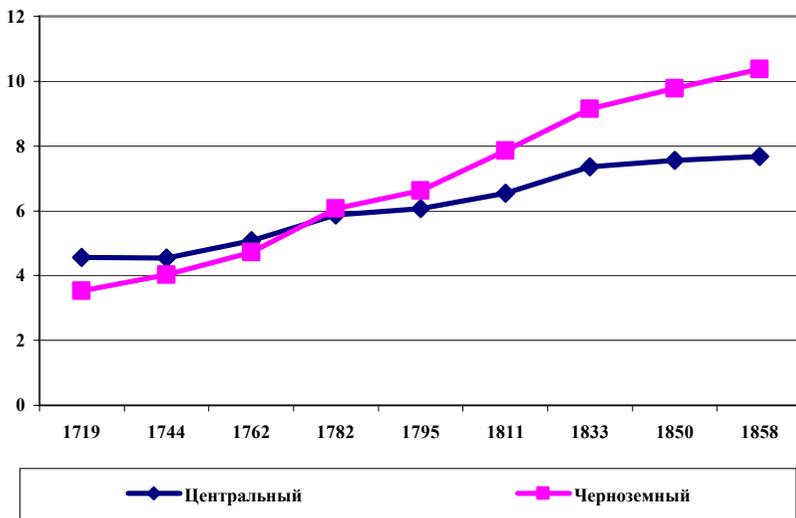

Рис. 3.2. Рост численности населения Центрального и Черноземного регионов (млн.)³⁰².

Южные помещики из числа высшей знати владели обширными пространствами незаселенных земель – и, чтобы привлечь на них поселенцев, они предоставляли им льготы и укрывали беглых. Посошков писал, что у знатных землевладельцев на Юге населены беглыми крестьянами «целые села великие». Князь А. Д. Меншиков в своих трех огромных вотчинах требовал с крестьян лишь небольшой оброк: в переводе на хлеб около 2-3 пудов с души³⁰³. На юге Черноземья, в Воронежской и Курской губерниях такой уровень оброков сохранялся и в 60-х годах. Крестьяне здесь имели большие наделы, около 2,5 десятин пашни на душу³⁰⁴. «Великое число земель и легкая работа дают способ земледельцам великое число земли запахивать, – писал князь М. Щербатов, – так что во многих местах они четверть жатвы своей отдают приходящим из Московской губернии за то, что помогают хлеб их убирать»³⁰⁵. О найме работников «немалой платой» говорят и ответы на Сенатскую анкету 1767 года из Тамбовской губернии³⁰⁶.

Большой интерес представляют данные о потреблении помещичьих крестьян, полученные М. Ф. Прохоровым и А. А. Федулиным на основе анализа подворных описей 138 имений (32 тыс. крестьян). Эти данные относятся к середине XVIII века и наиболее представительны для Централь-

ного района (58 имений) и Черноземного района (50 имений). Авторы берут в качестве нормы потребления с учетом расходов на корм скоту 3 четверти зерна на душу в год, и получают, что у крестьян Центрального района не хватало до нормы 3/8 четверти зерна, а у крестьян Черноземья был излишек в 1/8 четверти. Данные о количестве скота также указывают на то, что крестьяне Черноземья жили много лучше, чем крестьяне Центра, в частности, на одного взрослого работника-мужчину на Черноземье приходилось 1,6 лошади, а в Центре – 1,3 лошади³⁰⁷.

Необходимо отметить, что эти данные относятся только к помещичьим крестьянам – положение государственных крестьян на Черноземье было лучше, чем положение крепостных. Около половины населения южных губерний составляли однодворцы, которые прежде несли пограничную службу в драгунских полках, затем в ландмилиции, а после ее расформирования (в 1780-х годах) превратились в государственных крестьян. Топографическое описание Курской губернии 1784 года говорит, что средний двор государственных крестьян имел 5 лошадей, 5 коров и чистый сбор в 300 пудов хлеба – в 3-4 раза больше, чем нужно для потребления. По ответам на анкету Вольного экономического общества 1765 года в Острожском уезде Воронежской губернии у средних крестьян было 5-15 коров, а у зажиточных – 15-50 коров (для сравнения: во Владимирской губернии на двор приходилась в среднем 1 лошадь и 1 корова)³⁰⁸.

О жизни тех времен повествуют рассказы стариков, записанные священником из села Ольшаницы (Орловская губ.) в 1850 году: «Старики со слезами вспоминают золотой век, когда предки их жили без нужды и без горя. Денег было мало, и они были почти не нужны. Продавая за 3 алтына меру пшеницы за 300 или 400 верст, они клали алтыны в горшки. Из алтынов составлялись у них сотни рублей. Кто имел 100 рублей, считался богатыем беспримерным. «Не наживи, – говаривали, – 100 рублей, а имей 100 друзей». Пчеловодство, множество хлеба и скота позволяли варить для себя мед, пиво, водку и делали стариков роскошными без всякого ущерба для их состояния. “Поглядел бы, – говорили они, – на тогдашние праздники. То-то ли бы было! Бывало, выставляют на стол меду кисейного, пресного, перегонного, пива, а вина-то – хоть залейся!”³⁰⁹

Высокий уровень жизни на Черноземье объяснялся сравнительно высокой урожайностью и легкостью обработки почв. Попытаемся приблизительно оценить продуктивность десятины черноземных полей. Во второй половине XVIII века высев ржи составлял около 10 пудов на десятину, высев овса – около 12 пудов. Урожайность в середине столетия составляла сам-4,6 для ржи и сам-4,2 для овса³¹⁰, и в среднем десятина давала примерно 25 пудов чистого сбора (а в нечерноземных областях – 15 пудов). Без привлечения наемной силы крестьянин мог обработать (и обрабатывал в XIX веке) 2,2-2,5 десятины черноземной пашни на душу населения³¹¹. Следовательно, на одного крестьянина (крестьянку), при условии полной отдачи сил приходилось 55-62 пуда! Крестьянину же было вполне достаточно 20-25 пудов, и ему было некуда девать такое количество зерна: ведь

везти приходилось за 300-400 верст. Таким образом, становится понятной «Легенда о Золотом веке», ходившая среди крестьян Черноземья – а также и то, что в действительности, как показал Л. В. Милов, крестьяне в те времена не обрабатывали полностью своих больших наделов³¹²: это было просто ненужно. Становится понятным также и то, какую огромную выгоду могла принести помещикам организация товарного производства зерна на Черноземье – если в центральных областях максимальная рента составляла 7-9 пудов с души, то в черноземных областях она могла составлять 15, 20 и более пудов!

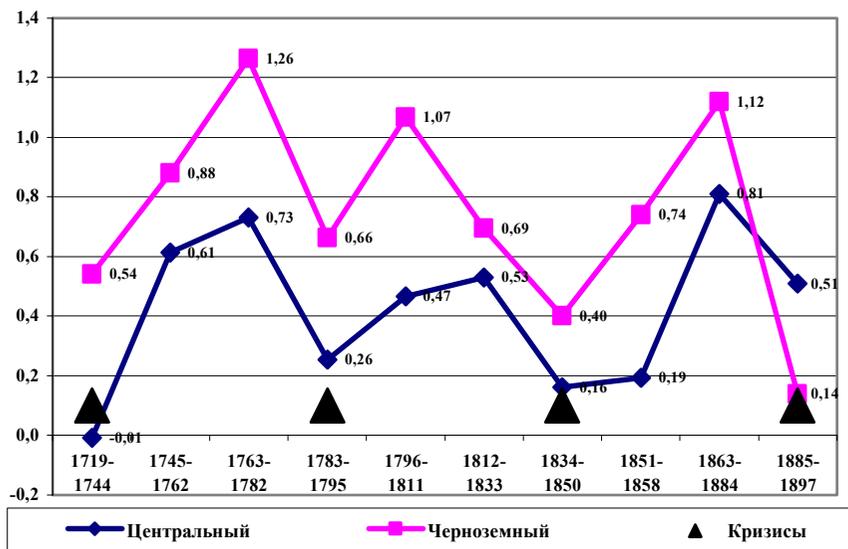

Рис. 3.3. Темпы роста населения по регионам (%)³¹³.

«Легенда о Золотом веке» повествует о патриархальных временах, когда на юге еще не было товарного производства хлеба и барщинных латифундий. В 20-е годы XVIII века общий объем хлебной торговли оценивался лишь в 2,5 млн. пудов³¹⁴ – это было до начала промышленной специализации Центра, когда промысловые села стали кормиться хлебом Черноземья. В 30-е годы поставки с юга возросли; они осуществлялись гужевым транспортом из ближайших к Центру тульских и рязанских черноземных районов, а также водным путем: в 1737 году в Москву было доставлено 1 млн. пудов зерна из Орловской губернии³¹⁵. По некоторым оценкам в 30-х годах общая масса товарного хлеба (с учетом винокурения) достигла 10 млн. пудов³¹⁶. Как отмечают И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов, в 1740-1750-х годах происходит формирование Московско-Черноземного регионального хлебного рынка и товарный оборот хлеба стремительно растет. В 1780-х годах реализация товарного хлеба лишь по двум черноземным гу-

берниям, Орловской и Курской, оценивается в 24 млн. пуд.³¹⁷. Очевидно, именно поставками с Юга объясняется наблюдавшееся в это время падение цен на рожь в Центральном районе: эти цены уменьшились со 110 коп за четверть в среднем в 1741-1750 годах до 87 коп. в 1751-1760 годах³¹⁸.

Налаживание хлебного снабжения способствовало выходу центральных областей из состояния Сжатия, в котором они находились на протяжении 1720-1730-х годов. Вероятно, некоторую роль сыграло и отмечавшееся в это время увеличение урожайности (см. табл. 3.7). В 1740-1750-х годах население Центра снова стало расти (рис. 3.3), хотя темпы роста были меньше чем на Юге. Антропометрические данные говорят о некотором увеличении роста рекрутов, родившихся в 1740-х годах – то есть об увеличении потребления³¹⁹.

Возвращаясь к анализу социально-экономического развития в 1720-1740-е годы с точки зрения демографически-структурной теории, нужно отметить, что многие, наблюдающиеся в это время явления подпадают под определение ситуации перед брейкдауном. Действительно, мы наблюдаем малоземелье в Центральном регионе, прекращение роста населения, голод и нищету, тяжелое положение элиты, ее раскол и фрагментацию, ожесточенную борьбу элиты с государством за ресурсы.

Исходя из теории, можно сделать вывод, что следствием этой ситуации мог быть полномасштабный кризис, подобный тому, который произошел в правление Ивана Грозного – более того, что кризис уже начался в 1724-1726 годах. Однако дальнейшее развитие кризиса было предотвращено расширением экологической ниши – колонизацией Черноземья и поставкой хлеба этого региона в центральные губернии (мы вернемся к этому вопросу ниже). Такое развитие событий стало возможным благодаря строительству оборонительных линий на юге и общему усилению военной мощи России – то есть благодаря «военной революции» и мобилизации ресурсов на военные цели. Вторжение русской армии в Крым в 1735-1739 годах нанесло решающий удар крымским татарам и практически лишило их возможности производить набеги на южные области России. Таким образом, с одной стороны, перераспределение ресурсов в пользу государства приблизило Сжатие в центральных районах, с другой стороны, оно обеспечило колонизацию Черноземья и предотвратило перерастание Сжатия в экосоциальный кризис.

3.4.5. Отступление государства

Как отмечалось выше, правление Анны Иоанновны было отмечено ожесточенной борьбой государства и элиты за перераспределение ресурсов. В конечном счете, государство потерпело поражение в этой борьбе. Смерть императрицы Анны вызвала династический кризис и ослабление монархии; в этой обстановке дворцовый переворот 1741 года завершился падением бюрократической «немецкой» партии. Бирон, Остерман и Миних были сосланы в Сибирь. Пришедшая к власти в результате переворота императрица Елизавета Петровна чувствовала себя неуверенно, и ей при-

шлось пойти на уступки дворянству. Сбор податей стал не таким строгим, и помещиков уже не держали под караулом. Вступление императрицы на престол стало поводом для уменьшения в 1742 и 1743 годах подушной подати на 10 копеек. Подать постоянно собиралась с недоимками, которые в 50-х годах составляли 7-14% душевого оклада. Эти недоимки время от времени списывались, в 1752 году были прощены недоимки за 1724-1746 годы на сумму 2,5 млн. руб.³²⁰

Фактическим главой правительства императрицы Елизаветы был граф П. И. Шувалов; он проводил линию на частичную замену подушной подати косвенными налогами – прежде всего, пошлинами на соль и вино. В 1750 году цена соли была увеличена с 21 до 35 коп., а в 1756 году – до 50 коп., и затраты на покупку соли в расчете на ревизскую душу возросли с 12 до 18 коп. в 1750 году и до 32 коп. в 1756 году. За счет этих доходов подушная подать была немного уменьшена; в 1750-х годах она составляла 62-67 коп. в год – таким образом, по своей обременительности для крестьян покупка соли составляла половину от подушной подати. Цены на вино в правление Елизаветы увеличились вдвое, и, в целом, к 1758 году косвенные налоги превзошли по своим размерам прямые. Даже когда началась Семилетняя война, Елизавета Петровна не осмелилась увеличить прямые налоги; война финансировалась за счет дальнейшего повышения цен на вино и соль – но главным образом за счет огромной эмиссии медных денег. В 1757-1762 годах было начеканено медных денег на 15 млн. рублей; это вызвало инфляцию, и в следующие пять лет, в правление Екатерины II, цена на хлеб возросла в 2 раза³²¹.

Другой уступкой дворянству стало поощрение дворянского винокурения. В начале 1720-х годов у дворян было лишь 40 маленьких винокуренных заводов, а в 1753 году – 280 заводов, и среди них встречались значительные предприятия. Винокурением занималась в том числе и высшая знать: граф П. М. Апраксин, граф С. А. Салтыков, граф П. И. Шувалов. Формально дворяне производили хлебное вино по подрядам казны, но на деле сбывали часть продукции на сторону, что приносило им огромные доходы. В 1754 году было подсчитано, что на дворянских и купеческих заводах выкуривается 4 млн. ведер, а из казны продается не более 2 млн. ведер; при этом Сенат совершенно резонно считал, что оставшееся вино продается тайно. Однако результат обсуждения был парадоксальным: правительство запретило купцам заниматься винокурением, и эта самая выгодная отрасль предпринимательства стала монополией дворян³²².

Еще одним каналом перераспределения средств в пользу дворянства стала основанная в 1750-х годах по инициативе Шувалова сеть банков: Государственный заемный банк, Медный банк, Артиллерийский банк. Идея создания таких банков состояла в том, чтобы помочь дворянству расплатиться со своими долгами: к тому времени в залоге у ростовщиков находилось около 100 тыс. дворянских имений. Однако деятельность банков ограничилась предоставлением огромных ссуд сравнительно немногочисленным представителям высшей аристократии; вельможи не собирались

отдавать свои долги, и, таким образом, капитал банков был практически расхищен. В 1763 году Медный и Артиллерийский банки были ликвидированы, их деятельность обошлась казне в 3,2 млн. руб., по большей части присвоенных дворянами³²³.

Главным средством получения денег для удовлетворения потребностей дворянства было увеличение оброков и барщины. При восшествии на престол Елизавета отказалась принимать присягу у помещичьих крестьян; присягу за крестьян приносили их помещики – это говорило о том, что правительство отныне считает крепостных подданными помещиков и намерено свести к минимуму свое вмешательство в их отношения. Другим свидетельством ухудшающегося положения крестьян было нарушение принципа фиксации ренты. Как отмечалось выше, в XVII веке денежная рента оставалась практически постоянной и составляла около 25 коп. с души. При Петре I принцип фиксированной ренты сохранял свое действие, о чем говорят, в частности, данные об оброках в поместьях князя Меншикова, расположенных в восьми центральных уездах. По нашим подсчетам, в 1727 году в этих поместьях числилось 20876 душ мужского пола, с которых полагалось 10560 руб. оброка – то есть в среднем 25 коп. с души обоюбого пола³²⁴. Для 30-40-х годов имеющиеся данные сравнительно немногочисленны, но, тем не менее, весьма показательны: данные 1742 года говорят о росте ренты примерно до 40 коп. К концу правления Елизаветы оброк крестьян на суждальщине и ярославщине достигал 67 коп. с души или 5,9 пуда в пересчете на хлеб (см. табл. 3.8). Оброк с государственных крестьян, составлявший со времен Петра 40 коп. с души мужского пола, в 1745 году был увеличен до 55 коп. Оброк с дворцовых крестьян, формально также равнявшийся 40 коп., в 1743-1750 годах составлял в среднем 67 коп. В 1755 году дворцовый оброк вырос до 1 руб. с души мужского пола, а в 1762 году – до 1 руб. 25 коп. Поскольку оброк дворцовых и государственных крестьян всегда рассматривался как эквивалент тех оброков, которые платят своим хозяевам помещичьи крестьяне, то его рост был отражением роста ренты в помещичьих хозяйствах. В 1761 году оброк государственных крестьян был увечен до 1 руб., и в указе особо отмечалось, что почти все помещичьи крестьяне уже давно платят такой оброк своим владельцам³²⁵. В отношении барщины у нас не имеется статистических данных, но характерно, что в это время появляются помещичьи инструкции, вводящие невиданные ранее нормы отработок – до 1 десятины в пересчете на душу³²⁶.

Таким образом, в период правления императрицы Елизаветы элита одержала первые (в XVIII веке) победы в борьбе за распределение ресурсов в структуре «государство-элита-народ». Государство было вынуждено уступить дворянству (на первых порах небольшую) часть прямых и косвенных налогов. Одновременно дворянство сломало старый принцип фиксированности крестьянской ренты и приступило к увеличению крестьянских повинностей.

3.5. Период дворянской монархии

3.5.1. Падение элитарной монархии

Как отмечалось выше, в рамках демографически-структурной теории наступление дворянства объясняется увеличением его численности и, соответственно, уменьшением поместий и относительного уровня потребления. Однако, как и в других случаях, течение исторического процесса объяснялось совместным действием нескольких факторов, и окончательная победа дворянства была обусловлена тем, что демографический фактор действовал совместно с фактором внешних влияний.

После реформ Петра Великого модернизация по образцу Запада, или «вестернизация», стала постоянным фактором российской истории, и в данном случае «вестернизация» явственно проявлялась в характере требований дворянства. Главным требованием дворянства было освобождение от обязательной военной службы, и мотивация этого требования изложена в докладе Комиссии о вольности дворянства, созданной в 1763 году Екатериной II. Если будет подтверждено право дворян служить по своей воле, говорилось в докладе, то «тем уподобится российское дворянство всем просвещенным в Европе государствам»³²⁷.

Таким образом, в основной своей части дворянская программа следовала идее модернизации по европейскому образцу; это была новая волна модернизации, связанная с победами Фридриха Великого.

Реформы «короля-философа» Фридриха II создали из Пруссии образец просвещенной монархии и «регулярного государства», о котором мечтал Петр I. Среди поклонников прусского короля был и наследник русского престола, сын голштинского герцога Карла Фридриха и дочери Петра I Анны, Карл-Петер, которого в России называли «Петром Федоровичем». Став императором Петром III, Карл-Петер заключил союз с Фридрихом II и попытался ввести в России прусские порядки: наладил дисциплину в государственных учреждениях, ввел в армии прусскую форму и прусскую муштру, разрешил вывоз хлеба, ликвидировал Тайную канцелярию и запретил пытки. Немцы вновь заполнили императорский двор, из ссылки вернулись Миних и Бирон. Император конфиденциально советовался с Фридрихом II о возможности введения в России протестантской религии – причем прусский король выражал опасения относительно возможных последствий. Тем не менее, Петр III конфисковал церковные имущества и, в духе свободы вероисповедания, прекратил преследование старообрядцев. 19 февраля 1762 года Петр III подписал «Манифест о вольности дворянства», даровавший русскому дворянству ту привилегию, которой уже давно обладало немецкое дворянство – свободу от обязательной службы³²⁸.

«По существу, своими законодательными актами он совершил революцию в системе социальных отношений России, – пишет А. Б. Каменский, – в борьбе с государством дворянство одержало окончательную победу»³²⁹.

Таким образом, реформа Петра III означала *социальную революцию*. В контексте демографически-структурной теории эта реформа являлась *трансформацией структуры* «государство-элита-народ»: она качественным образом меняла отношения государства и элиты. Элита освобождалась от служебных обязанностей по отношению к государству и приобретала относительную независимость. Освобождение дворянства означало ликвидацию государства, господствовавшего над сословиями и регламентировавшего их положение в своих целях, – то есть ликвидацию этатистской монархии. Новая монархия уже не могла приказывать дворянству: как только Петр III попытался навести дисциплину в дворянской гвардии, он был сразу же свергнут.

Орудием дворянской гвардии на этот раз стала жена Петра III, Екатерина. Немка, воспитанная на произведениях французских философов, она, тем не менее, была вынуждена проводить политику русского дворянства. Посаженная на престол гвардейцами, пишет В. О. Ключевский, «Екатерина чувствовала себя на углях». В разговоре с иностранным послом она сравнивала себя с зайцем, которого поднимают и травят со всех сторон³³⁰. Заговоры следовали один за другим. В 1772 году (после девяти лет правления), узнав об очередном заговоре в гвардии, императрица перепугалась до такой степени, что бежала из столицы в Финляндию, а когда заговорщики были арестованы, не посмела казнить никого из них³³¹.

Роль Екатерины II в значительной мере была сведена к тому, чтобы ублажать дворянство землями, деньгами и привилегиями. При вступлении Екатерины на престол помещикам было роздано 18 тыс. крестьян, а всего за время царствования – более 850 тысяч³³². Манифест о Генеральном межевании 1765 года объявил помещикам, что им «всемиловитейше жалуются и утверждаются» самовольно захваченные ими государственные земли, если они «полнободно только между соседями своими разберутся»³³³. В 1763 году были введены новые административные штаты, предусматривавшие специализацию служащих и резкое увеличение окладов; жалование стали платить и тем служащим, которые прежде питались «от дел». В итоге расходы на содержание администрации в начале правления Екатерины увеличились до 8 млн. руб. (40% расходов бюджета); они продолжали расти и далее, так что к концу правления содержание чиновничества обходилось дороже содержания армии³³⁴. В 1775 году административная реформа была продолжена, было установлено новое административное деление и учреждена губернская администрация с отдельными финансовыми и судебными учреждениями; новые суды были сословными: отныне дворяне имели свой суд с выборными заседателями. Власть на нижнем, уездном уровне была передана в руки дворян, которые получили право выбирать уездного капитана-исправника. «Жалованная грамота дворянству» 1785 года оформила существование дворянских губернских корпораций, органами которых были дворянские собрания, избиравшие губернских и уездных предводителей дворянства, капитан-исправников и судебных заседателей. Статьи 11 и 24 «Жалованной грамоты» запрещали практиковавшие

в рамках поместной системы произвольные конфискации поместий, и устанавливали принцип, по которому дворяне получали право свободного распоряжения своими имениями. Это означало признание частной собственности дворян на землю. Незадолго до этого Екатерина II ввела в российское законодательство сам термин «собственность», сразу же принявший частноправовой характер. Таким образом, *вслед за освобождением дворян от службы была юридически оформлена приватизация дворянских имений, земли которых при существовании поместной системы считались государственными*. Сравнивая «Жалованную грамоту» с дворянской политической программой времен Елизаветы, можно сделать вывод, что к 1785 году все основные требования дворянства были удовлетворены Екатериной II и Петром III³³⁵.

Таким образом, в результате трансформации структуры, совершившейся в 1760-х годах, дворянство в значительной мере подчинило себе государственную власть. Как отмечалось выше, одной из причин этого конфликта был демографический дисбаланс, повлекший за собой оскудение дворянства, – та же причина, что толкала дворянство к «рокошам» 1640-х годов. Этот дисбаланс продолжал ухудшаться и далее, по данным В. М. Кабузана удельный вес дворянства в населении страны постоянно рос; в 1744 году он составлял на территориях, вошедших в первую ревизию, 0,50%, в 1762 году – 0,59%, в 1795 году – 0,68%³³⁶. Число крепостных крестьян, приходившихся на одного дворянина, постоянно уменьшалось, а число обедневших дворян – росло, что подталкивало их к попыткам увеличить ренту.

Но помимо демографического фактора, действовал и диффузионный фактор, проявлявшийся в подражании русского дворянства европейским, и в частности, немецким, порядкам. Пруссия и Австрия в этот период были странами, где дворянство формально было свободно от служебной повинности, где оно обладало собственностью на свои земли, где господствовало крепостное право и барщинная система. Очевидно, некоторую роль сыграл и случайный фактор, проявившийся в династических кризисах, наступивших после смерти Петра Великого, а затем – после смерти императрицы Анны. Династический кризис способствовал ослаблению самодержавия, и, в конечном счете, этот кризис привел на русский престол немецкого принца Карла-Петера, стремившегося ввести в России порядки Пруссии Фридриха Великого.

3.5.2. Перераспределение ресурсов в пользу элиты

Трансформация структуры означала радикальное перераспределение ресурсов в пользу дворянства. Государство было вынуждено поступиться в пользу дворянства значительной частью ренты, которую оно собирало с помещичьих крестьян в виде подушного налога. Как отмечалось выше, огромная эмиссия медных денег во время Семилетней войны вызвала инфляцию и двойной рост цен. Соответственно, реальная величина подушной подати уменьшилась в два раза, и государственный бюджет понес

большие потери. Однако Екатерина не осмелилась увеличить подать, чтобы компенсировать потери – в результате государственная доля ренты с крестьян сократилась, и это дало возможность помещикам увеличить свою долю – произошло то, чего давно добивались помещики (см. рис. 3.7). Но инфляция продолжалась и далее, к 1794 году подушная подать уменьшилась по сравнению с 1750-ми годами более чем в четыре раза. Государственные доходы с крепостных крестьян были отданы помещикам. График на рис. 3.7 иллюстрирует этот кардинальный результат совершившейся социальной революции: до 50-х годов кривые государственной и частной ренты с крепостных крестьян идут параллельно, но затем они расходятся: государственная рента убывает, а помещичья растет, поглощая те ресурсы, которые раньше принадлежали государству.

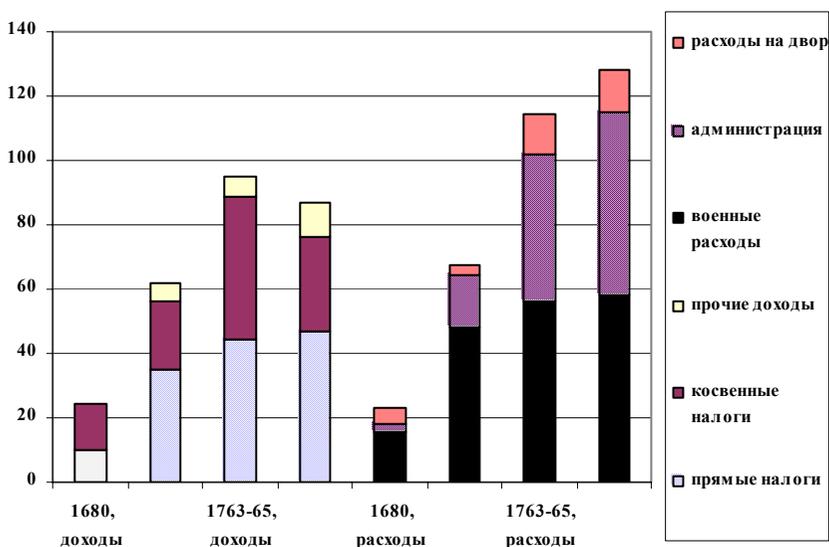

Рис. 3.4. Доходы и расходы государственного бюджета в 1680-1794 годах (в пересчете на хлеб, млн. пуд.)³³⁷

Таким же образом обстояло дело и в сфере косвенных налогов. Сразу же после захвата власти Екатерина в демагогических целях понизила цену на соль с 50 до 40 коп.; после восстания Пугачева последовало новое понижение – до 35 коп. В условиях инфляции это привело к тому, что продажа соли стала убыточной, то есть соляная пошлина прекратила существование, и деньги, которые крестьяне платили за соль, достались помещикам.

Правительство пыталось компенсировать свои потери дальнейшим повышением пошлины на вино, но столкнулось с огромным ростом нелегальной «корчемной» торговли³³⁸. Поскольку вино корчемникам продавали

дворяне, то Екатерина не осмеливалась принимать решительные меры к искоренению нелегальной торговли; в результате, несмотря на рост населения, доход от винных откупов в 1791-1794 годах сократился по сравнению с 1750-ми годами в полтора раза³³⁹.

Более того, вслед за ликвидацией хлебной монополии при Петре III в правление Екатерины II были уничтожены почти все оставшиеся торговые и промышленные монополии государства. Доходы от этих монополий были переданы в частные руки – то есть в значительной степени в руки дворянства³⁴⁰.

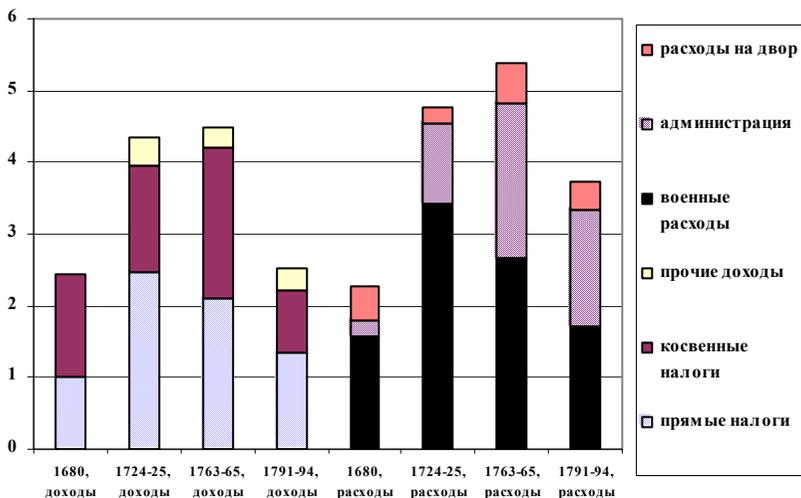

Рис. 3.5. Доходы и расходы бюджета в расчете на душу населения (в пудах хлеба).

Символом бессилия Екатерины II была ее финансовая политика. Не смея компенсировать потери от инфляции повышением налогов, Екатерина покрывала огромный дефицит бюджета печатанием бумажных денег, ассигнаций. Естественно, это вызвало огромный рост цен – за время правления Екатерины цены возросли в три раза. Рост цен обесценивал реальные доходы бюджета, и правительство восполняло недостаток печатанием новых ассигнаций – это был порочный круг, который удалось разорвать лишь Николаю I.

Таким образом, Екатерина II отдала дворянству власть на местах и большую часть государственных доходов. По существу, это был демонтаж некогда могущественной государственной машины, созданной Петром Великим, *демонтаж механизмов этатистской монархии*. В хлебном исчислении доходы государства в расчете на душу населения уменьшились вдвое, и в целом, несмотря на то, что население возросло в 1,7 раза, доходы в конце правления Екатерины были меньше, чем в его

ды в конце правления Екатерины были меньше, чем в его начале! Сокращение доходов притом, что все большая часть их уходила на двор и чиновников, должно было привести к сокращению расходов на армию. Диаграмма на рис. 3.5 наглядно показывает, как в послепетровские времена вместе с прямыми налогами уменьшались душевые расходы на армию. При Петре I численность армии составляла 1,56% от численности населения, при Екатерине II этот показатель снизился до 0,83% – в то время как в Австрии он составлял 1,04%, а в военизированной Пруссии – 3,45%³⁴¹.

Однако дело было не только в относительном уменьшении армии, но и в ее разложении. Коррупция стала еще одним способом перераспределения доходов в пользу элиты. Екатерина не смела контролировать своих генералов и полковников, и, пользуясь этим, они присваивали деньги, отпускаемые на содержание полков. «Несколько полковников признались мне, что каждый год получают от трех до четырех тысяч рублей со своих полков», – свидетельствует французский посол Сегюр. Князь Цицианов, приняв полк от своего предшественника, писал, что довольствие расхищается и не доходит до солдат, что «ротные командиры избалованы и считают роту за деревню»³⁴². Расхищали и самих солдат: полковники отправляли рекрутов в свои деревни, и они навсегда исчезали из армии. Князь Г. А. Потемкин присвоил себе целый рекрутский набор; по словам канцлера А. А. Безбородко, в 1795 году было 50 тысяч «растасканных» солдат³⁴³. При проверках на смотр выводили не более половины от списочного состава полков, три четверти офицеров числились на бумаге. Среди знати распространилась практика, когда в полки записывали малолетних детей, и, подрастая, они «выслуживали» очередные офицерские чины. В армии было много 20-22 летних полковников и даже генералов, в то же время заслуженные офицеры не получали повышения³⁴⁴. Наивысшей степени разложение достигло в гвардейских частях, где числилось 20 тысяч мнимых сержантов и унтер-офицеров, а офицеры годами не показывались в полках. «Гвардия – позор и бич русской армии», – писал граф Ланжерон³⁴⁵.

Подобное разложение отмечалось и в среде чиновничества. «Судии во всяких делах стали стараться... лихоимственно продавая правосудие, получить себе прибыток», – свидетельствует князь М. Щербатов³⁴⁶. «В 20 последних лет предыдущего царствования всевозможные части управления пришли в упадок... – докладывал в 1797 году прусский посол генерал Гребен. – Чиновники, без всякого исключения, проводили дни в попойках и игре... Отсюда проистекало взяточничество в обширных размерах... отсюда же проистекали бесчисленные злоупотребления...»³⁴⁷ «Внутри страны происходят ужасы, – писал Ф. В. Растопчин. – Никогда еще преступления не были так наглы, как ныне. Безнаказанность и дерзость дошли до крайнего порядка. Один Рибас ворует более 500 тысяч рублей в год»³⁴⁸. Пушкин подытожил это разложение одной фразой: «Развратная государыня развратила свое государство».

Таким образом, трансформация структуры, произошедшая в 1760-х годах, привела к радикальному перераспределению доходов в пользу дво-

рянства и в ущерб государству, к ослаблению государства и разложению государственного аппарата.

3.5.3. Динамика народа: отягощение крепостничества

Суть трансформации структуры 1760-х годов заключалась не только в «освобождении» дворян и перераспределении доходов – ее обратной стороной было отягощение крепостного состояния крестьян. По словам И. Д. Беляева, манифест 1762 года «окончательно порешил судьбу крестьян и обратил их в полную исключительную собственность помещиков»³⁴⁹. В. О. Ключевский также говорит о том, что крестьяне стали «частной собственностью помещика», а помещики превратились в «рабовладельцев»³⁵⁰. Обессилевшая монархия уже не могла регулировать отношения между сословиями и защищать крестьян от притязаний помещиков. В 1765 году Екатерина II предоставила помещикам право без суда и следствия отправлять своих крестьян на каторгу, то есть применять наказание, которое давалось только за самые тяжкие уголовные и государственные преступления. В 1767 году крестьянам было запрещено жаловаться на помещиков, и попытки обращения за справедливостью стали квалифицироваться как преступления.

Иногда утверждается, что крестьяне и раньше не имели права жаловаться на помещиков, что этот запрет был введен еще Уложением 1649 года³⁵¹. Однако это не так. Уложение (II,13) запрещает принимать «изветы» т. е. доносы крестьян на владельцев, исключая случаи государственных преступлений. Но «челобитная», т.е. жалоба не была «изветом», и до Екатерины II такие челобитные принимались, хотя часто не имели хода в низших инстанциях. Со времен Петра указы запрещали подачу жалоб государю в обход инстанций. Указ 19 января 1765 года назначал уголовные наказания за подачу прошений на Высочайшее имя. Указ 22 августа 1767 года запрещал подачу крестьянских челобитных не только императрице, но и в другие инстанции. Составителям и подателям челобитных грозило наказание кнутом и бессрочная ссылка на каторгу в Нерчинск с зачетом помещику рекрута³⁵².

Помещики прямо называли своих крестьян рабами – и сама Екатерина называла их рабами в Наказе Уложенной комиссии³⁵³. Когда известный поэт А. П. Сумароков стал возражать, утверждая, что «между крепостным и невольником есть разность: один привязан к земле, а другой – к помещику», Екатерина воскликнула: «Как это сказать можно, отверзните очи!»³⁵⁴ Однако желание «прилично выглядеть» перед Европой побудило императрицу в 1786 году запретить использовать слово «раб» по отношению к своим подданным – хотя в секретных документах и частных беседах императоры часто называли крестьян рабами³⁵⁵. Ввиду цензурных требований русские историки были вынуждены избегать упоминаний о рабстве и называли помещичьих крестьян «крепостными». Приглашенный преподавать в Харьков немецкий профессор Шад осмелился написать (на латинском языке) книгу, в которой клеймил рабство – и был немедленно выслан из России³⁵⁶. Академик А. К. Шторх, в начале XIX века упорно доказывавший тождество «крепостных» и рабов, так и не смог опубликовать своих работ на русском языке³⁵⁷. Впоследствии на тождество «крепостных» и рабов указывали некоторые либеральные историки, в том числе П. Б.

Струве³⁵⁸. Однако В. И. Ленин заявил, что феодальный строй России отличался от рабовладения именно тем, что при нем «крепостник-помещик не считался владельцем крестьянина как вещи»³⁵⁹. Поэтому историки-марксисты в подавляющем большинстве отрицали рабовладельческий характер крепостного строя. Лишь немногие из них осмеливались противоречить В. И. Ленину. «Но во второй половине XVIII века помещики не случайно называли своих крестьян рабами, – писал М. Т. Беляевский. – Они продавали крестьян без земли и в розницу... Крепостной не мог вступить в брак без согласия помещика... Но помещик не только определял семейные отношения крестьян. Он безнаказанно бесчестил их жен и дочерей, создавая настоящие крепостные гаремы и возрождая отвратительные нравы рабовладельцев в отношении своих рабынь. Неограниченный произвол помещиков, простиравшийся на экономическую деятельность крестьянина, его юридическое положение, его имущество, личность и семейные отношения был юридически оформлен и узаконен...»³⁶⁰

Что же касается зарубежных историков, то тождество русского крепостничества и рабства не вызывает у них сомнений – в качестве примера можно привести труды П. Колчина, М. Раева, А. Лентина, Дж. Блюма, Б. Муравьева, Е. Домара, Э. Хобсбаума и многих других авторов³⁶¹. М. Раев пишет, что не только экономическое положение рабов, но и их юридическое состояние было ужасным³⁶². Дж. Блюм отмечает, что законы Екатерины II низвели положение крестьян «до уровня правового статуса американских негров»³⁶³. Б. Муравьев квалифицирует социальную систему, «характеризуемую свободой дворянства от обязательной службы и рабским положением крепостных» как «наиболее одиозную форму государственности» и называет ее «социальным феодализмом»³⁶⁴. В российской историографии это общество обычно называют «дворянской монархией»; этот термин передает лишь одну сторону господствовавших в то время социальных отношений – но мы будем им пользоваться в силу сложившейся традиции.

Таким образом, трансформация структуры в 1760-х годах привела к резким изменениям в отношениях элиты и простого народа, к крайнему отягощению крепостничества, принявшего формы, близкие к рабству.

3.5.4. Вестернизация и рост потребностей дворянства

Как отмечалось выше, в первой половине XVI века наблюдался быстрый рост численности элиты, который, в соответствии с демографически-структурной теорией, должен был вызвать усиление давления дворянства, как на крестьян, так и на государство. Но это был лишь один из факторов, вызвавших трансформацию структуры в 1760-х годах. Другим фактором, действовавшим в том же направлении, была вестернизация, проявлявшаяся не только в стремлении дворянства приобрести права своих западных собратьев, но и в стремлении заимствовать европейский образ жизни, европейскую роскошь.

Многие историки настаивают на том, что стремление к роскоши было связано именно с модернизацией по европейскому образцу, с «вестернизацией», желанием не отстать от европейских дворян³⁶⁵. О неприхотливости русской знати в допетровскую эпоху писали многие иностранные путешественники. «Как бы русский не был знатен, он вовсе неприхотлив, – писал Я. Стрейс. – Самая обычная его пища: каша, горох, кислая капуста, соленая рыба, ржаной хлеб...»³⁶⁶ В прежние времена, писал князь М. Щербатов, «не токмо подданные, но и государи наши вели жизнь весьма простую», но Петр Великий, подражая «чужестранным народам», ввел ассамблеи и роскошные чужестранные одежды³⁶⁷.

Роскошь русского двора стала бросаться в глаза при императрице Елизавете. По заказу Елизаветы знаменитый итальянский архитектор Растрелли построил два дворца, способных соперничать с Версалем: Зимний дворец в Петербурге и Большой дворец в Царском Селе. «Капители колонн, фронтоны, наличники окон, даже статуи вдоль верхней балюстрады дворца – все было позолочено», – писал Растрелли³⁶⁸.

Екатерина II намного превзошла в роскоши свою предшественницу. «Роскошь и блеск придворных нарядов и обилие драгоценных камней далеко оставляют за собой великолепие других дворов», – писал английский путешественник У. Кокс³⁶⁹. Расходы на двор достигли 11% государственного бюджета. По закону императрица могла расходовать на нужды двора лишь доходы с дворцовых крестьян, составлявшие в то время 3,6% бюджета, – но императрица не стеснялась нарушать закон³⁷⁰.

Дворянство следовало примеру императорского двора. «Примеры таковые не могли не розлиться на весь народ, – писал князь Щербатов, – и повсюду роскошь и сластолюбие умножились. Дамы стали великолепно убираться и стыдились неанглийские мебели иметь; столы учинились великолепны и повары... стали великие деньги в жалованье получать... Вины дорогие и до того незнаемые не токмо в знатных домах вошли в употребление... Роскошь в одеждах все пределы превзошла... и в таком множестве, что часто гардероб составлял почти равный капитал с прочим достатком какого придворного...»³⁷¹

Е. И. Марасинова отмечает, что соперничество в роскоши среди высшей знати было санкционировано самой императрицей Екатериной II и что среди рядового дворянства «умеренная роскошь» считалась не прихотью и не расточительством, а уровнем, ниже которого не позволяло опускаться достоинство дворянина³⁷².

Стиль нового образа жизни задавало гвардейское офицерство – цвет дворянства, окружавший двор императрицы. Екатерининский гвардеец должен был ездить в карете, запряженной шестеркой лошадей, иметь несколько роскошных мундиров, ценой не менее 120 рублей каждый, и десяток-другой лакеев и слуг (у выходцев из богатых семей число слуг достигало 500). В гвардии сформировались определенные нормы престижного потребления, например, за обедом было положено выпивать не менее двух бутылок настоящего шампанского. «Жить не просто в долг, но жить не по

средствам было нормой в гвардейской среде, – пишет Ю. А. Сорокин. – Более того, такой образ жизни стал модным и считался единственно личным для дворянина»³⁷³. «В столице без долга никто не живет», – свидетельствует Д. И. Фонвизин³⁷⁴.

Прежде, отмечал П. И. Рычков, лучшие люди жили в своих домах умеренно и бережно, теперь же молодые помещики выстраивают себе богатые дома, роскошно убирают их и заводят немалое число официантов и ливрейных служителей. Лет двадцать тому назад знатные и заслуженные дворяне имели при себе по два, по три человека, а теперь их дети и наследники предаются всевозможным излишествам, не жалея себя и крепостянства³⁷⁵.

«Лет 70 назад, – писал в 1856 году историк и философ Ю. Ф. Самарин, – владельцы значительных имений мало занимались сельским хозяйством и по большей части довольствовались умеренным оброком... Они управляли своими вотчинами издали... оставляя в покое крестьян... Этот порядок вещей изменился постепенно под совокупным действием многих причин. Имения быстро дробились и с каждого нового раздела средства владельцев уменьшались, а потребности, как существенные, так и искусственные, порожденные непомерным развитием роскоши, не только не ограничивались, но и возрастали в изумительной прогрессии... Тогда дворяне почувствовали необходимость пристальнее заняться своими делами, увеличить свои доходы... и для достижения этих целей, естественно, избрали самое сподручное и дешевое средство: заведение барщины»³⁷⁶.

Таким образом, демографический фактор, дробление хозяйств, в сочетании с диффузионным фактором, заимствованным из Европы стремлением к роскоши, стали причиной резкого увеличения ренты и отягчения крепостного права. Другой вывод, который можно сделать из вышеизложенного материала, заключается в том, что трансформация структуры включала в себя не только изменение отношений элиты с народом и государством, но и изменение менталитета элиты.

Охватившая дворянство страсть к роскоши была связана также с развитием внешней торговли и широким рыночным предложением западных изделий. За время правления Екатерины ввоз увеличился почти в пять раз: с 9,3 млн. руб. в 1763-1765 годах до 41,9 млн. руб. в 1796 году. Первое место среди ввозимых товаров занимал сахар (5,6 млн. руб.), затем шли тонкие сукна (3,9 млн. руб.), хлопчатобумажные ткани (2,6 млн. руб.), шелка, вина, фрукты и т. п. «Ввоз носил исключительно потребительский характер для удовлетворения потребностей высших классов», – отмечал П. И. Лященко³⁷⁷.

Ф. Бродель, акцентируя этот аспект проблемы, цитирует памятную записку неизвестного русского автора, поданную в правительство в 1765 году. Автор записки рекомендовал по примеру Китая закрыть страну для ввоза иностранных предметов роскоши. Если такой роскоши суждено продолжаться, предупреждал автор, то она станет причиной «разорения земледельчества»³⁷⁸. А. Кахан приблизительно подсчитал «цену вестернизации», то есть стоимость расходов, которые платило русское дворянство за

западную роскошь, а также за западный стиль жизни, путешествия в Европу и за образование, сводившееся по преимуществу к изучению французского языка. По оценке американского исследователя эти расходы в 1793-1795 годах в среднем составляли ежегодно не менее 18 млн. руб. и отнимали более 35% дохода помещичьих хозяйств; такие расходы были непосильны более чем для половины помещиков. Отсюда следует, заключает А. Кахан, что вестернизация была мощным стимулом, заставлявшим помещиков искать пути увеличения своих доходов³⁷⁹.

В то же время необходимо отметить, что стремление к роскоши характерно для правящих классов во все времена и его нельзя полностью приписать влиянию вестернизации. Русская роскошь имела и восточные оттенки, и это проявлялось, в частности, в огромном количестве слуг. «Число крестьян, которых употребляли для домашнего услужения было так велико, что в других странах не могут себе этого и представить», – писал академик А. К. Шторх³⁸⁰. У богатого помещика Головина было 300 человек дворни, у графа Орлова – не менее 500 слуг, у графа Разумовского – 300 человек в Батурине, 190 в петербургском доме и т. д. А. К. Шторх объяснял эту «восточную роскошь» наличием крепостного права, то есть дешевой поддержкой крепостных слуг³⁸¹. Таким образом, вызванное в значительной степени вестернизацией стремление к роскоши порождало отягчение крепостничества, а крепостничество, в свою очередь, способствовало усилению роскоши – имела место «автогенерация», которая, с одной стороны, побуждала помещиков еще более усилить эксплуатацию крепостных, а с другой стороны, доводила их стремление к роскоши до абсурда.

3.5.5. Начало товарного барщинного хозяйства

Один из путей перераспределения ресурсов в пользу элиты заключался в интенсификации и расширении вотчинного хозяйства. Для этого, прежде всего, требовались соответствующие земельные ресурсы. Во время Генерального межевания Екатерина II постаралась удовлетворить это требование дворянства, и передала помещикам огромные массивы государственных земель – в числе этих земель были и еще неосвоенные степные просторы Черноземья. Это дало толчок к развитию помещичьего предпринимательства. «Началась земельная лихорадка, которая охватила большинство дворянства», – отмечает А. Кахан³⁸². «Никогда такого хода на землю не было, как теперь, – свидетельствует агроном А. Т. Болотов, – все хватают себе земельки и рвут, и едва только успевают отсыпать денежки»³⁸³. Во главе хозяйств теперь становились наиболее опытные, энергичные члены дворянских семейств; как писал Болотов, «все лучшее тогда в армии российское дворянство, а не те престарелые старики и старушки»³⁸⁴.

Возрастающий интерес помещиков к предпринимательству был отмечен появлением в середине XVIII века ряда помещичьих инструкций, предусматривающих организацию товарного барщинного хозяйства – в частности, известных инструкций Татищева и Румянцева. В 1765 году было создано Вольное экономическое общество, основной целью которого была

выработка наиболее эффективных методов ведения барщинного хозяйства и подготовка наставлений для управителей латифундий. В 1769-1770 году появилось несколько таких наставлений, в том числе «Наказ управителю» лифляндского помещика барона Вольфа, «Наказ для управителя или приказчика» П. Рычкова и «Инструкция управителям и приказчикам имений» А. Т. Болотова. «Наказ» П. Рычкова дает представление о степени развития барщинного хозяйства: уже в то время многие помещики отводили на барщину четыре дня, оставляя для обработки крестьянских полей так мало времени, что крестьяне были вынуждены нарушать церковные заповеди и работать по воскресеньям. Помещики, которые забирали на барщину три дня и давали крестьянам отдохнуть в воскресенье, считались «умеренными». П. Рычков рекомендовал норму барщины, которая в пересчете на душу составляла 0,8 десятины, максимально – 1,2 дес.³⁸⁵ Как мы увидим далее, норма в 0,8 десятины, действительно, стала обычной в 80-х годах.

В «наказах» детально описывается организация барщинных работ не только в полеводстве, но и в садоводстве, винокурении и других областях; при этом подчеркивается товарная ориентация хозяйства на производство хлеба и хлебного вина (то есть водки)³⁸⁶. Винокурение было частью барщинного хозяйства, и барщинный бум сопровождался винокуренным бумом. «Бесчисленное множество корыстолюбивых дворян... – писал А. Т. Болотов, – давно уже грызли губы и зубы от зависти, видя многих других от вина получающих страшные прибыли... Повсюду началось копанье и запруживание прудов... и воздвигание огромных винных заводов...»³⁸⁷

Как известно, в ряде стран Восточной Европы, в частности, в Польше, помещики, принимавшие участие в торговле через своих управляющих, обменивали произведенный в барщинных фольварках хлеб на западные предметы роскоши, и этот обмен служил непосредственным стимулом к распространению барщины и отягчению крепостничества³⁸⁸. Некоторые авторы проводили аналогию между процессом становления крепостничества в России и Восточной Европе, акцентируя роль экспортной торговли хлебом³⁸⁹. Действительно, русские помещики проявляли заинтересованность в налаживании хлебного экспорта, и отмена ограничений на экспорт стала одним из следствий революции 1762 года. Однако транспортные условия в то время не позволили наладить широкий вывоз хлеба из России. Лишь в немногих доступных для мирового рынка районах страны (в частности, на Смоленщине) получили развитие ориентированные на экспорт барщинные экономии³⁹⁰. В 1790-х годах среднегодовой экспорт хлеба из России составлял лишь 2,5 млн. пудов, тогда как из Польши только через Данциг экспортировалось 170 тыс. лаштов, то есть примерно 23 млн. пудов. По некоторым оценкам, общая масса продаваемого хлеба в России составляла в это время около 140 млн. пудов, таким образом, на экспорт шло лишь около 5% товарных поставок³⁹¹.

Если в Польше барщинные хозяйства непосредственно работали на внешний рынок и производимый в них хлеб питал перенаселенные страны Западной Европы, то в России производимый помещиками хлеб потреб-

лялся ремесленниками и крестьянами перенаселенного Центрального региона. В обмен на этот хлеб население Центра производило некоторые предметы роскоши для помещиков и более простые товары для их двора, а так же лен, пеньку, полотно, которые обменивались на внешнем рынке на западные товары для дворян. Таким образом, торговля имела треугольный характер «Черноземье – Центр – Запад», и роль барщинных плантаций в этой торговле заключалась, в основном, в снабжении хлебом «промышленного» Центра.

Географическое расположение определило последовательность распространения барщинных плантаций: сначала они появились в Тульской и Рязанской губерниях. Далее на юг районы товарного земледелия формировались вдоль водных коммуникаций. Удобный путь сплавом по Оке превратил Орел в первую хлебную пристань Черноземья. В 1780-х годах более 200 судов ежегодно отправлялись от Орла вниз по Оке, доставляя в Центральный регион около 4 млн. пудов хлеба (по другим сведениям – 8 млн.)³⁹². Другой водный путь вел от пристани Моршанск вниз по реке Цне, а затем по Оке на Волгу. В 80-х годах по этому пути ежегодно вывозилось свыше 2 млн. пудов хлеба, выращенного в Тамбовской губернии. В связи с трудностью доставки большая часть пензенского хлеба, около 1 млн. пудов, расходовалась на винокурение; здесь располагались крупнейшие в России винокуренные заводы³⁹³. Но много и вывозилось: поток хлеба шел от Пензы по реке Суре до Волги, здесь у пристани Лысково к нему присоединялся поток зерна из Нижегородской губернии. У Нижнего Новгорода встречались караваны с хлебом, шедшие по Оке и Волге; через Нижний проходило свыше 4 тысяч судов, которые следовали вверх по Волге к Ярославлю и Рыбинской слободе. Нижегородский губернатор с гордостью называл свой город «внутренним Российского государства портом»³⁹⁴. Около 70 тысяч бурлаков собирались ежегодно в Нижнем, чтобы тянуть суда вверх по реке – это был один из основных промыслов волжских крестьян. Привозной хлеб питал ремесленный район Ярославля-Иваново, но большая его часть уходила дальше – на Петербург. Северная столица потребляла в общей сложности около 8 млн. пудов хлеба ежегодно³⁹⁵.

Таким образом, к 80-м годам XVIII века установился мощный поток хлеба в центральные губернии из крепостных поместий Северного Черноземья. Напротив, Южное Черноземье, Воронежская и Курская губернии, не имело удобной транспортной связи с Центром, поэтому товарное производство распространялось здесь сравнительно медленно; излишки зерна везли из этих районов на Украину, где их перерабатывали в водку³⁹⁶.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что барщинное хозяйство было вызвано к жизни не только стремлением помещиков увеличить свои доходы, но и относительным перенаселением Центрального района, которое создало рынок для барщинных плантаций. В этом сказывалась важная роль демографического фактора.

3.5.6. Динамика перераспределения ресурсов: рост ренты

Трансформация структуры, перераспределение ресурсов в пользу элиты и организация барщинного хозяйства означали резкий рост ренты. Организация товарного производства хлеба повлекла за собой быстрое расширение посевов в 80-90-х годах XVIII века: по различным губерниям Черноземья они увеличились в 1,5-2 раза³⁹⁷. Другим следствием был резкий рост оброков и барщины; сначала помещики увеличивали оброки, а на следующем этапе переходили к организации сложного барщинного хозяйства. Рост оброков был экономическим проявлением свершившейся социальной революции; он начался в 60-х годах с тех губерний, которые были ближе к Москве: уже в это время оброк в тульском имении гр. П. Б. Шереметева достиг 11 пудов на душу, а в имении кн. А. М. Голицына – 13 пудов с души. К 1776-1780 годам оброк в 13 пудов стал средним для крестьян двух южных уездов тульской губернии, Епифанского и Ефремовского³⁹⁸. На орловщине увеличение оброков началось в 70-х годах: еще в 1771 году в имении Д. М. Голицына оброк в пересчете на хлеб составлял 8 пудов с души, а в 1776-1780 годах средний оброк по Орловскому уезду достиг 17 пудов!³⁹⁹ Следующим шагом была организация барщинного производства. В 1768 году граф П. Б. Шереметев перевел крестьян своего тульского имения на барщину из расчета 1 дес. барской запашки на душу. Примерно такая же норма запашки установилась в 70-х годах в имениях Голицыных. В целом, данные по четырем черноземным уездам Тульской и Рязанской губерний говорят, что к 1780 году в барщинных хозяйствах на душу приходилось 0,8 десятины барской запашки – намного больше, чем в центральном регионе. Однако в Орловской и Тамбовской губерниях барщина еще не достигла таких размеров, как на рязанщине: она составляла 0,5 десятины на душу⁴⁰⁰.

Некоторые помещики не ограничивались организацией полевых барщинных хозяйств, «экономий»; они создавали в своих имениях мануфактуры, на которых работали крепостные крестьяне. Крупнейший пензенский землевладелец А. И. Полянский имел в своей вотчине полотняную мануфактуру с 25 рабочими, суконную мануфактуру с 19 рабочими, ковровую «фабрику» с 12 рабочими, два кирпичных завода, два винокуренных завода. На этих предприятиях были заняты постоянные рабочие из крепостных, которые получали месячину, а также и барщинные крестьяне, привлекавшиеся на фабрики в свободное от полевых работ время – преимущественно зимой. Молодой аристократ князь А. Б. Куракин завел в своем поместье полотняную, суконную мануфактуры и два винокуренных завода. Винокуренные предприятия были распространены повсеместно, и некоторые из них имели очень большие размеры, так, например, Чибирлеевский завод Воронцовых потреблял значительную часть зерна, производившегося в Саранском уезде – около 200 тысяч пудов в год⁴⁰¹.

Если в первой четверти XVIII века из 40 частных мануфактур только две принадлежали дворянам, то в 1773 году из 328 мануфактур дворяне имели 66, которые производили до трети всех товаров; в 1813-1814 годах

из 1018 предприятий 520 принадлежали дворянам⁴⁰². В значительной части это были мелкие вотчинные предприятия, однако имелись и крупные крепостные мануфактуры, в частности, в производстве сукон. Армия требовала большое количество сукна для мундиров, и производство сукон было одной из основных отраслей военно-промышленного комплекса, созданного Петром I. Это производство имело гарантированный сбыт и давало гарантированные прибыли, поэтому дворянство стремилось закрепить за собой эту отрасль предпринимательства – и, в конце концов, получило привилегии на поставку сукна для армии. В 1804 году существовало 155 дворянских суконных мануфактур, и 90% работников на этих мануфактурах были крепостными⁴⁰³. Помещики, писал Н. И. Тургенев, помещали сотни крепостных, преимущественно молодых девушек и мальчиков, в жалкие лачуги и силой заставляли работать. «Я помню, с каким ужасом говорили крестьяне об этих учреждениях: они говорили: “в этой деревне есть фабрика”, так, как если бы говорилось “там есть чума”»⁴⁰⁴.

Создатели крепостных латифундий не знали меры в эксплуатации крестьян. Помещичьи инструкции полагали естественной работу крестьян по воскресеньям и праздникам – хотя прежде это считалось преступлением. Установленные инструкциями нормы барщины часто оказывались непосильными, у крестьян не оставалось времени для обработки своих полей. В 1775 году в шереметевской вотчине начался голод. «За неимением хлеба, а особливо в нынешний год по худому урожаю, – писали крестьяне Шереметеву, – большая половина крестьян кормится пополам с мякиною, а прочие, не имея у себя ничего, скитаются со всеми семьями по миру...»⁴⁰⁵. Шереметев был вынужден уменьшить барскую запашку до 0,8 десятины на душу. «Помилуйте, государь, мы уже из сил выбились, – жаловались крестьяне Полянского. – Воля твоя, хотя наши головы руби... хотя и не хочитца, да плакамши пойдем на чужую сторону»⁴⁰⁶.

Характерной иллюстрацией происходивших процессов может служить положение в пензенском имении А. Б. Куракина (с. Архангельское). В 1768 году оброк в имении был увеличен с 2 до 3 руб. с души мужского пола; это повышение было усугублено падением цен на хлеб, в результате, если в 1767 году с крестьян требовали оброк, эквивалентный 5 пудам хлеба с души, то в 1771-1772 годах, чтобы заплатить оброк, нужно было продать 12 пудов⁴⁰⁷. Крепостные Куракина, несмотря на массовые порки, четыре года отказывались платить повышенный оброк; в конце концов, они присоединились к повстанцам Пугачева и разгромили усадьбу помещика. Когда пришли каратели и восстание было подавлено, в Архангельском был установлен вотчинный полицейский режим: все крестьяне были разделены на группы в 25-30 человек во главе с десятским. Десятский получил право наказывать своих крестьян за посещение чужого «десятка», нерадивость, непосещение церкви и т. д.; было запрещено уходить из вотчины даже на несколько часов. Только так удалось заставить крестьян платить оброк, который к 1782-1784 году достиг в пересчете на хлеб 15 пудов с души⁴⁰⁸.

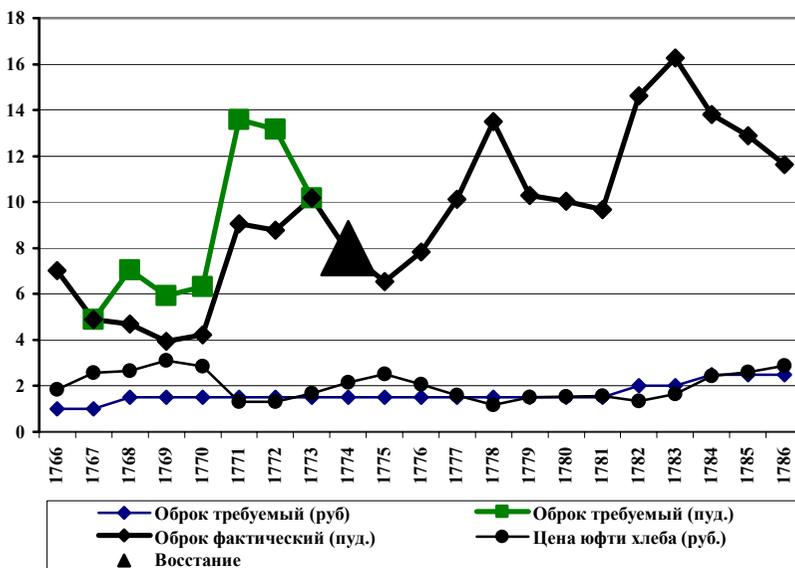

Рис. 3.6. Динамика душевого оброка в Пензенском имении А. Б. Куракина (с. Архангельское)⁴⁰⁹.

В контексте демографически-структурной теории резкое перераспределение ресурсов в пользу элиты означало значительное сужение экологической ниши народа – несмотря на то, что земли на Черноземье было достаточно. Сужение экологической ниши привело к падению потребления и, в теории, могло привести к голоду и кризису наподобие тех кризисов, которые раньше происходили вследствие перераспределения ресурсов от народа к государству.

3.5.7. Динамика структурных отношений: крестьянские восстания

Основным содержанием социальных сдвигов, произошедших в структуре «государство-элита-народ» в середине XVIII века, было подчинение государства элитой, перераспределение ресурсов государства и народа в пользу элиты и резко усилившееся давление элиты на народ с целью его подчинения и порабощения. Народ, естественно, оказывал сопротивление отягчению крепостничества. Самой распространенной формой сопротивления крестьян было бегство. Поскольку донские казаки перестали давать убежище беглецам, то усилилось бегство за границу; в 1767 году смоленские дворяне заявили, что в Польшу бежало 50 тысяч крепостных со смоленщины⁴¹⁰. Участились и крестьянские волнения; в 1756-1760 годах происходили выступления монастырских крестьян, давшие Петру III повод к секуляризации монастырских земель. Когда Екатерина II приостановила секуляризацию, волнения приняли еще более широкий характер. По сведе-

ниям Н. Л. Рубинштейна, в 1762-1769 годах имело место 73 крестьянских выступления⁴¹¹. Императрица с тревогой писала, что 150 тысяч монастырских и помещичьих крестьян находятся в явном возмущении и предписывала войскам использовать пушки, действовать против крестьян «как против неприятеля». После того как монастырские крестьяне стали государственными, распространился слух, будто Петр III хотел сделать государственными и помещичьих крестьян, и именно за это он был убит дворянами. В 1773 году казак Емельян Пугачев объявил себя «императором Петром Федоровичем» и поднял на восстание казаков и крестьян на Яике. Повстанцы убивали дворян, выступая под лозунгами крестьянской свободы и возвращения к старым московским порядкам. Пугачев говорил, что в случае победы он прикажет всем держаться старой веры, носить русское платье и запретит брить бороды⁴¹².

31 июля 1774 года «император Петр III» именованным указом пожаловал крепостных крестьян «вольностию и свободой» и призвал их «казнить и вешать» своих господ. Тому, кто убьет помещика, обещали 100 рублей, тому, кто убьет 10 помещиков – 1000 рублей и генеральский чин. Ненависть к господам была такова, что восставшие вырезали дворян вместе с семьями. Во время восстания было убито в общей сложности около 1600 помещиков, включая их жен и детей, около 1 тысячи офицеров и чиновников и больше 200 священников – уже тогда официальные священники воспринимались повстанцами как «продавшие Христа» прислужники власти. Правительство Екатерины, в свою очередь, «наводило порядок» самыми жестокими методами, оно воскресило самые изуверские и уже забытые виды казни – такие, как колесование, четвертование, повешение за ребро на крюк и т. д.⁴¹³

В конечном счете, повстанцы были разбиты, и подавление восстания сделало возможным дальнейшее повышение ренты (см. рис. 3.6). Однако возникает естественный вопрос: почему сопротивление крестьян не привело, как это было в начале XVII века (и в 1670-х годах) к отступлению дворянства и уменьшению ренты? Очевидно, изменилось соотношение сил между борющимися сословиями, между крестьянством и дворянством. В начале XVII века крестьяне действовали вместе с казаками и даже с частью дворян; они неоднократно одерживали победы над правительственными войсками. В 1773-1774 годах крестьяне тоже действовали вместе с казаками, но, как правило, терпели поражение даже при очень большом численном превосходстве. Дворянство одержало победу с помощью регулярной армии, созданной Петром I, – и, следовательно, причиной его превосходства над народом, в конечном счете, были, во-первых, мощь новой армии и нового оружия, и, во-вторых, подчинение дворянами государства, которому принадлежали эта армия и это оружие.

Таким образом, выявляется существенная роль технического фактора, определившего полное преобладание профессиональной армии над многочисленными, но плохо вооруженными и необученными повстанцами. Но более выпуклой становится также и роль обстоятельств, которые позволи-

ли элите овладеть государством и армией, в частности, роль гвардейских полков в событиях 1741 и 1762 годов (и, забегая вперед, в событиях 1801 года). Речь идет о степени влияния элиты на офицерский корпус армии, о том, может ли это влияние превосходить влияние государства, которому формально принадлежит армия. Влияние государства на армию определяется, прежде всего, авторитетом монарха: мы видим, что при всем недовольстве дворянства гвардия покорно подчинялась не только Петру I, но и Анне Иоанновне. Но конечно, влияние государства на армию резко падало, когда на престоле волею случая оказывался ребенок или плохо говоривший по-русски иностранец. В конечном счете, мы приходим к выводу о важной роли династических кризисов и обеспечения преемственности власти в монархических государствах – к вопросу, важность которого так хорошо понимал Петр I, так и не сумевший его разрешить.

3.5.8. Кризис 1787-1788 годов и уменьшение ренты

Трансформация структуры и резкое перераспределение ресурсов в пользу дворянства привели к сокращению экологической ниши народа. Так же как в 1560-х, 1590-х и 1710-20-х годах чрезмерное изъятие ресурсов было чревато большим голодом и демографическим кризисом.

Необходимо отметить, что во второй половине XVIII века почвы на Черноземье понемногу истощались и урожайность падала, в 80-90 годах она уменьшилась до сам-3,9. По данным губернаторских отчетов средний чистый сбор в начале 80-х годов составлял в Орловской губернии 43 пуда на душу, затем он уменьшился и в среднем за 80-90-е годы был равен 32 пудам. Примерно таким же был чистый сбор в конце века в Тульской и Рязанской губерниях⁴¹⁴. За вычетом необходимых для потребления 15 пудов на оброк и налог остается 17 пудов – как отмечалось выше, именно таким был уровень ренты в Орловском уезде в начале 80-х годов, и, таким образом, у крестьян не оставалось никаких запасов зерна. Л. В. Милов указывает, что помещики буквально «выдирали» прибавочный продукт их крестьянских хозяйств⁴¹⁵. В случае неурожая такое положение было чревато голодом, и действительно, за плохим урожаем 1785 года последовал неурожай 1786 года, и в следующем, 1787 году, разразился голод невиданной прежде силы. По свидетельству князя М. М. Щербатова, голод произошел от «недостатка запасного хлеба и уменьшения доброты» земель⁴¹⁶. Крестьяне Юсуповских вотчин в Нижегородской губернии писали, что «запасного старого хлеба у нас... ни у едина человека не имеется»⁴¹⁷. В ряде губерний (например, в Калужской) отсутствие запасов привело к тому, что осенью 1787 и весной 1788 года крестьяне не имели зерна на посев, поля не были полностью засеяны, поэтому урожаем 1788 года был скудным и голод продолжался до осени 1789 года – то есть более двух лет⁴¹⁸. Характерно, что в наибольшей степени пострадали черноземные губернии, где прежде голодовки и неурожаи были большой редкостью⁴¹⁹, а теперь непомерно увеличившиеся оброки отнимали у крестьян все излишки. При этом, как можно видеть из табл. 1.1, период 1771-1800 годов в целом был благо-

приятным в сельскохозяйственном отношении, это было время относительного потепления, когда количество экстремальных сельскохозяйственных сезонов было невелико. Таким образом, голод был результатом интенсификации помещичьего хозяйства и увеличения ренты.

Характерно, что правительство пассивно отнеслось к этому бедствию, и, в отличие от времен Петра и Анны Иоанновны, не пыталось конфисковать хлебные излишки и раздавать их голодающим. Монархия уже не имела сил для энергичного вмешательства в частную хлебную торговлю. «Ныне, когда большая часть государства с голоду помирает, – писал М. М. Щербатов, – кажется на сие правительство наихолоднейшим духом смотри!»⁴²⁰.

По существу, кризис 1787-1788 годов был подобен кризису 1723-1726 годов, только теперь хлеб у народа отнимала элита, а не государство. Новое сужение экологической ниши народа привело к новому кризису и голоду. Свидетельством нового усиления Сжатия было падение естественного прироста населения. Естественный прирост в Центральном регионе уменьшился с 0,73% в 1763-1782 годах до 0,26% в 1783-1795 годах (см. рис. 3.3). Другим свидетельством уменьшения потребления было существенное уменьшение роста рекрутов, родившихся в 1780-х годах (см. рис. 3.8).

Кризис 1787-1788 годов стал одной из причин последовавшего затем уменьшения ренты: в период после голодовки помещики уже не могли повышать оброки. Между тем, чрезмерная эмиссия ассигнаций в конце правления Екатерины II вызвала инфляцию. Помещики не могли угнаться за быстрым ростом цен, в Тульском имении Юсуповых оброк уменьшился с 11 пудов в 1778-1782 годах до 6 пудов в 90-х годах⁴²¹. А. Б. Куракин не стал состязаться с ценами и перевел своих крестьян на барщину. А. М. и Д.М. Голицыны увеличили в 1793 году оброк до 4 рублей с души мужского пола, но в хлебном исчислении душевой оброк уменьшился до 6 пудов. Правда, рента в имениях Голицыных, по-видимому, была меньше, чем у их соседей: А. М. Голицын писал, что другие помещики берут по 6 рублей (то есть по 9 пудов)⁴²². Мы не имеем массовых данных по Тульской губернии, но данные по Тамбовской и Рязанской губерниям говорят, что в 1788-1793 годах средний оброк составлял 9-10 пудов. Благодаря уменьшению ренты потребление оброчных крестьян несколько возросло⁴²³.

Таким образом, помещики временно отступили, потребление крестьян увеличилось, голодовки прекратились, и естественный прирост населения снова вырос (см. рис. 3.3). Страна вышла из кризиса, и Сжатие на время ослабло. Это улучшение ситуации, по-видимому, было связано также и с новой политикой монархии, с возвратом к этатизму и ограничением барщины императором Павлом I (см. ниже, п. 3.5.11).

3.5.9. Сжатие в Центральном районе

Главным фактором, определявшим развитие Центрального района, было перенаселение, первые признаки которого отмечались уже в 1730-х годах. В 1770-х годах в Центральном районе было распаханно 32% территории, и большая часть оставшихся земель – это были неудобные и скудные

земли⁴²⁴. Ввиду недостатка земли помещики центральных областей переводили своих крестьян на оброк. Однако влияние крупнейшего потребительского центра, Москвы, привело к тому, что в Московской губернии, а также в северных уездах Калужской губернии сохранилось преобладание барщины. В «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию имеются массовые статистические данные по семи уездам Московской и Калужской губерний: Клинскому, Дмитровскому, Малоярославецкому, Боровскому, Тарусскому, Серпуховскому и Мосальскому. В этих уездах было в общей сложности около 100 тысяч барщинных крестьян, которые обрабатывали на себя в среднем 0,96 дес. на душу, а на помещика – 0,5 дес.⁴²⁵ По сравнению с 1720-ми годами барщина увеличилась на треть, а размер крестьянского надела был сведен к тому минимуму, о котором писал В. Н. Татищев – 1 дес. на душу. При урожаях 1770-х годов с такого надела можно было собирать 17 пудов хлеба, из них 1,8 пуда уходило на уплату подушного налога и покупку соли, так что в распоряжении крестьянина оставался как раз минимальный паек в 15 пудов.

Согласно неомальтузианской теории перенаселение должно было вызвать частичный переход крестьян к занятию ремеслами – и действительно, главным фактором, определявшим жизнь крестьян Центрального района, было развитие промыслов. Промыслы позволяли избыточному населению Центра кормиться, обменивая продукты своего труда на хлеб, поступающий с юга. В царствование императрицы Екатерины развитие крестьянских ремесел заметно ускорилось. «Историческое и топографическое описание Московской губернии», составленное в 1787 году, дает обстоятельное описание крестьянской торговли и промышленности по уездам. По свидетельству этого источника, крестьяне Московского уезда больше упражняются в ремеслах, нежели в хлебопашестве, среди них распространено ткачество полотняных и шелковых тканей, изготовление глиняной посуды, кузнечное, слесарное, столярное и прочие ремесла⁴²⁶. Особую роль играло производство грубых льняных холстов, которые шли не только на изготовление крестьянской одежды, но и на паруса для кораблей – поэтому их охотно покупали иностранцы. В Дмитровском уезде Московской губернии на душу приходилось лишь 0,7 десятины пашни и крестьяне занимались сапожным, извозным, гребенным промыслами⁴²⁷. Десятая часть мужского населения Московской губернии ежегодно отправлялись на заработки⁴²⁸. Похожая ситуация складывалась и в соседних губерниях. В Егорьевском уезде Рязанской губернии к середине XVIII века были вырублены все леса и малоземелье заставляло крестьян платить большие деньги за аренду угодий. В 70-х годах большая часть населения уезда стала заниматься ремеслом, в селах развилось производство бочек, колес, полозьев, тысячи крестьян уходили на работы в Москву и бурлачили на Оке⁴²⁹.

По некоторым оценкам, в 1760-1790-е годы XIX века количество вольнонаемных работников из числа отходников и постоянных рабочих увеличилось с 220 до 420 тысяч⁴³⁰. Половину этого числа составляли бурлаки – это говорит о том, что крестьяне зарабатывали дополнительные средства

на жизнь не только производством ремесленных изделий для знати и ее дворни, но и перевозкой хлеба в потребительские центры, в Москву и в Петербург, где была сосредоточена знать.

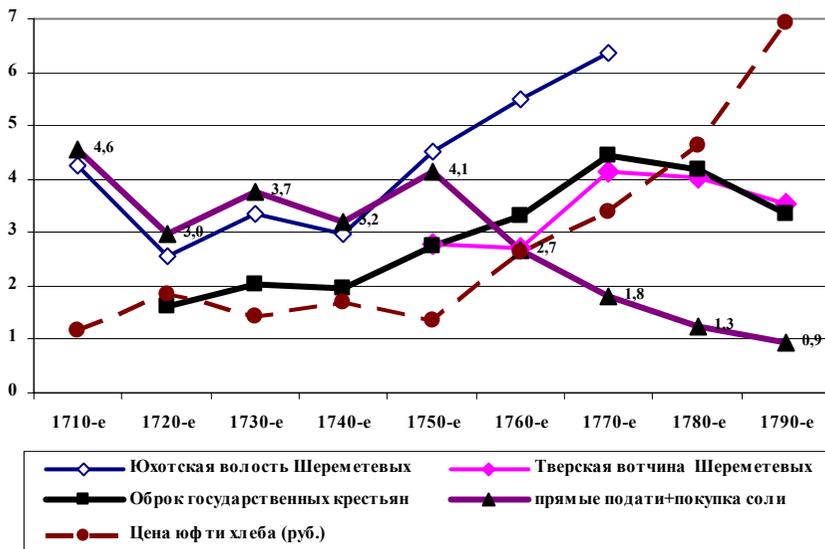

Рис. 3.7. Динамика оброков и податей в Центральном районе (в пудах хлеба на душу населения)⁴³¹.

Развитие промыслов позволяло помещикам Центрального района требовать повышенные оброки со своих крестьян. Один из инициаторов новых принципов хозяйствования, князь М. М. Щербатов, в 1763 году перевел своих ярославских крестьян на денежный оброк, эквивалентный 8 пудам хлеба с души. Крестьяне не могли производить столько хлеба, но предприимчивый князь построил в своей вотчине полотняную мануфактуру, и крепостные нанимались на нее, возвращая часть заработанных денег в качестве оброка⁴³². Другой тип помещика представлял граф П. Б. Шереметев; этот богатейший в России вельможа владел 170 тысячами крепостных; он не вникал в хозяйственные вопросы и предоставлял крестьянам своих нечерноземных вотчин максимально широкую свободу в зарабатывании для него денег. Сотни крестьян Шереметева занимались торговлей и имели лавки в Москве и Петербурге; некоторые из них, разбогатев, становились владельцами маленьких мануфактур – граф, как правило, не отнимал у «капиталистских» крестьян деньги, а лишь повышал оброк. В селе Иванове и его окрестностях в 1803 году было 60 ситцевых мануфактур, а в селе Павлове больше 300 ремесленных мастерских, производивших замки, ножи, ружья⁴³³.

Хотя наладившийся товарообмен позволял многим крестьянам жить за счет промыслов и питаться привозным хлебом, продовольственное положение Центра оставалось тяжелым. Данные, приводимые И. Д. Ковальченко и Л. В. Миловым, говорят о том, что в Московской и Тверской губерниях в конце XVIII века потребление хлеба было ниже минимальной нормы⁴³⁴. После некоторого улучшения экономической ситуации в середине XVIII века, положение снова стало ухудшаться. В 1767 и 1775 годах центральные районы были поражены голодом, а 1771 год был отмечен эпидемией чумы⁴³⁵. В 1787-1788 годах, как отмечалось выше, разразился новый кризис, сопровождавшийся катастрофическим голодом. Восстановление после кризиса было медленным, и темпы роста населения оставались низкими (см. рис. 3.3), если же рассматривать рост рекрутов, то этот параметр указывает не на улучшение, а на ухудшение ситуации (рис. 3.8). Фактически после 1787 года Сжатие в Центральном районе стало постоянным явлением, и по отношению к последующим временам иногда можно говорить о его временном ослаблении – но не о прекращении.

Губерния	Уезд	Крестьян (тыс.)	1769-73	1773-78	1782-89
Костромская	Кинешемский	13,4		3,3	3,9
Костромская	Нерехотский	21,7		5,4	5,8
Рязанская	Егорьевский	31,8	7		9,5

Табл. 3.10. Динамика оброка в некоторых уездах Центрального района (пудов хлеба на душу)⁴³⁶.

Величина оброка в различных уездах в большой степени зависела от развития ремесел, от близости столиц, от наличия водных путей – в общем, от возможности для крестьян заниматься ремеслами на месте или уходить на отхожий промысел. Имеющиеся массовые данные показывают большую пестроту оброков (см. табл. 3.10), что позволяет некоторым авторам говорить о невозможности вычисления «среднего» оброка для больших регионов⁴³⁷. Попытки такого рода, однако, делались, и ниже мы приводим оценки оброков, принадлежащие В. И. Семевскому и Л. В. Милову. Первая оценка относится ко всей России, вторая – к Центральному району.

Оценка В. И. Семевского				Оценка Л. В. Милова			
годы	Оброк (руб.)	Ценаюфли хлеба(руб.)	Оброк (пуд)	годы	Оброк (руб.)	Ценаюфли хлеба(руб.)	Оброк (пуд)
1760-е	1-2	2,2	3-6				
1770-е	2-3	3,5	3,9-5,8	1770-73	2	3,5	3,8
1780-е	4	4,6	5,8	1780-е	5-7	4,6	7,2-10,1
ср90х	5	7,4	4,5	1797-99	7-10	7,2	6,5-9,3

Табл. 3.11. Динамика оброков по В. И. Семевскому и Л. В. Милову в расчете на ревизскую душу (в руб.) и на душу населения (в пудах хлеба)⁴³⁸.

Отметим, что А. Кахан, используя оценку В. И. Семевского, построил таблицу динамики оброка в период 1730-1800 годов⁴³⁹. Но как видно из табл. 3.11 в существующих оценках имеются большие расхождения, поэтому, на наш взгляд цифры А. Кахана не отличаются надежностью, что отчасти признает и сам автор⁴⁴⁰. Заниженная оценка В. И. Семевского приводит А. Кахана к выводу, что совокупные размеры ренты и налогов в послеекатерининский период не увеличивались, что происходило лишь замещение убывающей подушной подати помещичьими оброками⁴⁴¹. Однако, если использовать оценку Л. В. Милова, и учесть платежи за соль, то получится, что совокупные платежи в хлебном эквиваленте возросли с 7-7,5 пудов хлеба в 1730-х годах до 8,5-11,4 пудов в 1780-х годах (см. рис. 3.7, и табл. 3.8 и 3.11). Таким образом, помещичья рента росла быстрее, чем уменьшались государственные налоги.

При недостатке массовых данных о динамике ренты можно судить лишь по ее изменению в отдельных больших имениях. Однако сопоставимые данные о динамике оброка за длительные промежутки времени имеются в литературе лишь для небольшого числа имений, некоторые из них представлены на рис. 3.7. Известны также данные об оброке государственных крестьян, но он, по-видимому, возрастал медленнее, чем оброк помещичьих крестьян.

В целом вырисовывается картина значительного роста оброков с 1750-х до 1780-х годов. Голод 1787-1788 годов и наступившая затем инфляция привели к некоторому снижению ренты, как в центральных областях, так и на Черноземье.

3.5.10. Рост городов как следствие Сжатия

Как отмечалось выше, развитие ремесел в Центральном районе было следствием проявлявшегося там относительного перенаселения. В соответствии с неомальтузианской теорией развитие ремесел должно было бы вызвать рост городов: в странах, где население обладает свободой передвижения, ремесленники стремятся поселиться ближе к крупным рынкам и уходят из деревень в города. Однако в России крестьяне были прикреплены к земле, поэтому ремесло имело преимущественно деревенский характер, а стремление к переселению в города приняло форму сезонного отходничества. Мануфактуры также часто располагались не в городе, а в деревне и имели характер вотчинных предприятий. В 1725 году на предприятиях обрабатывающей промышленности было занято 14 тыс. работников, из них только 2 тыс. в деревне; в 1803-1804 годах – 75 тыс., из них 34 тыс. в деревне⁴⁴².

Что касается других регионов, помимо Центра, то в Черноземном регионе и в Поволжье было достаточно свободных земель, и у крестьян не было стимула к переселению в города. Поэтому в целом российские города росли в XVIII веке очень медленно, численность городских сословий возросла в 1719-1796 годах только на 34% (в границах первой ревизии без Прибалтики); в перенаселенном Центральном районе рост был более быстрым – 61%⁴⁴³. По расчетам Б. Н. Миронова темп роста населения городов в 1743-1783 годах составлял 0,84% в год, причем на долю миграций из деревни приходилось только 0,04%, а 0,8% – на естественный прирост.

Сельское население росло значительно быстрее, поэтому доля горожан в населении страны сократилась с 11,5% в 1740-х годах до 7,1% в 1830-х годах⁴⁴⁴.

	1737	1796	1825	1857	1870
Все население (тыс.)	1074	1644	1970	2445	2566
В т. ч. (%) дворяне и чиновники	2,6	3,0	4,3	6,4	6,0
духовенство	2,4	2,4	2,2	2,3	2,2
военные	9,9	11,9	11,0	12,5	12,2
городские сословия	39,8	38,3	41,8	45,9	47,1
крестьяне	19,9	29,2	27,4	25,9	30,5
дворовые слуги	12,2	8,4	8,3	4,4	0
разночинцы	13,2	6,8	5,1	2,6	2,0

Табл. 3.12. Численность и социальный состав городского населения (в границах 1737 года без Прибалтики, Украины, Белоруссии и Бессарабии)⁴⁴⁵.

Как отмечалось выше (пункт 3.1.6), в 1678 году численность городского населения оценивалась примерно в 329 тыс. душ мужского пола, причем собственно городские сословия (тогда именуемые «посадскими людьми») составляли только 40% горожан, а 45% составляли «служилые люди» – стрельцы, пушкари, казаки и т. д. При Петре I «служилые люди» были определены в солдаты или в посадские люди, но военные продолжали составлять значительную часть населения русских городов. «Настоящие» горожане входили в городские сословия посадских, мещан, купцов, «цеховых»; их доля, как и прежде, составляла около 2/5 всего населения. Другую значительную часть населения городов составляли крестьяне, занимавшиеся ремеслом или торговлей по большей части нелегально, без приписки к посаду. Доля крестьян в населении городов возросла с 20% в 1737 году до 29% в 1796 году, и этот процесс показывал, что общая тенденция к миграции части крестьян в города все же пробивала себе дорогу.

Согласно теории, перенаселение в Центральных районах должно было бы вызвать падение реальной заработной платы, однако условия крепостничества деформировали рынок рабочей силы и искажали реальную цену на труд. С одной стороны, затрудненность перехода крестьян в города создавала там дефицит рабочей силы даже с учетом распространения отхода, с другой стороны, крестьяне-отходники должны были платить оброк помещикам; этот оброк, естественно, включался в стоимость рабочей силы, и его динамика влияла на динамику заработной платы. Таким образом, при крепостном праве динамика реальной заработной платы не дает адекватного представления об уровне жизни. Кроме того, представительные данные о динамике оплаты труда имеются только для Петербурга. Эти данные указывают, что в середине столетия, действительно, имело место уменьшение реальной платы примерно в полтора раза⁴⁴⁶, но в виду отмеченных соображений, а также особенности положения Петербурга как столицы, значительно удаленной от центра страны, трудно судить, в какой степени это было проявлением общих закономерностей.

3.5.11. Попытка восстановления этактистской монархии

Революция 1762 года создала новые отношения в структуре «государство-элита-народ», отношения, которые отводили дворянству первенствующую роль. К концу правления Екатерины II эти отношения упрочилось и стали традиционными, поэтому попытка изменить их должна была неизбежно натолкнуться на ожесточенное сопротивление дворянства. Император Павел стремился вернуть главенствующую роль государству; эта попытка завершилась государственным переворотом и смертью императора, что лишь подтвердило слабость монархии и силу дворянства.

Царствованию Павла I посвящено большое число исторических исследований⁴⁴⁷, и мы коснемся в этой работе лишь тех аспектов, которые представляются существенными в контексте демографически-структурной теории. Хотя большинство начинаний Павла I не получило дальнейшего развития, некоторые его реформы привели к определенному перераспределению ресурсов между государством, элитой и народом.

В начале 1797 года император предложил всем дворянам выбрать себе службу, а также велел «наблюдать, чтобы все сословные преимущества соответствовали служебным заслугам, чтобы не было дворян-тунеядцев»⁴⁴⁸. Это была не формальная отмена «вольности дворянства», а скорее форма морального давления - тем не менее это давление не могло быть приятным привыкшим к «вольности» помещикам. Были уничтожены губернские дворянские собрания и ограничено местное дворянское самоуправление. Таким образом, Павел I пытался более жестко регламентировать положение дворянства, не позволяя ему злоупотреблять «вольностью» и диктовать свои требования государству. Это был шаг к восстановлению неограниченной абсолютной монархии, не зависимой от воли сословий.⁴⁴⁹

Павел I пытался регламентировать отношения между дворянами и крестьянами и в какой-то мере ограничить давление элиты на народ. Император допустил крестьян к присяге, вернул им право жалобы, запретил работу по воскресеньям и ограничил барщину тремя днями в неделю. С точки зрения неомальтузианской теории такого рода указы – попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа, – характерны для периода Сжатия и являются одним из признаков этой фазы демографического цикла. При жизни Павла I указ о трехдневной барщине воспринимался вполне серьезно и, вероятно, оказал свое влияние на наблюдающееся в этот период временное уменьшение ренты. Однако после гибели императора он перестал исполняться⁴⁵⁰.

Финансовые мероприятия Павла I были подчинены задаче восстановления утраченных при Екатерине II доходов казны. Чтобы компенсировать обесценение подушной подати в результате скачка инфляции в конце правления Екатерины II, Павел увеличил подать с 1 руб. до 1 р. 26 коп с души мужского пола. В хлебном исчислении подушная подать в Центральном районе возросла с 0,9 до 1,2 пуда на душу (всего населения), но ее размеры по-прежнему были в три с лишним раз меньше, чем при Елизавете⁴⁵¹.

Пытаясь пополнить доходы, Павел I уделял особое внимание государственным крестьянам. Государственные крестьяне, в отличие от помещичьих, считались «свободными сельскими обывателями» – хотя формально были прикреплены к земле и могли переселяться только с разрешения властей. В 1762 году численность государственных крестьян увеличилась за счет секуляризации владений духовенства. Кроме того, на протяжении XVIII века оброки государственных крестьян были значительно меньше, чем оброки помещичьих крестьян, поэтому их численность росла быстрее. В 1719 году государственные и дворцовые крестьяне составляли 26% всех крестьян, а к концу столетия – 44%. Это был большой государственный сектор экономики, выросший рядом с крепостническим сектором. В Центральном районе по-прежнему преобладали крепостные крестьяне (72%), но по мере удаления от центра их становилось меньше: в Черноземье – 60%, в Поволжье – 47%⁴⁵². После того, как реальные размеры подушной подати резко сократились, главную роль в прямых налогах стал играть оброк с государственных крестьян; в конце правления Екатерины он превосходил подушную подать в полтора раза. Не осмелившись существенно увеличить подушную подать помещичьих крестьян, Павел I увеличил оброк казенных крестьян с 3 до 4-5 рублей с ревизской души, введя дифференциацию по губерниям в зависимости от развития ремесел. После этого повышения крестьяне платили в Центральном районе в пересчете на хлеб примерно 4,2 пуда с души, а в черноземном районе 6,7 пуда – столько же, сколько в 1780-х годах, до последнего всплеска инфляции. В целом государственные крестьяне Центрального и Черноземного районов платили казне 5 рублей оброка и 1 р. 26 коп. подушной подати с ревизской души, а помещичьи крестьяне только 1 р. 26 коп., то есть втрижды меньше⁴⁵³.

В целом, усилия Павла I по восстановлению сильного государства не прошли бесследно. Если в последние годы правления Екатерины доходы государства в пересчете на хлеб составляли 2,6 пуда хлеба на душу населения, то при Павле они поднялись до 5 пудов – таким образом, правительству удалось увеличить доходы казны и вернуться к уровню налогообложения доекатерининских времен. Кроме того, император радикально пересмотрел структуру расходов государственного бюджета. Расходы на двор, составлявшие в 1795 году 10,6 млн. рублей, уменьшились в 1797 году до 1,2 млн. руб. Павел пытался уменьшить и расходы на администрацию, которые составляли 28,2 млн. руб. и превосходили расходы на армию. Дворян обложили налогом на содержание местной администрации; этот налог давал не так много, но его введение означало нарушение исконной привилегии дворянства, которое никогда не платило налогов. Была налажена дисциплина среди чиновников и введены регулярные ревизии, уделявшие особое внимание жалобам на взяточничество и лихоимство. Сокращая расходы на двор и чиновничество, император увеличивал расходы на армию и флот, в 1796-1801 годах они возросли с 27,7 млн. до 41,7 млн. рублей⁴⁵⁴.

Это восстановление военных и финансовых сил государства имело большое значение в преддверии войн с Наполеоном. «Император Павел, – доносил прусский агент в 1801 году, – создал в некотором роде дисциплину, регулярную организацию, военное обучение русской армии, которой пренебрегала Екатерина II»⁴⁵⁵. Английский историк Мак Грю полагает, что Павлу I удалось восстановить порядок в государственном аппарате и боеготовность армии⁴⁵⁶.

Однако, как пишет Ю. А. Сорокин, «жесткое требование беспорочной службы со стороны императора вызвало невиданное озлобление петербургского дворянства против личности Павла»⁴⁵⁷. Император был убит заговорщиками, и попытка восстановления этактистской монархии закончилась неудачей.

3.6. Выводы

В какой мере концепция демографического циклизма может объяснить развитие России в XVII-XVIII веках?

С точки зрения неомальтузианской теории социально-экономическое развитие России в XVII веке определялось, главным образом, последствиями кризиса и демографической катастрофы времен Смуты. В соответствии с этой теорией в XVII веке мы наблюдаем характерные признаки *периода восстановления*: наличие большого количества свободных земель, низкий уровень земельной ренты и налогов, относительно высокий уровень потребления основной массы населения, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб, дороговизна рабочей силы, незначительное развитие ростовщичества, ограниченное развитие городов и ремесел.

Специфической особенностью этого периода, казалось бы, противоречащей общей теории, было значительное развитие аренды. Это объясняется тем, что аренда была способом ухода от государственного налогообложения; что же касается размеров арендной платы, то она была низкой (что согласуется с теорией).

В плане динамики экологической ниши наиболее важным обстоятельством была вновь начавшаяся после строительства Белгородской черты колонизация черноземных областей. Сочетание процесса восстановления в центральных областях с быстрой колонизацией Юга обусловило очень быстрый рост населения. При этом экологическая ниша и посевные площади, по-видимому, *расширялись даже более быстро, чем росло население*, следствием чего было падение хлебных цен в конце столетия и сохранение относительно высокого уровня жизни на протяжении всего периода (за исключением северных областей).

Р. Крами отметил, что такое поведение цен не соответствует обычным представлениям демографически-структурной теории, которая (по Дж. Голдстоуну) рассматривает лишь случай, когда ресурсы пахотных земель не расширяются⁴⁵⁸. В России, как подчеркивает Р. Крами, посевные площади расширялись за счет освоения пло-

родного пограничья – следовательно, на наш взгляд, такое поведение цен вполне объяснимо.

Обращаясь к демографически-структурному анализу, можно констатировать, что экосоциальный кризис времен Смуты не снял диспропорции между численностью крестьян и численностью дворянства. Этот дисбаланс усугублялся уменьшением ренты, поэтому дворянство требовало предоставить ему возможность повысить ренту путем более эффективного прикрепления крестьян к земле. В конечном счете, усиливающееся давление дворянства заставило правительство утвердить крепостническое Уложение 1649 года. Помимо демографического фактора, в направлении закрепощения действовал также фактор диффузии – тенденция к перениманию польско-литовских порядков, обусловленная военным превосходством Польши.

С теоретической точки зрения закрепощение представляло собой трансформацию структуры – качественное изменение отношений между ее элементами, в данном случае, между элитой и народом.

Утверждение крепостного права и расстройство хлебного рынка в 1660-1670-х годах обусловили отмечаемое в этот период увеличение барщины. Это наступление дворян, как и в начале XVII века, натолкнулась на сопротивление крестьянства. Однако, с точки зрения теории, условия крестьянских восстаний в начале XVII века и 1670-1671 годах были различны: в 1670-х годах не было той фрагментации элиты, которая расколола дворянство в начале XVII века, и отсутствовал династический кризис. В итоге крестьянско-казацкое восстание не переросло в Смуту и было быстро подавлено. Однако, так же как и Смута, это восстание на время остановило наступление дворянства и (вместе с экономическими факторами) привело к уменьшению ренты до прежних размеров. Тем не менее, к концу столетия положение дворянства улучшилось в результате быстрого роста крестьянского населения при относительно медленном росте численности помещиков.

Состояние государства в период после Смуты характеризуется слабостью финансового аппарата, уменьшением налогов и распадом военной организации. При Филарете предпринимается попытка укрепления налоговой системы и перераспределения ресурсов в пользу государства – но эта попытка не привела к существенным результатам. Важным фактором, обусловившим тенденцию к укреплению государства, как и в XVI веке, был военно-технический фактор. Военное давление соседей побуждало к перениманию западной военной технологии. Создание «полков иноземного строя» в середине XVII века стало отправным моментом новой «военной революции», результатом которой, в соответствии с теорией, был рост налогов, усиление бюрократического аппарата и наступление самодержавия. Здесь мы вновь видим картину взаимодействия факторов, без учета которого невозможно объяснить исторические события.

Как и во времена Ивана Грозного, новая «военная революция» требовала проведения финансовых реформ и перераспределения ресурсов для финансирования новой армии. Однако правительство Алексея Михайловича

ча не осмелилось повышать налоги на помещичьих крестьян, поэтому необходимые средства были получены путем введения медных денег, что вызвало стремительную инфляцию и восстание 1662 года. Другим способом финансирования армии стало повышение налогов на черносошных крестьян Севера и Вятки. Между тем, Север был регионом, который менее других пострадал во время Смуты, здесь сохранялось высокое демографическое давление, а в середине столетия отмечались явные признаки Сжатия: крестьянское малоземелье, распространение аренды по очень высоким ставкам, отсутствие свободных земель, частые голодные годы и уменьшение населения в отдельных уездах. Налоговое давление государства в условиях Сжатия – так же, как во времена Ивана Грозного, – привело к катастрофическому голоду, бегству жителей и резкому уменьшению численности населения Поморья.

Нужно отметить, однако, что в отличие от катастрофы XVI века новая катастрофа имела локальный характер. В демографическом контексте, кардинальным отличием ситуации после Смуты и ситуации XVI века было то обстоятельство, что первая военная революция проходила в период Сжатия, а вторая – в период роста экономики, когда свободных земель было достаточно. Кроме того, правительство не решилось на масштабное повышение налогов и проводило реформы более постепенно, поэтому в центральных и южных районах сохранялся относительно высокий уровень жизни. Однако продолжение военных реформ делало увеличение налогов неизбежным – и они были радикально увеличены Петром I.

Еще одним следствием военной революции было переформирование дворянского сословия. Как отмечалось выше, «военная революция» XVI века сопровождалась поместной реформой и введением более тяжелых норм службы «детей боярских». «Военная революция» XVII века заставила дворян нести службу в рейтарских полках и привела к значительному сокращению численности дворянского сословия. С другой стороны, сокращение численности сословия привело к улучшению материального обеспечения дворян, к увеличению среднего размера поместий и вотчин. В целом, военные реформы представляли собой новую трансформацию структуры (вторую в XVII веке) – но эта трансформация затянулась и завершилась лишь в следующем столетии реформами Петра Великого.

В конце столетия в процесс военных реформ вмешиваются случайные факторы, связанные с внутренней динамикой государства. Ослабление центральной власти ввиду малолетства (или недееспособности) наследников царя Федора привело к «контрреформам» – к уменьшению численности полков «иноземного строя» и частичному возврату к прежней военной системе. Эти процессы сопровождались временным отступлением абсолютизма и новым усилением влияния элиты на правительство.

Большая роль случайных и внешних факторов в социально-экономических процессах XVII века оттеняется сравнительно менее интенсивным влиянием демографического фактора. Это обстоятельство, очевидно, связано со спецификой роли этого фактора в период восстановле-

ния. Роль демографического фактора особо значима в периоды Сжатия и перенаселения, когда малоземелье и повторяющиеся голодовки предписывают людям и властям определенную линию поведения. В период восстановления изобилие ресурсов и относительно высокий уровень жизни обуславливают большую свободу поведенческого выбора. В этот период демографический фактор почти не ставит ограничений вмешательству других факторов, в том числе и случайных. В это время действие демографического фактора, не «запрещающее», а «разрешающее»; например он «разрешает» крепостное право и рабство, которое в условиях перенаселения и избытка дешевой рабочей силы становится неэффективным и исчезает (см. п. 4.1.9).

В контексте демографически-структурной теории в начале XVIII века на первый план выходит динамика государства – процесс создания Российской империи. Основными факторами, стимулировавшими этот процесс, были технический и диффузионный; новый этап военной революции, слившись с диффузионным влиянием и усиленный случайными обстоятельствами воспитания Петра I, породил процесс модернизации России по западному образцу. Создание империи, прежде всего, означало решительную трансформацию структуры: появление нового структурного элемента, постоянной регулярной армии, отягчение служебных повинностей дворянства, создание нового чиновничества и перераспределение ресурсов в пользу государства, значительное увеличение налогов на крестьян. Мобилизация ресурсов позволила создать мощную армию, которая утвердила господство России в Восточной Европе. С точки зрения демографической теории наибольшее значение имел не выход России к Балтийскому морю, а прекращение татарских набегов, и в дальнейшем – завоевание Крыма. Это сделало возможным освоение обширных областей Южного Черноземья, что означало новое значительное расширение экологической ниши русского этноса; эта колонизация Черноземья была основным содержанием экономической истории России XVIII-XIX веков.

В то же время увеличение налогов сузило экологическую нишу центральных районов и ускорило назревавшие здесь процессы Сжатия. Модернизационный экстремизм Петра Великого выразился в чрезмерной мобилизации средств на строительство Петербурга и, в конце концов, привел к истощению сил народа и голоду 1723-1726 годов. Кризис не означал демографической катастрофы, но он вызвал изменение государственной динамики, некоторое сокращение налогов и военных расходов, а также временный отказ от дорогостоящих строительных проектов.

В правление Анны Иоанновны положение стабилизировалось, но уровень налогов оставался высоким, и Сжатие в центральных районах продолжалось. Анализ в рамках неомальтузианской теории обнаруживает в этот период такие характерные признаки Сжатия, как *низкий уровень потребления основной массы населения, приостановка роста населения, частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, крестьянское малоземелье, развитие ремесел и торговли*. Наблюдается отток населения на

Юг, однако города растут по-прежнему медленно, что объясняется трудностью переселения из деревни в условиях крепостного права.

Анализ структурной динамики показывает, что усиление давления государства на элиту при Петре I вызвало противодействие, которое в 1730-х годах стало более активным. Внутренняя динамика элиты, увеличение ее численности и уменьшение размеров поместий, в соответствии с демографически-структурной теорией, подталкивала дворянство к более активной борьбе. На динамику элиты оказывал важное влияние и диффузионный фактор: вестернизация постепенно пробуждала в дворянстве стремление к роскоши, что требовало увеличения его доходов. Наиболее важным аспектом борьбы между государством и дворянством был вопрос о распределении ресурсов; в условиях, когда совокупные поборы с крестьян центральных областей уже не могли быть увеличены, этот вопрос в значительной степени сводился к проблеме соотношения размеров ренты и налогов.

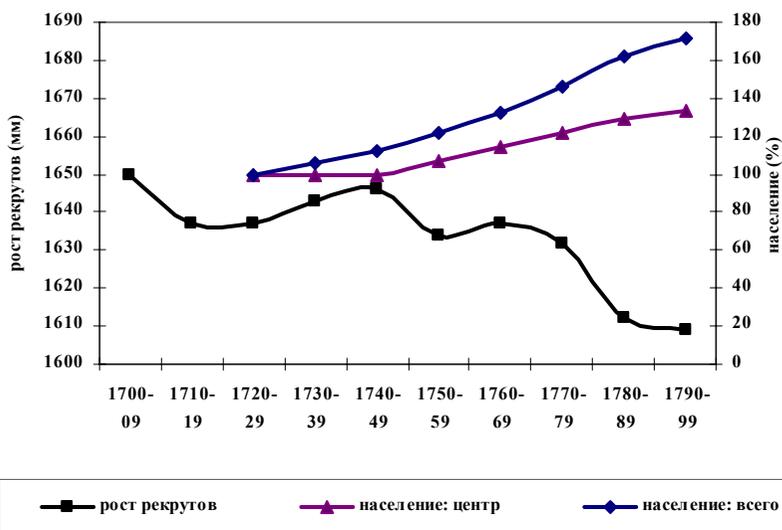

Рис. 3.8. Численность населения в Черноземном районе и на территории всей первой ревизии в сопоставлении с данными о росте рекрутов (по годам рождения)⁴⁵⁹.

По совокупности признаков социально-экономическая ситуация в 1720-1740-х годах может быть охарактеризована как ситуация накануне брейкдауна, однако кризис был преодолен за счет расширения экологической ниши, достигнутого в результате колонизации Черноземья. В то же время эта колонизация была невозможна без мобилизации ресурсов и создания новой армии – таким образом, в конечном счете, именно этатистская военная мобилизация позволила избежать катастрофы, которая теоретически была вполне возможна.

В политической сфере борьба за ресурсы между элитой и государством завершилась поражением государства. После гвардейского переворота 1741 года положение стало постепенно меняться в пользу дворянства, которое вскоре развернуло энергичное наступление на монархию. Решающими событиями в этом процессе были «освобождение дворянства» и переворот 1762 года, приведший к власти Екатерину II. В ходе этой «дворянской революции» и в последующие десятилетия происходит новая трансформация структуры, включающая освобождение дворянства от служебных обязанностей перед государством и превращение его в сословие независимых собственников, отягчение крепостного права, приблизившее положение крепостных к положению рабов, масштабное перераспределение ресурсов в пользу дворянства, выразившееся в резком сокращении реального размера налогов и росте ренты. Дворянство получает в свои руки власть на местах и в значительной мере определяет политику правительства. Это означает превращение этатистской монархии в служащую интересам элиты дворянскую монархию.

Дворянство оказывало давление одновременно на государство и крестьянство. Сокращение государственных доходов привело к ослаблению государства и армии. С другой стороны, рост ренты привел к искусственному сужению экологической ниши и голоду 1787 года.

Как отмечалось выше, современные исследователи при отсутствии данных о динамике потребления часто используют биометрическую информацию, в частности, данные о росте рекрутов. В этой связи чрезвычайно большую ценность имеет информация, собранная и проанализированная Б. Н. Мироновым⁴⁶⁰. Построенная по данным Б. Н. Миронова кривая роста рекрутов на рис. 3.8 до некоторой степени заменяет кривую потребления в обычной логистической схеме. При рассмотрении этих данных необходимо, однако, учитывать, что рост рекрутов, родившихся, скажем, в 1740-х годах отражает не только уровень жизни в эти годы, но и положение в период до призыва рекрута, то есть также и в 1750-е годы. Таким образом, при сохранении общей понижательной тенденции динамика изменений в действительности была менее конкретной, чем это может показаться из рис. 3.8. Тем не менее, из имеющихся данных можно сделать вывод, что в 1710-1720-х годах имело место резкое падение уровня жизни населения, но в 1740-х годах положение улучшилось, очевидно, за счет колонизации Черноземья. Затем уровень жизни снова падает, и особенно сильное падение приходится на время кризиса 1780-х годов. В целом эта картина соответствует демографической теории: рост населения сопровождается падением потребления, однако необходимо учитывать также структурную динамику, в частности, увеличение давления государства и элиты на крестьянство, что ускоряло темп падения уровня жизни и приводило к временным кризисам, таким, как кризисы 1724-1726 и 1787-1788 годов. Эти кризисы отчетливо видны на графике динамики естественного прироста (рис. 3.3).

Необходимо также учитывать динамику колонизационного процесса; в колонизируемых областях уровень жизни был выше, чем в Центре, и население там росло быстрее. Кроме того, с 1740-х годов стал более интенсивным подвоз продовольствия с Юга в центральные области, что сделало возможным организацию обмена ремесленных изделий Центра на хлеб, и улучшило продовольственное положение. Население центральных областей вновь стало расти – хотя этот рост был медленным.

После 1760-х годов положение стало постепенно ухудшаться и временно ослабшее Сжатие вновь усилилось, причем причиной этого усиления был не только рост населения, но и увеличение ренты. Кризис 1787-1788 годов был переломным моментом, заставившим как правительство, так и дворян осознать тяжесть положения крестьянства. Дворянство было вынуждено на время смириться с невозможностью увеличения ренты, и более того, в результате инфляции она стала уменьшаться. Со своей стороны, правительство впервые обратилось к мерам, которые в период Сжатия проводят многие государства, и Павел I ограничил размеры крестьянской барщины. При Павле I монархия на время вышла из подчинения дворянства, вновь попыталась регулировать отношения между сословиями и перераспределять в свою пользу экономические ресурсы. Это позволило увеличить военные расходы и усилить армию, но, в конечном счете, конфликт с дворянством привел к государственному перевороту и гибели Павла I.

В целом, анализ в рамках неомальтузианской концепции показывает, что XVII и XVIII века были периодом восстановления и колонизации. В 1730-х годах в Центральном районе появились первые признаки Сжатия, но колонизация Черноземья и организация торгового обмена между Черноземьем и Центром позволили замедлить процесс нарастания перенаселения. Тем не менее, биометрическая кривая показывает, что, в соответствии с теорией, с ростом населения потребление постепенно падало (рис. 3.8). На эту общую картину накладывалась структурно-демографическая динамика, состоявшая из ряда трансформаций структуры, каждая из которых вызывала отток ресурсов от народа и демографический кризис. Первая трансформация, закрепощение крестьян, как мы отмечали, находит объяснение в рамках демографически-структурной теории. Вторая трансформация, создание полков «иноземного строя» при Алексее Михайловиче, и третья трансформация, реформы Петра Великого, были вызваны действием технического и отчасти диффузионного фактора. Четвертая трансформация, «дворянская революция» 1760-х годов была вызвана совокупным действием демографического и диффузионного факторов. Вторая и третья трансформации (которые, впрочем, можно объединить в одну) показывают, что трансформация структуры, объекта, изучаемого демографически-структурной теорией, может быть результатом действия внешних по отношению к этой теории, не демографических, факторов. Таким образом, демографически-структурная теория может дать адекватное описание исторического процесса лишь в синтезе с другими объяснительными теориями, в данном случае, с теорией «военной революции».